

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 3 (47)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Жукоцкая А. В.</i> главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Черненко С. В.</i> зам. главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
<i>Осмоловская С. М.</i> ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат социологических наук
<i>Кожевников С. Б.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
<i>Бирич И. А.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
<i>Мамедова Н. М.</i>	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
<i>Савченко И. А.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук
<i>Хилханов Д. Л.</i>	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
<i>Оганисян А. О.</i>	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
<i>Чжан Байчунь</i>	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2078-9238

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера 7

Социальная философия

Мапельман В. М. Морально-нравственные проблемы, порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса..... 8

Ковалев А. А., Ларионов А. Э. Философское осмысление войны: опыт сравнительного ретро-анализа..... 23

История идей и современность

Кучеренко А. В. Взаимосвязь формальной, диалектической и трансцендентальной методологий И. Канта..... 38

Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода: формы сосуществования и взаимодействия..... 49

Черненко С. В. Медиакоммуникация как форма познания в исследованиях М. Маклюэна и Н. Постмана..... 59

Философия образования

Сересова У. И. Политическая социализация на уроках обществознания 68

Гумарова А. Н. Сравнение категорий улучшения человека в контексте биотехнологий и совершенствования в контексте образования..... 78

Научная жизнь

<i>Бирич И. А.</i> В Санкт-Петербурге состоялся форум «Народное образование»	93
---	----

Исследование молодых ученых

<i>Сухов А. А.</i> Социальное взаимодействие и мир вещей: опыт волонтерского проекта	98
Требования к оформлению статей.....	110

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	7
-----------------------------------	---

Social Philosophy

<i>Mapelman V. M.</i> Moral Problems Generated by the Research of Global Processes and Space Exploration.....	8
<i>Kovalev A. A., Larionov A. E.</i> Philosophical Understanding of War: the Experience of Comparative Retro-Analysis	23

History of Ideas and Modernity

<i>Kucherenko A. V.</i> The relationship of formal, dialectical and transcendental methodologies I. Kant.....	38
<i>Ustinov O. A.</i> Anthropological Paradigms in Russian Philosophy of the Soviet Period: Forms of Coexistence and Interaction	49
<i>Chernenkaya S. V.</i> Media Communication as a Form of Cognition in the Studies of M. McLuhan and N. Postman.....	59

Philosophy of Education

<i>Seresova U. I.</i> Political Socialization in the Lessons of Social Science.....	68
<i>Gumarova A. N.</i> Comparison of the Categories of Human Improvement in the Context of Bio-Technologies and Improvement in the Context of Education	78

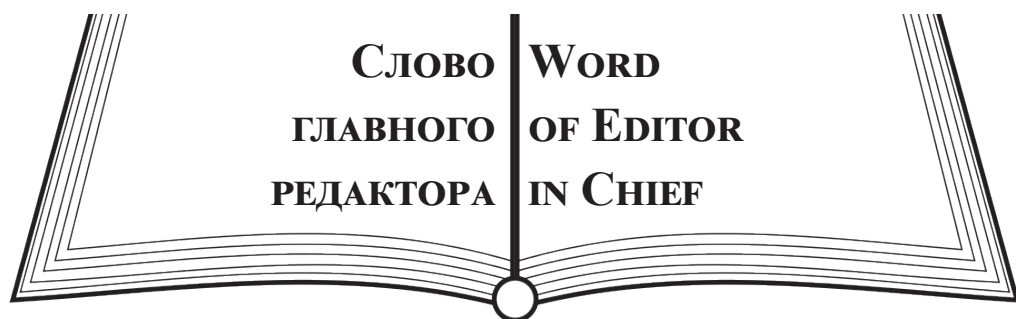
Scientific Life

Birich I. A. The Forum “Narodnoe obrazovanie”
was Held in St. Petersburg 93

Research by Young Scientists

Sukhov A. A. Social interaction and the world of things:
the experience of a volunteer project 98

Requirements for Style Articles 110

Задачи номера

В центре внимания авторов этого номера — актуальные проблемы классической универсальной системы «человек — общество». Место человека в социуме во многом определяется имманентным присутствием самого социума в человеке, этим же определяется и будущее не только человека, но и человечества в целом. Очевидно, что научный и технический прогресс неизбежен, освоение космоса — уже давно обыденная реальность, но вопрос, исчерпывается ли понятие прогресса только развитием техники и технологий, остается актуальным и по сей день. Прогнозы будущего человечества, многочисленные утопии и антиутопии вновь возвращают исследователей к такому неоднозначному явлению, как русский космизм. В качестве источника прогресса принято рассматривать и такое социальное явление, как война. Феномен войны относится к классической проблематике социальной философии и философской антропологии. Но насколько война как социальное явление онтологически неизбежна и универсальна? Еще одна важнейшая

проблема, связывающая воедино человека, его сознание и общество, — это современные коммуникации и медиасреда. Кто является реальным конструктором — мы конструируем онтос или «медиаонтос» уже давно создает нас и наше сознание? И здесь взор философов вновь обращается к кантовской трансцендентальной методологии, к точкам пересечения формальной и диалектической логики, к выходу за пределы видимого бытия. Какова истинная природа человека? Можно ли ее улучшить и допустимо ли биотехнологическое улучшение? Как это будет соотноситься с моралью, с идеей самоценности человеческой личности, с понятием свободы, с целями и идеалами образования? Можно ли воспитать в современном человеке принципы разумного потребления или нас ожидает одноразовое будущее, одноразовое и безразличное потребление? Авторы полагают, что нам все-таки удастся переориентировать свое социальное бытие в сторону ответственного отношения к социуму и природе, победив отчуждение как тотальный дискурс настоящего и будущего.

Научно-теоретическая статья

УДК 008.2 + 17.026.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПОРОЖДЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯМИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ОСВОЕНИЕМ КОСМОСА

Мапельман В. М.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Аннотация. В настоящее время проблема перспектив развития человечества, в том числе и космической направленности, является одной из самых актуальных как в науке, так и в философии. В связи с этим в данной статье рассматриваются вопросы особенностей современных социальных и научно-технических процессов, их соотношения и права на квалификацию в качестве прогрессивных явлений. Выделяются признаки, свидетельствующие о росте проявлений напряженности и аморальности в современном обществе, спровоцированные ускорением темпов развития социума и происходящих в нем обновленческих процессов, в основном технического характера. Представлена концепция К. Э. Циолковского, наиболее полно прописывающая образ будущего человечества, путь к нему и средства достижения поставленных задач и идеалов. Характеризуются широко распространенные в наши дни утопические и антиутопические проекты, сориентированные на ближайшее космическое будущее. Оцениваются творческие разработки ученых по описанию образа благого и упорядоченного существования разумных существ в космосе; возможности реализации принципа благоговения перед жизнью. В материале представлены пять основных направлений современных исследований, касающихся глобальных проблем современности, связанных с освоением космоса, в которых затрагиваются вопросы морали и нравственности. Это специальные (в основном технические) работы, в которых присутствует заметная гуманитарная составляющая; общефилософская концепция универсальной истории; варианты включенности элементов прагматической морали в научные теории космического диапазона; привлечение идей русского космизма; попытки разработки космической этики в рамках этической теории.

Ключевые слова: космические исследования, глобальные процессы, космическое прогнозирование, социальный прогресс, гуманитарная катастрофа, мораль, нравственность

Для цитирования: Мапельман В. М. Морально-нравственные проблемы, порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1

Scientific and theoretical

UDC 008.2 + 17.026.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1

MORAL PROBLEMS GENERATED BY THE RESEARCH OF GLOBAL PROCESSES AND SPACE EXPLORATION

Valentina M. Mapelman

Moscow City University,

Moscow, Russia,

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Abstract. Currently, the problem of the prospects for the development of mankind, including the cosmic orientation, is one of the most urgent, both in science and in philosophy. In this regard, this article examines the issues of the peculiarities of modern social and scientific and technical processes, their correlation and the right to qualify as progressive phenomena. There are signs indicating the growth of manifestations of tension and immorality in modern society, provoked by the acceleration of the pace of development of society and the renewal processes taking place in it, mainly of a technical nature. The concept of K. E. Tsiolkovsky is presented, which most fully prescribes the image of the future of humanity, the way to it and the means to achieve the tasks and ideals set. Utopian and dystopian projects widely spread nowadays, oriented towards the near space future, are characterized. The creative developments of scientists are evaluated to describe the image of a good and orderly existence of intelligent beings in space; the possibility of implementing the principle of «reverence for life». The material presents five main directions of modern research concerning the global problems of our time related to space exploration, which address issues of morality and morality. These are special (mostly technical) works in which there is a noticeable humanitarian component; the general philosophical concept of universal history; variants of the inclusion of elements of pragmatic morality in scientific theories of the cosmic range; involvement of the ideas of Russian cosmism; attempts to develop space ethics within the framework of ethical theory.

Keywords: space research, global processes, space forecasting, social progress, humanitarian catastrophe, morality, ethics

For citation: Mapelman, V. M. (2023). Moral problems generated by the research of global processes and space exploration. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 8–22. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.1>

Введение

Современная наука становится все более практичной, если не сказать утилитарной. Даже со стороны ученых можно услышать об «основных и второстепенных знаниях», «избыточных теоретических построениях», «проблематичной научной ценности гуманитарных и социальных исследований». Подобные веяния проникли и в образование, где примеры строгих теоретических выводов, как правило, берутся в основном из области естествознания, где процесс образования настойчиво стараются состыковать со сферой экономики, а практикоориентированность заявлена в качестве одной из основных установок обучения по всем предметным направлениям. В связи с этим хотелось бы напомнить слова выдающегося французского математика Анри Пуанкаре: «Наука, созданная исключительно в прикладных целях, невозможна; истины плодотворны только тогда, когда между ними есть внутренняя связь. Если ищешь только тех истин, от которых можно ждать непосредственных практических результатов, то связующие звенья исчезают и цепь распадается» [Пуанкаре, 1983, с. 218].

При этом не стоит забывать, что практическая стадия наступает после теоретического познания, а мир существует как единое структурно-системное целое. Таким и должна его отражать наука. И сколько бы мы ни пытались оправдывать процесс ее дифференциации, стремясь сосредоточивать наши знания на отдельных, все более детальных фрагментах реальности, их сложение не способно создать целостную научную картину мира. Слишком разнообразны по своей природе процессы и явления, которые они описывают.

Цель любой науки — выявление причин происходящего в реальном мире и закрепление полученных сведений в обобщенных выводах, законах и закономерностях. Завершить данный процесс невозможно. При этом уже полученные знания тяготеют ко все более объемным универсалиям, принимая философские очертания.

Особое внимание наука проявляет к процессам развития, заметно активизируя эти явления в периоды серьезных социальных разломов и исторических переустройств. Современная история подобными явлениями (зачастую достигающими кризисных стадий) насыщена чрезвычайно. При этом любой факт обновления, усложнения, нового открытия (прежде всего в области техники или естествознания) нередко оценивается как позитивный и даже прогрессивный. Действительно, благодаря созданию принципиально новых научных теорий, коренным образом менялись научные представления о мире, довольно энергично пересматривались основания наук, то есть происходили научные революции. Только на современном этапе истории науки их насчитывается уже четыре. Первая произошла в XVII веке, вторая — в конце XVIII – первой половине XIX века, третья — в конце XIX – середине XX века, четвертая — в последней трети XX века. Для двух последних характерны следующие особенности:

- все исследуемые системы и явления рассматриваются с учетом их исторического развития;
- мир бытия уже не ограничивается нашей планетой, а распространяется на всю Вселенную;

- антропный принцип (допущение, предполагающее возможность связи между физическими свойствами Вселенной и существованием в ней разумного существа-наблюдателя) охватывает все формы космического существования;
- начинают реализовываться комплексные исследовательские программы глобального (космического) диапазона;
- ценностно-нейтральный идеал научной деятельности (ориентация исключительно на истинность знаний) дополняется ценностно-оценочным (допущение морально-нравственных квалификаций поступков и поведения ученых).

Результаты исследования

Обновления подобного рода в науке были стимулированы формированием и распространением процессов глобализации. Начав складываться в середине XIX века, они в течение довольно быстрого времени достигли по многим своим модификациям катастрофического состояния. К сожалению, основное внимание ученых продолжало (и продолжает) быть сосредоточенным прежде всего на двух их разновидностях: природных и экологических. В последние годы к ним добавились еще и техногенные. Исследования же причин процессов глобального масштаба, порожденных функционированием социума, в наши дни или системно не ведутся, или сосредоточиваются в основном на областях психологии и организационно-политических просчетах. И хотя в настоящее время можно встретить (в основном в политической литературе) термин «гуманитарные катастрофы», его смысл связывают в основном либо с эгоистическим поведением человека, либо с проявлениями его непрофессионального отношения к системам природного и технического характера, либо с нежелательным для людей сокращением объемов и качества обыденного потребления.

Однако еще на грани XIX–XX веков были сформулированы и иные взгляды на гуманитарную катастрофу, как на человеческую драму глобально-космического масштаба, в процессе которой может быть уничтожено все живое (и природное, и социальное) по причинам сугубо социальным. По мнению их сторонников, гуманитарная катастрофа современного мира может быть порождена стремлением заменить культурно-этические духовные ориентиры в поведении людей на вещные эгоистические чувственные образцы. Одними из первых изложение данной позиции предприняли ученые, мыслители и творческие деятели, которые впоследствии были определены как представители такого философского направления, как русский космизм [Русский космизм, 1993].

Важно иметь в виду, что в русской философии на протяжении всей ее истории не утрачивалось отношение к миру как к универсальной одухотворенной гармонии. Именно в русском языке оказалась востребованной эта содержательная древнегреческая особенность термина «космос», которая воплотилась в понятии «вселенная» (универсальная одушевленность и заселенность всего бесконечного реально существующего мира). Необходимо отметить, что признаваемый в наши дни научным сообществом феномен русского космизма

до настоящего времени пока не сложился в системное целостное философское направление и представляет собой собрание содержательно обособленных концепций. А вот как мировоззрение космизм оказался довольно востребованным в наши дни.

Однако вернемся к вопросу возможной глобальной гуманитарной катастрофы на нашей планете. Одним из первых достаточно отчетливо прописал данную перспективу К. Э. Циолковский, вполне справедливо считавший, что самые опасные угрозы человечеству проистекают от него самого, от поведения людей и тех принципов и ценностей, которые они возводят в норму и принимают за образцы при выборе своих поступков. Неслучайно, Константин Эдуардович был солидарен с теми античными мыслителями, которые, выстраивая иерархию наук, начинали ее с физики, а завершали философией и этикой [Циолковский, 2001].

Он довольно рано обратил внимание на то, что не стало очевидным для многих и в наши дни: ускорение темпов развития общества всегда сопровождается усугублением состояния напряженности в довольно крайних формах ее проявления — агрессивности и аморальности. В настоящее время к ним можно отнести:

- навязчивые призывы к непрерывным преобразованиям, далеко не всегда обусловленным внутренними причинами и внешними потребностями;
- энергичную реализацию обновлений формальных (модификаций, вариантов, версий);
- распространение и одобрение устойчивого состояния нервного и психического напряжения, эпатажного поведения как нормы жизни;
- настойчивую пропаганду модернистских образцов духовной жизнедеятельности людей (в музыке, живописи, литературе, архитектуре, дизайне, кино-, теле- и театральном искусстве, образовании);
- призывы к терпимости в отношении расширяющихся безнравственных форм поведения, нередко квалифицируемых как новый этап развития морали;
- всплеск клерикализма с его претензией на религиозный характер духовно-культурной жизни общества, прежде всего в сфере морали и науки;
- целенаправленное внедрение взглядов на безальтернативную прогрессивность процессов подмены знаний информацией, образования — просвещением, личностной интеллигентности — эффективным потребительством.

Бесспорно, что изменения в современном обществе идут весьма энергично, но всегда ли можно их квалифицировать как прогрессивные, развивающиеся от менее совершенных к более совершенным, к лучшим и предпочтительным? Едва ли, ведь их главные показатели в основном сосредоточены на количественных параметрах (больше, сложнее, быстрее, энергичнее, выгоднее, эффективнее и т. п.). В науке продолжает господствовать уверенность в том, что научно-технический процесс всегда прогрессивен, что он и есть основной показатель социального развития. При этом игнорируются предупреждения ученых-гуманитариев о возможных опасностях, рисках и угрозах, спровоцированных внедрением рекомендаций естественных и технических наук.

Появляется все больше доказательств того, что научно-техническое и социальное развитие могут идти по разным траекториям. Но если учитывать то, что с точки зрения времени прогрессивный и регрессивный векторы направлены не в противоположные стороны, а в одну и ту же, различить их далеко непросто. Однако оценка уровня социального прогресса в современном мире просчитывается на основе количественных (технических) критериев. Так разработанные международные индексы демократии и свободы позволяют: считать образцом полноценной демократии Уругвай; уровень социального равенства определять через соотношение объемов денежных доходов (при этом в расчет не берется их источник); индекс толерантности использовать как основной показатель прогресса в духовной сфере; а вот прогресс в науке и технике измерять числом инноваций (количеством открытий и технических изобретений), приходящихся на миллиард людей в год и увеличением возможности доступа к большему количеству информации.

При этом, как показывает статистика, основные материальные, духовные и культурные ценности общества во все более возрастающей степени оказываются доступными лишь довольно узкой группе обитателей нашей планеты. Остальным предлагаются их суррогаты, обычно в электронном исполнении, культурно минимизированные, направленные в основном на удовлетворение не столько духовных, сколько эмоционально-физиологических потребностей. «Модный» и популярный современный сторонник оценки культуры человечества по количеству ее технических открытий и полноте удовлетворения его естественных потребностей Юваль Ной Харари потратил немало сил, обосновывая мысль о том, что главными двигателями развития цивилизации всегда были, остаются и останутся еда, власть и секс [Харари, 2018; 2019]. Однако его изыскания явно не обращены к привилегированным слоям населения нашей планеты.

Важно учитывать и то обстоятельство, что в современном мире основные моральные ценностные ориентиры (уровень теоретического сознания) адресованы всем и каждому, а вот нравственные оценки реальных поступков конкретных людей или социальных групп (уровень практического поведения) имеют довольно жесткую иерархическую дифференциацию. Для ведущих (управляющих) они одни, а для ведомых (управляемых) — другие. К первой группе относят лучших из лучших, тех, кто способен открывая новые законы природы, давать рекомендации по использованию ее сил и возможностей, придумывать уникальные механизмы, обеспечивать (организационно и финансово) их внедрение и потребление. Это те, кто «могут увеличить механическое могущество человека в тысячи раз», кто воспринимает «космос как сложный автомат, сам производящий свое совершенство» [Циолковский, 2001а, с. 74]. Они считают себя избранными в ходе тщательного отбора и полагают, что их жизнь и деятельность должны быть максимально благоустроены, а для этого им необходимо гарантировать исключительные права и возможности. А как же остальные? Для них достаточно будет обеспечить физиологически безмятежное, комфортное в бытовом отношении, безболезненное и здоровое, насыщенное досугом существование.

В наши дни сторонников у этой позиции немного и попытки оправдать реализацию намерений такого рода вызывают энергичные протесты. Однако идеологов подобного варианта развития общества в расчете на отдаленное будущее это не останавливает, тем более что в их руках сосредоточены серьезные рычаги власти и финансово-экономико-техническое господство.

Описывать будущее пытались и пытаются многие ученые. Сложилась даже отдельная сфера теоретического знания — футурология. В ее рамках предпринимаются попытки решать задачи прогнозирования будущего, нередко путем экстраполяции существующих тенденций (в основном технологических и экономических) на явления и процессы последующего отдаленного времени. Однако квалифицировать их как научный прогноз нам кажется преждевременным. По сути дела, многие из них (в том числе и космические), претендующие на квалификацию прогностических, аналогичны популярным утопическим теоретическим построениям, появившимся еще в XVI веке.

Их основу составляли (и продолжают составлять): вера в технический прогресс и могущество человеческого разума; чрезвычайное внимание к обыденным и бытовым взаимоотношениям между людьми; ориентация на абсолютно совершенные благие идеалы; внеисторический, вневременной и внекультурный подходы к проектированию будущего [Чаликова, 1994]. За довольно короткий временной срок они прошли путь от художественных фантазий до научных построений и попыток их реализации. При этом у всех подобных версий есть ряд общих особенностей. Во-первых, сочетание научно обоснованных, теоретически рассчитанных тенденций развития взаимосвязанных естественных и технических процессов с гуманитарной составляющей, ограниченной вопросами исключительно психологического и утилитарно-бытового характера. Во-вторых, они насыщены серьезными предложениями по созданию эффективной технической среды, в которой осуществляется жизнь и деятельность людей. В-третьих, они дополняются произвольно сформулированными предложениями по организации благоустроенной, счастливой жизни для каждого и правилами по ее управлению.

По сути дела, эти утопические проекты различаются лишь степенью своей привлекательности. Однако если до недавнего времени они в основном были сосредоточены на описаниях позитивных перспектив будущего социального существования, то в наши дни эстафету перехватили антиутопии. Их главная задача — максимально испугать людей изображением возможного будущего. В этой ситуации антиутопии взяли на себя еще и функцию компрометации любого варианта общественного устройства, который был бы не связан с господствующими в наши дни буржуазными ценностями. Это довольно впечатляюще и даже талантливо представлено в художественной форме, например у Р. Брэдбери, Е. И. Замятина, Д. Оруэлла, О. Хаксли и других. При этом антиутопии все-таки оказались способны нарисовать картину будущего мирового космического порядка, представляющую собой слепок с современных социальных взаимоотношений, но в гипертрофированной форме.

Существующие малочисленные позитивные картины космического общества тоже выглядят не очень жизнеспособно, а нередко и непривлекательно. В частности, так обстоит дело с версией К. Э. Циолковского, предложившего не только собственное целостное видение вселенского мира, но и прописавшего тенденции его становления и развития. Он разработал свой вариант структуры этого мира, где каждый фрагмент рассмотрен не только с точки зрения его специфики и строения, но и с позиции функциональных связей с другими элементами. В нем нет ни одного второстепенного структурного элемента мироздания, в том числе ни одного уязвимого варианта отношений и взаимодействий. К. Э. Циолковский попытался рассмотреть особенности сочетания разноприродных явлений в жизни социума (естественных, технических, гуманитарных, социальных, абстрактных). Вполне в духе античного понимания космоса он отвергал существование идей чисто технических или гуманитарных, физических или медицинских, так как в каждой из них присутствовали социальные составляющие и ценностно-моральные аспекты. Технические процессы, по его мнению, способны породить естественные последствия, гуманитарные отношения сказываться на природных явлениях, а естественные закономерности определять правила поведения человека и смысл его поступков. Данное обстоятельство выгодно отличает позицию К. Э. Циолковского как от попыток решить данную задачу (создать целостную динамичную картину мира) многими его современниками (например, В. И. Вернадскому это так и не удалось), так и от максимально вульгаризированных (упрощенных) ее модификаций, предлагаемых в наши дни.

Позиция К. Э. Циолковского оказалась фактически первой теоретической разработкой, включающей в себя прогностические расчеты будущего бытия. В ней дан анализ рекомендуемых нравственных отношений, а также попытка прописать культурно-интеллектуальные перспективы продвижения земной цивилизации во Вселенную. Он попытался описать состояние космического счастья, обосновать возможности бессмертия, отсутствия страданий и достижения свободы у отдельных индивидов, правда на естественно-научных основаниях. А иначе и быть не могло, ведь человек у него — это, прежде всего, существо природное. Если он, страдая, прошел путь длительной эволюции, то в его поведении должны были сложиться врожденные нравственные инстинкты. Если они в каких-то обстоятельствах не способны автоматически обеспечить достойное поведение, то тогда подключается разум, диктующий причинно обусловленное соотнесение моральных ориентиров с поставленными целями. Нравственность у Циолковского ставится в зависимость от знаний, но не от любых, а лишь от научных. Таким образом, обладатель гениального разума неизбежно является носителем идеальной нравственности. Но так как данную зависимость опытом подтвердить невозможно, то приходится отождествлять истину с добром и благом. В этом случае положительной оценки заслуживают действия любой разумной силы, если она опиралась на истинные выводы теоретических построений, независимо от того, о чем идет речь:

о созидании или уничтожении, покорении или освобождении, консервации или преобразовании.

К. Э. Циолковский полагал, что если нравственная доктрина покоится на исключительно благих моральных требованиях и безупречных идеалах, то и построенная на них теоретическая система позволит выработать такие рекомендации для области нравственных отношений, которые бы полностью исключили какие-либо проявления аморализма. Он не сомневался, что истинно нравственная жизнь достижима лишь в условиях космического единения, где нет мотивов к самоистреблению, налажена система воспитания и усвоения каждым высших моральных идеалов, отсутствуют страхи и опасения, в том числе и страх смерти. Одним словом, реализуется полнейшее безбрежное, ничем не прерываемое счастье.

Интеллектуальный труд специалистов и практиков, профессионалов высочайшего уровня квалифицируется К. Э. Циолковским как наиболее уважаемый и продуктивный. Базируется он на их врожденной и развитой талантливости. Они и составляют элиту космического сообщества. Если нравственные последствия их поведения не совпадут с моральными ориентирами, но будут сопровождаться чрезвычайно значимыми творческими результатами, то выбор общества должен быть сделан в пользу результатов. Таким образом, человек будущего достигнет уровня эталонного добра и предельного совершенства, хотя оценки эти являются по сути дела не моральными, а интеллектуальными.

Подобная модель человека будущего (в том числе и космического) и в наши дни достаточно распространена. Уже с детства люди разделяются на отдельные социальные группы. Таких групп можно выделить как минимум четыре. В первую попадают те, кто может себе позволить разностороннее, фундаментальное, но при этом малодоступное, дорогое, традиционное элитарное образование. Вторую группу составляют особо талантливые представители, которые получают поддержку правящих группировок и благодаря ей будут подпущены к высококачественному образованию. Представители самой большой, третьей группы под активную пропаганду разнообразных образовательных технологий будут обеспечены «ширпотребом» не выше бакалавриата. В итоге они смогут выступать дополнением для тех или иных технических устройств и станут квалифицированными рабочими или исполнителями. Поскольку они не уникальны, то их просто заменять другими такими же. Четвертую группу составляют ненужные и избыточные для правителей люди. От них необходимо освобождаться.

Стремление спроектировать абсолютно благое общество довольно распространено и сейчас. При этом необходимо заметить, что оно характерно для всех утопических проектов, в том числе и для антиутопий, где оно присутствует в неявном виде. Общекосмическое распространение исключительно благого и упорядоченного существования разумных существ допускается многими исследователями как аксиома. Включенность в него земной цивилизации рассматривается в основном с технической точки зрения, то есть с позиции

возможности конструирования специальных приспособлений, позволяющих реализовывать задачи расселения интеллектуальных индивидов во Вселенной. Однако любая техническая система имеет свою социальную составляющую и игнорирование ее способно превратить перспективный технический проект в социально опасный и морально ущербный.

Проектирование будущего сообщества космических обитателей, как правило, сопровождается реализацией принципа ненасилия, то есть отсутствием в нем условий для страданий и принуждения. Особо подчеркивается его моральный характер, хотя прорабатываемые в нем аспекты насыщены либо психологическим, либо политическим содержанием. Попытки теоретической проработки данного принципа осуществлялись в гуманитарном знании неоднократно. Одним из самых популярных является вариант благоговения перед жизнью, предложенный А. Швейцером. По его мнению, «стать нравственной личностью означает стать истинно мыслящим. <...> Этика благоговения перед жизнью... признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни. Всякое уничтожение жизни или нанесение ей вреда, независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло» [Швейцер, 1973, С. 305, 314–315]. Чем больше наблюдается в современном мире насилие, давление и агрессивность, тем более привлекательным выглядит данный, довольно наивно (но искренне) трактуемый принцип.

Серьезность и принципиальная важность морально-нравственной сферы жизни людей связана еще и с тем, что нравственное здоровье общества не зависит напрямую от конкретных форм политического правления, действующего законодательства, уровня экономического развития, образа жизни, объема накопленных знаний и приобретенных навыков. Более того, нравственность не является практическим воплощением идеалов морального сознания. Именно поэтому постановка задачи полного освобождения от проявлений безнравственности, руководствуясь принципом ненасилия, как на нашей планете, так и за ее пределами едва ли может быть успешной. Проектирование моральных образцов и нравственная практика жизнедеятельности — это не сообщающиеся сосуды.

Однако в настоящее время наблюдается энергичная разработка некоторых универсальных принципов поведения непротиворечивого характера (этика ненасилия, глобальная этика, этика общечеловеческих ценностей). Не согласовывая свои разработки с особенностями функционирования нравственных процессов, культурными и историко-хронологическими параметрами, их авторы фактически сосредотачиваются на вопросах физической сохранности жизни и поддержания ее в благоприятных естественно-бытовых условиях. По сути дела, характеристики ненасилия совпадают с современными модификациями насилия, но с противоположным знаком.

Разработчики космических проектов, ссылаясь на принцип ненасилия, тоже имеют в виду некое абстрактное морально благополучное общество, которое при этом должно обязательно и непременно развиваться прогрессивно. Возможных космических обитателей они заранее наделили всеми допустимыми

проявлениями совершенства. Данный процесс сопровождается попытками создания универсально справедливых и благих моральных кодексов, обладающих рядом общих особенностей. Во-первых, в них проработана исключительно моральная составляющая, обращенная к сфере сознания, при игнорировании нравственно прикладных элементов. Во-вторых, добродетели и пороки в них рассматриваются автономно друг от друга. В-третьих, с помощью скрытой или явной ориентации на религиозные ценности осуществляется попытка избежать проблем нравственной противоречивости социальных отношений. В-четвертых, априорное допущение наличия оптимальных вечных нравственных ценностей, которые являются, по сути, ценностями морали. Все это можно наблюдать в попытках создания моральных космических кодексов как вариантов Декалога (библейских десяти заповедей Бога), созданных выдающимися представителями науки XX века А. Эйнштейном, Б. Расселом, А. Д. Сахаровым, Д. С. Лихачевым, А. Д. Александровым.

Разработчики космических этических рекомендаций тоже стараются не покидать поприще морали, не затрагивая область нравственности и трактуя эти два термина как синонимы. В качестве образцов этики ненасилия нередко предлагаются продемонстрировавшие на практике свою уязвимость религиозные в своей основе концепции Л. Н. Толстого, М. Ганди и М. Л. Кинга. Надежда гармонизировать социальные отношения оправданным насилием (вариант К. Э. Циолковского) или полным отказом от него (вариант А. Швейцера) путем социальной селекции, не только утопична, но и негуманна. Попутно авторам подобных разработок удалось (нередко вопреки их собственным намерениям) продемонстрировать, каким образом морально привлекательный проект может трансформироваться с точки зрения нравственности в порочный образ жизни.

К. Э. Циолковский (и не только он один) мечтал о Вселенной, где «в космосе существует только истина, совершенство, могущество и удовлетворение...». «Высшее богатство: непрерывно бесконечная совершенная и блаженная жизнь космоса и каждого его атома!... Это несомненное и ни с чем не сравнимое счастье сделало бы нас добрыми» [Циолковский, 2001, с. 288, 198]. Фактически его идеал — это стремление к абсолютному совершенству разума. Его носитель — «воображаемое существо, выработанное тысячами лет искусственного подбора (как сахарная свекла), с одним головным мозгом и его проводками...» [Циолковский, 2001а, с. 133]. Его можно создать путем искусственной эволюции, в результате которой появятся «совершенные организмы, мало чувствительные к радостям и страданиям. Молодость их не очень восторгает и старость их не очень мучает. Получается философское равнодушие, равнодушие Будды, величие нирваны. Не смертный покой, но жизнь, богатая делами, великими поступками, только философски спокойная. Она стоит на страже нашей планеты и распоряжается мудро жизнью и природой. Не позволяет она возникновению несчастий, горя, болезней, смертных агоний, грубых резких радостей, наслаждений и неизбежно сопутствующих им мучений. Не человек один будет застрахован от этих низких животных чувств, но и все живое. Итак,

да здравствует деятельная нирвана, нирвана бесполезных чувств, но не по-ступков!» [Циолковский, 2001, с. 263]. Не напоминает ли это искусственный интеллект?

Заключение

К этому ли мы стремимся? Хотим ли мы такого результата? На это ли направлена аэрокосмическая деятельность — реальность нашей современной жизни? Несмотря на ее предпочтительно техническую ориентацию, в ней признается принципиальная важность социальных аспектов, хотя они, как правило, ограничиваются экономическими, природно-экологическими, политическими и психологическими взглядами. При всей оправданности внимания к ним они явно не исчерпывают всей полноты социальных и гуманитарных составляющих аэрокосмической деятельности. И если квалификация организаторов, руководителей и исполнителей подобного рода работ подкреплена их профессиональной базой (образование, научные достижения, опыт руководства, квалификационные навыки), то гуманитарные разработки практически ведутся не специалистами и принимаются без должных аргументов на уровне допущений. Кроме того, к сожалению, представители современных инженерных и технических специальностей плохо себе представляют, а нередко просто не задумываются о них: о социальных и этических последствиях своих профессиональных решений и действий, а значит, они не в состоянии нести за это ответственность.

В соответствии с рассматриваемой темой хотелось бы обратить особое внимание на исследования, ведущиеся в настоящее время в нашей стране по пяти направлениям. Первое из них представляют специализированные работы, связанные с конкретными (в значительной степени техническими) процессами освоения космического пространства, в которых присутствует довольно значительная гуманитарная составляющая. Прежде всего, это работы С. В. Кричевского [Кричевский, 2020]. По его мнению, есть две причины, которые делают задачу расселения человека в космосе актуальной: это его выживание (спасение) в случае глобальных земных катастроф и удовлетворение его стремления к более безопасному, качественному, интересному и насыщенному существованию. Причем вторая цель является технически более достижимой, чем первая. Космический человек — это разумное существо, которое осознает свое космическое предназначение, стремится жить вне Земли, готов к этому или уже живет вне нашей планеты. Свое становление он проходит за четыре этапа: космический мечтатель, космонавт, рожденный вне Земли индивид и «абсолютно космический» человек (зачатый и рожденный в космосе, воспитанный и сформировавшийся вне Земли среди сообщества себе подобных). Практическая составляющая таких проектов имеет не только основательную теоретическую и техническую проработку, но и свою довольно серьезную

прикладную историю. Интересные естественнонаучные, технические и психологические составляющие в этих проектах сопровождаются оригинальными проработками политического и правового характера, но вот этические элементы в них почти не прослеживаются.

Второе направление наиболее отчетливо представлено в творчестве А. П. Назаретяна. Он, разрабатывая общефилософскую идею универсальной истории, достаточно убедительно обосновал позицию, в соответствие с которой «“прогресс” как средство сохранения всегда представляет собой паллиатив (полумеру, компромиссное решение — *В. М.*) — выбор меньшего из зол. Это заставляет критически отнестись к глобальным утопиям, широко разрекламированным и опирающимся на политические авторитеты. <...> Одно из неперемных условий выживания планетарной цивилизации составляет “диалектическое снятие” авторитарных форм морали моралью критической. В быстро усложняющемся мире ограниченный набор алгоритмов (заповедей), опирающихся на запредельный авторитет, делает человека беспомощным перед лицом новых проблем и неспособным принимать адекватные решения» [Назаретян, 2020, с. 212, 228]. Выход из этой ситуации возможен при условии перерастания планетарного сознания в сознание космологическое. Однако на этом пути лежит препятствие — «неготовность разума совладать с растущим инструментальным могуществом» [Назаретян, 2013].

Третье направление развивает прагматические тенденции в научной теории. Их сторонники, касаясь вопросов этики, называют ее исключительно прикладной наукой, сосредоточенной на практической реализации требований морали. Они делают ставку на признание принципа ответственности основным показателем «образцовой моральности». Данный подход прослеживается в трудах В. А. Канке, где «образцовая моральность — это образ жизни... <...> способность поступать в соответствии с содержанием философской и нефилософской этики» [Канке, 2003, с. 299], а взгляд в будущее ограничен ориентацией на наше время и лишен каких-либо нравственных оценок и ориентиров.

Четвертое направление объединяет сторонников русского космизма, затрагивающих этические аспекты космической перспективы развития человечества. Цели реализации их намерений направлены на «объединение ради прекращения насилия и совместного избавления от несовершенств и изъянов человеческой природы; дальнейшее развитие науки и техники, изучение космоса, познание природы и человеческого организма; выявление и поддержание гениев, исследователей, изобретателей, новаторов, просветителей; создание рационального и гуманного общественного устройства, основанного на власти интеллектуальной элиты; усовершенствование человеческой природы, очищение ее от животных инстинктов, агрессии, алчности и склонности к идейным заблуждениям» [Безгодов, Барезев, 2019, с. 253].

А вот пятое направление составляют крайне малочисленные и только недавно начавшие появляться работы этиков. В частности, в один из учебников по этике включен параграф «Пример космологической этики» [Апресян, 2017,

с. 323–324]. Однако и в этом случае можно наблюдать привычный технократический подход. Формулировка «этика освоения и использования космического пространства» отождествлена в нем с космической этикой. Все прописанные рекомендации замыкаются на исключительно моральные составляющие: выделить этические аспекты, соотнести их с моральными принципами и сформулировать соответствующие рекомендации (и даже кодексы). Вместе с тем в содержательном отношении предлагаемые советы носят не столько этический, сколько экологический, правовой, политический, биологический и даже экономический характер. А вот сферы нравственности (оценок совершаемых поступков с позиции меньшего зла) они практически вообще не касаются. Спорной является и мысль о том, что «конечной целью всех исследований космоса является расширение человеческого опыта и знаний в проекции на исследование Земли» [Апресян, 2017, с. 324].

Таким образом, морально-нравственные проблемы, порожденные изучением глобальных процессов и освоением космоса, находятся на начальной стадии и еще только ждут своих исследователей.

Список источников

1. Пуанкаре А. О науке: пер. с фр. М.: Наука, 1983. 560 с.
2. Русский космизм. Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
3. Циолковский К. Э. Космическая философия / под ред. В. С. Авдеевского. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 480 с.
4. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
5. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
6. Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. Калуга: Золотая аллея, 2001а. 384 с.
7. Чаликова В. А. Утопия и свобода. М.: Весть, 1994. 184 с.
8. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 344 с.
9. Кричевский С. В. «Космический» человек: идеи, технологии, проекты, опыт, перспективы // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 1. С. 26–35.
10. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М.: Ленанд, 2020. 256 с.
11. Назаретян А.П. / Второй международный конгресс «Глобальное будущее 2045», Нью-Йорк: 2013. URL: http://2045.ru/scientific_council/32081.html
12. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М.: Логос, 2003. 352 с.
13. Безгодов А. В., Барезhev К. В. Начала планетарной этики в философии русского космизма. Т. 2. СПб.: Питер, 2019. 352 с.
14. Апресян Р. Г. Этика. М.: КноРус, 2017. 356 с.

References

1. Poincare, A. (1983). *O nauke. [About science: Trans. from French]*. Moscow: Nauka. 560 p. (In Russian).

2. Semenova, S. G. & Gacheva, A. G. (Comp.) (1993). *Russkiy kosmizm [Russian cosmism. Anthology of philosophical thought]*. Moscow: Pedagogika-Press. 368 p. (In Russian).
3. Tsiolkovsky, K. E. (2001). *Kosmicheskaya filosofiya [Cosmic philosophy. Edited by V. S. Avdukevsky]*. Moscow: Editorial URSS. 384 p. (In Russian).
4. Harari, Yu. N. (2018). *Homo Deus: Kratkaya istoriya budushhego [Homo Deus: A brief history of the future: Trans. from English by A. Andreeva]*. Moscow: Sinbad. 496 p. (In Russian).
5. Harari, Yu. N. (2019). *Sapiens: Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens: A brief history of mankind: Trans. from English by L. Summ]*. Moscow: Sinbad. 512 p. (In Russian).
6. Tsiolkovsky, K. E. (2001a). *Ocherki o Vselennyi [Essays on the Universe]*. Kaluga: Golden Alley. 384 p. (In Russian).
7. Chalikova, V. A. (1994). *Utopiya i svoboda [Utopia and freedom]*. Moscow: Vesti. 181 p. (In Russian).
8. Schweitzer, A. (1973). *Kultura i etika [Culture and ethics]*. Moscow: Progress. 344 p. (In Russian).
9. Krichevsky, S. V. (2020). «Kosmicheskii» chelovek: idei, tekhnologii, proekty, opyt, perspektivy` [«Space» man: ideas, technologies, projects, experience, prospects]. *Aerospace sphere*, 1, 26–35. (In Russian).
10. Nazaretyan, A. P. (2020). *Intellekt vo Vselennoy: istoki, stanovlenie, perspektivy [Anthropology of violence and culture of self-organization]*. Moscow: Lenand. 256 p. (In Russian).
11. Nazaretyan, A. P. (2013). *The Second International Congress «Global Future 2045»*, New York. http://2045.ru/scientific_council/32081.html
12. Kanke, V. A. (2003). *Etika otvetstvennosti. Teoriya morali budushhego [Ethics of responsibility. The theory of morality of the future]*. Moscow: Logos. 352 p. (In Russian).
13. Bezgodov, A. V., & Barezhev, K. V. (2019). *Nachala planetarnoy etiki i filosofiya russkogo kosmizma [The beginnings of planetary ethics in the philosophy of Russian cosmism]*. Vol. 2. St. Petersburg.: Peter. 352 p. (In Russian).
14. Apresyan, R. G. (2017). *Etika [Ethics]*. Moscow: knoRus. 356 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Мапельман Валентина Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Mapelman Valentina Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Directorate of Educational Programs, Moscow City University, Moscow, Russia.

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Научно-теоретическая статья

УДК 130

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.2

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕТРО-АНАЛИЗА

Ковалев А. А.

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия,
kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Ларионов А. Э.

Технологический университет им. дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А. А. Леонова,
г. Королев, Московская область, Россия,
allar71@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются философские концепции осмысления феномена войны в древний и средневековый периоды. Выявлено, что изменение социально-исторических и политических условий существования человечества меняло отношение к войне. Показано, что человек и попытки осознания его места в мироздании напрямую влияли на доминирование той или иной военно-философской идеи. Цель исследования — изучить взгляды античных и средневековых философов, посвященных осмыслению феномена войны. Ключевым методологическим подходом настоящего исследования является ретроспекция философских идей и концепций древних и средневековых мыслителей, посвященных осмыслению феномена войны. Благодаря данному подходу становится возможным проанализировать становление и развитие взглядов о явлении войны и мира, которые не теряют актуальности со времен древних цивилизаций по настоящее время. Доказано, что цикличность истории напрямую влияет на мировоззренческие установки, отраженные в философии того или иного периода. Дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы позволит проследить путь становления и развития философского осмысления такого явления, как война.

Ключевые слова: философия Древнего мира, Средневековье, справедливая война, осуждение войны, эволюция философии войны

Для цитирования: Ковалев А. А., Ларионов А. Э. Философское осмысление войны: опыт сравнительного ретро-анализа // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 23–37. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.2

Scientific and theoretical article

UDC 130

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.2

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF WAR: EXPERIENCE OF COMPARATIVE RETRO-ANALYSIS

Andrey A. Kovalev

Northwestern Institute of Management — branch of RANEPА,
St. Petersburg, Russia,
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Alexey E. Larionov

Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A. A. Leonov,
Korolev, Moscow region, Russia,
allar71@yandex.ru

Abstract. The article deals with the philosophical concepts of understanding the phenomenon of war in the ancient and medieval period. It was revealed that the change in the socio-historical and political conditions of the existence of mankind changed the attitude towards the war. It is shown that man and attempts to realize his place in the universe directly influenced the dominance of one or another military-philosophical idea. The purpose of the study is to study the views of ancient and medieval philosophers devoted to understanding the phenomenon of war. The key methodological approach of this study is the retrospection of the philosophical ideas and concepts of ancient and medieval thinkers devoted to understanding the phenomenon of war. Thanks to this approach, it becomes possible to analyze the formation and development of views on the phenomenon of war and peace, which have not lost their relevance since ancient civilizations to the present. It is proved that the cyclical nature of history directly affects the worldview attitudes reflected in the philosophy of a particular period. Further study of the problem under consideration will allow us to trace the path of formation and development of the philosophical understanding of such a phenomenon as war.

Keywords: philosophy of the Ancient World, Middle Ages, just war, condemnation of war, evolution of the philosophy of war

For citation: Kovalev, A. A., & Larionov, A. E. (2023). Philosophical understanding of war: the experience of comparative retro-analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 23–37. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.2>

Введение

Война является наиболее ярким и предельно острым воплощением международного конфликта. Война — это крайнее средство разрешения назревших противоречий, с помощью которого достигаются политические цели, когда все остальные способы уже исчерпали свой потенциал. В период эскалации отношений, как правило, дипломатические способы урегулирования разногласий являются менее востребованными и актуальными. С течением времени становятся заметнее те возможности, которые были упущены и могли быть использованы для предотвращения самой острой фазы противостояния, двустороннего или многостороннего.

В этом отношении характерным примером может служить Первая мировая война. Здесь показательна рефлексия *post factum* ведущих европейских политиков того времени. Так, известный британский политический деятель Д. Ллойд Джордж отмечал, что считает Первую мировую войну величайшей ошибкой человечества в начале столь перспективного XX века. Он писал по этому поводу: «Если бы я находился в числе присяжных суда, которому было бы поручено судить людей, которые руководили судьбами мира в этот момент, я вынес бы им скорее приговор в непредумышленном убийстве, чем осудил бы их за убийство из расчета» [Ллойд Джордж, 1934, с. 68].

Таково ретроспективное мнение одного из главных участников трагических событий того времени. Но почти век спустя один из крупнейших русских политических философов, Александр Сергеевич Панарин, значительно заострил проблему генезиса Первой мировой войны, находя в нем аналогию с событиями начала XXI столетия: «Первая мировая война стала завязкой основных драм XX века и действительно предопределила всю его биографию, вместе с биографией проживавших в нем поколений... Мы стали заложниками их авантюры, сделавшей трагический ход событий необратимым. И вот оказывается, что мы выступаем для наших потомков в той же роли — делаем их заложниками нашей трагической слепоты, нашего нетерпения, нашей безответственности» [Панарин, 2003, с. 6].

Автор формулирует важнейшую политико-философскую и историософскую мысль о существовании роковых развилки в политической истории, своего рода точек невозврата, когда политические субъекты обладают свободой выбора, но не могут рационально распорядиться возможностями этой свободы в нужный момент. Иначе говоря, предпочитают не предвосхищать события, но следовать за ними. И выбор в пользу войны, как правило, оказывается худшим. Свобода выбора исчезает, а предпринятые действия оказываются жестко детерминированными.

Обсуждения и дискуссии

В мемуарных и академических текстах в равной степени присутствуют две важнейшие философские идеи, позволяющие выстраивать модель постижения феномена войны:

1. Концепт о существовании возможности выбора в критических точках международных отношений (как онтологических модальностей). Из чего, кстати сказать, вытекает и более глобальная идея о вариативности самого бытия, в ткань которого как бы имманентно «вшиты» возможности выбора.

2. Постулат о наличии у человека свободы воли и практической возможности выбирать даже в самых критических обстоятельствах. Более того, именно в моменты кризиса люди оказываются на острие выбора и ответственности, могут претендовать на статус подлинных субъектов политического и исторического процесса. Тем самым политической онтологии можно провести параллель с философско-политической антропологией. Проблематика человеческой свободы в международном конфликте может разрешаться с позиций как христианской этики («Бог все предвидит, но не все предопределяет» [Дамаскин, 2019], так и философии экзистенциализма, утверждающей, что подлинная свобода человека может раскрыться только в моменты наивысшего напряжения и кризиса, в условиях катастрофических событий, перед лицом смерти. При этом свобода понимается как максимальная ответственность [Приходько, 2013].

Однако проблемой человеческой свободы война не исчерпывает своего философского потенциала. Более того, вопрос о свободе или детерминации человеческой воли в связи с войной может быть окончательно решен только в случае раскрытия более фундаментальной пропозиции — вопроса о природе и сущности войны. Над его решением в течение столетий трудились и трудятся лучшие мыслители человечества, предлагая различные, подчас весьма противоречивые варианты ответов.

Изучением вопросов войны и мира занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи. Так, военно-философская тематика времен Античности и Средневековья среди российских ученых присутствует в трудах О. В. Гефнер [Гефнер, 2019], Е. В. Глебова [Глебов, 2010], К. О. Запорожской [Запорожская, 2017], С. А. Колесникова [Колесникова, 2021], Н. В. Мартьянова [Мартьянов, Борщ, Утюганов, 2015] и пр. Среди зарубежных исследователей феномена войны и мира можно отметить вклад таких ученых, как Ф. М. Х. Бэлл [Bell, 1987], Т. Девезас [Devezas, Modelski, 2003], Д. Дж. Крус [Krus, Nelsen, Webb, 1998], К. Райт [Wright, 1942] и мн. др.

Методологические основания

Цель исследования — изучить взгляды античных и средневековых философов, посвященных осмыслению феномена войны.

Задачи, способствующие достижению поставленной цели, сформулированы следующим образом: 1) рассмотреть военно-философские взгляды мыслителей древности; 2) изучить идеи философов Средневековья о феномене войны.

Ключевым методологическим подходом настоящего исследования является ретроспекция философских идей и концепций древних и средневековых мыслителей, посвященных осмыслению феномена войны. Благодаря данному подходу становится возможным проанализировать становление и развитие взглядов о явлении войны и мира, которые не теряют актуальности со времен древних цивилизаций по настоящее время.

Результаты исследования

Настоящее исследование посвящено изучению военно-философских воззрений мыслителей Древнего мира (Античности, Древнего Китая) и Средневековья. Рассмотрены этапы становления отношения к вопросам войны и мира философов обозначенного периода. Показано, как менялись идеи при осмыслении данного принципиального вопроса.

Античная философия уделяла немало внимания осмыслению феномена войны. Крупнейшая фигура классического периода античной философии, Платон, говоря о происхождении войны, указывал, что в ее основании лежат всевозможные человеческие страсти (вкладывая эту мысль в уста своего учителя — Сократа): «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по-рабски служим» [Платон, 1896]. Отсюда следует, что война коренится в природе самого человека, конкретно — в его эгоистических страстях: жажде богатства, власти (господства) и удовольствия. То есть война — это и есть доведенная до абсолюта страсть, получившая возможность действовать в социальном пространстве и реализовать свои притязания без оглядки на законы и нормы обычного жизненного уклада.

В философии Античности имело место представление о своеобразном золотом веке, периоде, в котором совсем не было ни войн, ни серьезных конфликтов. Об этом писали Гесиод и Овидий [Овидий, 1937]. В целом древними греками мир (то есть отсутствие войны) воспринимался как способ устранения конфликтных взаимоотношений между враждующими полисами. При этом война как способ взаимодействия с иностранцами считался вполне приемлемым вариантом межнационального общения [Мартьянов, Борщ, Утюганов, 2015, с. 42]. Например, в случае захвата вещей/имущества в таких войнах считалось, что это допустимый способ заполучить хорошую добычу.

Тем самым в период Античности войны считались естественным и единственно возможным способом разрешения противоречий между людьми как элементами единого Космоса [Серова, 2017, с. 160]. Например, древнегреческий

философ Гераклит был убежден, что война рождает порядок и побеждает хаос, она помогает упорядочивать все, что нуждается в порядке. В этом понимании войны раскрывался диалектический принцип единства и борьбы противоположностей. Таким образом, представление древних греков об особом статусе эллинистической культуры, который отличался своеобразным этноцентризмом, было основной причиной обоснования войн античного периода [Кениспаев, Давлатмуродов, 2017]. Ведь борьба с варварами с помощью войны была единственным способом обеспечения благополучия греческих городов-полисов.

В Древнем Китае проблематика войны получает несколько иное освещение. В классическом трактате о военной стратегии «Искусство войны» его автор Сунь Цзы в первых же строках определяет значимость войны: «Война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять. Поэтому в ее основу кладут пять явлений. Первое — Путь, второе — Небо, третье — Земля, четвертое — Полководец, пятое — Закон» [Сунь Цзы, 2019].

На первый взгляд, здесь война рассматривается с функциональной точки зрения, ее генезис и сущность не определяются. Однако в данном случае следует опираться на общий контекст китайской философии. Во-первых, природа войны воспринимается мыслителем как нечто предельно естественное и само собой разумеющееся, это неотъемлемая часть социального космоса, априорный и имманентный онтологический феномен. Что, по сути, вписывается в исторический контекст, в котором Сунь Цзы создавал свой знаменитый трактат — это эпоха Чжань-Го, Борющихся царств (VIII–III вв. до н. э.), когда война действительно являлась неотъемлемой частью бытия каждого человека.

Важно также помнить, что в этот же исторический период происходило становление двух главных философско-этических школ Древнего Китая — конфуцианства и даосизма. Важнейшими категориями китайской философии становятся Путь (Дао) и Небо.

Понятие Небесного закона становится символом совершенной справедливости. Тем самым война вписана в ткань мироздания, то есть она есть проявление воли Неба. Потому и воспринимать ее надо естественно. В рамках конфуцианской философии отсутствует, таким образом, и апология войны, и решительное ее осуждение. Ибо как можно осуждать предзаданные Небом явления?! Вместе с тем даосская философия, которая была более близка к метафизике, осуждала разрушительные следствия войны и агрессивную политику правителей.

Однако были в Китае и те философы, которые рассматривали войну как благо для государства. Среди таковых следует назвать яркого представителя легизма — Шан Яна. Войну он рассматривал как действенное средство укрепления государства и его очищения от разрушительных влияний: «Если страна бедна и в то же время направляет свои усилия на войну, то яд появляется в [стране] противника; [в такой стране] не будет шести паразитов, и она, несомненно, станет могущественной. Если страна богата и в то же время [ни с кем]

не воюет, то яд появляется внутри [этой страны], рождаются шесть паразитов, и [страна], несомненно, ослабеет... Государство может достичь спокойствия благодаря земледелию и войне, так же как и правитель будет в почете [лишь] благодаря земледелию и войне... ежели войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война; если убийством можно уничтожить убийство, то разрешимы даже убийства» [Шан Ян, 1968].

Учитывая, что Шан Ян исходил в своей политической философии из априорного тезиса о природной испорченности человека, его склонности к подлостям и низменным страстям, а легитимное государственное насилие выступало в его доктрине как важнейшее средство управления; война в его трактовке оказывается одной из разновидностей легитимного насилия, способствующего оздоровлению государства. По нашему мнению, данный мыслитель явно исходил из презумпции о естественной предзаданности войны, ее своеобразной запрограммированности законами мироздания. Но в отличие от сдержанно относившегося к войне конфуцианства и осуждавшего разрушительные последствия войны даосизма, легисты создали функционалистскую апологию войны, не позволяя себе впасть в абстрактное морализаторство о страданиях народа, жестокости и разрушении, вообще не рассматривая народ как субъект власти.

При всей влиятельности античного философского наследия философская мысль Средневековья развивалась вполне самостоятельно под серьезным влиянием религиозных и нормативно-ценностных установок. Можно разделить эпоху Средневековья в контексте осмысления феномена войны на несколько периодов [Гефнер, 2019]:

– апологетика (II–III вв.). Здесь провозглашался принцип мира во Христе, а все войны осуждались [Чэтфилд, Илюхина, 1993, с. 51]. При этом основным оружием христианина могла стать только молитва;

– патристика (IV–VIII вв.). В этот период активно развивались идеи справедливой войны, которые были способны оправдать войны христианских правителей [Гефнер, 2018]. При этом войны делились на справедливые и несправедливые, и все они должны были исключать чрезмерную жестокость, агрессию, мстительность, а также неоправданные убийства и разорения [Блаженный, 1998, с. 35];

– схоластика (IX–XIV вв.). В этот период справедливые войны воспринимаются как священные, то есть начавшиеся по воле Творца. Если война преследует цель вернуть захваченное, отомстить за причиненное зло, наказать виновного, сменить несправедливый миропорядок, то такая война считается справедливой [Гулевский, Гулевская, 2013, с. 26]. В дальнейшем идеи справедливой войны трансформировались с целью отделить священную войну от справедливой, развивая тем самым идею о регулярной войне [Прокофьев, 2019]. Однако это происходило в период развития поздней схоластики, то есть в Новое время, поэтому темой настоящего исследования напрямую не является.

Итак, наиболее полное изложение католической философии войны можно обнаружить в труде «Сумма теологии» Фомы Аквинского — ярчайшего представителя периода ранней схоластики (этапа оформления и фиксации ее идей).

По мнению Аквината, война есть дело греховное, поскольку противоречит Божественным заповедям. Помимо этого, война есть дело и незаконное [Аквинский, 2002]. Таким образом, война как субстанция есть материализованный грех. То есть нарушение Божественного закона. Вместе с тем Фома Аквинский не уходит от социального контекста и его противоречивых реалий, подразделяя войны на справедливые и несправедливые. Справедливыми войнами являются те, которые начаты по велению законного правителя и в качестве самозащиты. Тогда грех как будто становится невольным и подлежит гораздо меньшему осуждению.

Обращает на себя внимание неразрывность связи войны и законного правителя: «Поэтому подобно тому, как они [власти] вправе использовать меч для защиты общественного блага от внутренних беспорядков, как когда они карают злодеев... точно так же их делом является поднимать меч войны ради защиты общественного блага от внешних врагов» [Аквинский, 2002]. Таким образом, через институт легитимной власти (благословленной Богом) обретает легитимацию и война, а ответственность за нее ложится на правителя.

Из этого можно сделать вывод, что Фома Аквинский был склонен рассматривать войну как результат проявления свободы воли, то есть как следствие злоупотребления ею со стороны инициатора. Получается, что Бог изначально не заложил войну в план мироздания, хотя предвидел ее. С точки зрения христианской теологии первой войной стало падение Люцифера, восставшего против Творца и низверженного из сонма ангелов. Однако и в этом случае налицо злоупотребление свободой воли, вытекающее из греховных страстей, прежде всего гордости. Тем не менее, в силу разделения войн на справедливые и несправедливые, сохраняется амбивалентный подход к ним со стороны средневековой философии. В рамках христианской этики вопрос о войне, ее сущности и нравственной оценке абсолютно однозначного разрешения не получил вплоть до настоящего времени в рамках ни одной из христианских номинаций.

Вместе с тем следует констатировать определенные различия между православной и католической трактовками войны в Средние века. Византийской империи в течение своей тысячелетней истории приходилось вести множество войн (практически все они были либо оборонительными, либо представляли собой более или менее успешные попытки реванша и возвращения ранее утраченных территорий). При высокой интенсивности военных действий, когда империя нередко вела войны по нескольким географическим направлениям, а театры военных действий находились в тысячах километрах друг от друга, государству приходилось напрягать все свои силы для выживания.

В подобных условиях существования естественной была бы высокая степень милитаризации государства и общественно-политической мысли. В реальности, как свидетельствуют византийские тексты, картина была

несколько иной: ни обыденной милитаризованности Древнего Рима, ни ретрореваншистской милитаристской идеологии Сасанидского Ирана в Византии так и не сложилось. Тем самым оправдания или апологии войны как таковой не встречаются у византийских писателей — будь то историки, богословы или философы (в Византии часто это были разные писательские ипостаси одного автора). По справедливому замечанию Г. Ю. Каптена, «максимум, на который были готовы пойти византийцы, что неоднократно зафиксировано в источниках, это согласиться, что конкретная уже прошедшая военная кампания, оказавшаяся необыкновенно успешной, или в процессе которой армия сумела достойно преодолеть значительные трудности, была, несомненно, по воле Бога и при Его помощи» [Каптен, 2020, с. 47].

Внесла свой вклад в осмысление онтологии войны и Древняя Русь. Ее история также изобиловала военными конфликтами — как внешнего, так и внутреннего характера. Политическая элита была, по сути своей, элитой военной. Вместе с тем именно князья, бояре и духовенство были в максимальной степени причастны к письменному слову. Так, среди памятников древнерусской книжности часто встречаются тексты, посвященные войне, ее осмыслению и оценкам с богословской, нравственной и прагматической точек зрения. Тем самым война в сознании древнерусских философов являлась привычной частью социального бытия.

Одной из характерных особенностей древнерусского осмысления феномена войны, по утверждению профессора С. А. Колесникова, является синтез религиозности, литературности и воительства [Колесников, 2021, с. 260]. То есть только литературно зафиксированное военное событие могло придать войне исторический формат, грандиозный масштаб и увековечивание для потомков. При этом война, запечатленная в подробностях таким образом, раскрывала все ее пороки и антигуманность. Именно поэтому древнерусское литературное осмысление войны можно назвать символическим, то есть это «сама историческая правда, символически понятая» [Робинсон, 1980, с. 123]. Важно отметить, что в ранних работах данного периода рассказывалось о завоевательных войнах и присутствовало их воспевание, а в более поздних поднималась тема патриотизма и защиты Родины (речь шла уже об оборонительных войнах и их значении для государства и его будущего) [Лихачев, 1984, с. 112].

Тем самым значимая характеристика древнерусской философии состояла в ее присутствии во всех текстах, дошедших до нас из эпохи XI–XVII веков. Об этом говорят современные авторитетные исследователи: «Русские книжники в философии искали ответы на вопросы, определяющие бытие отдельной личности и общества в целом. В философе видели учителя, мудреца. Поэтому особенностью русской средневековой философии явилось то, что многие мыслители параллельно с литературной деятельностью занимались учительством» [Ионайтис, 2017, с. 10].

Ярким примером мудреца-деятеля-учителя можно считать князя Владимира Мономаха, увековечившего свое имя, помимо ратных и государственных

деяний, в знаменитом «Поучении детям», из коего отчетливо видно, что война в жизни и культуре Древней Руси занимала значимое место. Сам князь писал об этом с предельной ясностью: «Разве удивительно, что муж пал на войне? Умиравали так лучшие из предков наших» [Мономах, 1893]. Значительная часть «Поучения» состоит именно из примеров поведения князя в различных военных конфликтах, как внешне-, так и внутривосточного характера (княжеские усобицы). Одной из главных добродетелей, как можно понять из контекста, стоящий на пороге «преселения в Вечность» князь считает достойное поведение в походе и на поле боя, что включает в себя верность данному слову, крестному целованию, доблесть на брани, милость к побежденным, отсутствие корыстных побуждений.

Таким образом, проблематика войны приобретает почти исключительно нравственное звучание. Хотя сама война отнюдь не превозносится как самостоятельная ценность, ее разрушительные последствия — скорбь, насилие и жестокость — вызывают осуждение. Однако при этом утверждается и обосновывается, что в воле человека сохранить честь, достоинство и совесть даже на войне. И, более того, именно на войне подлинное лицо человека выявляется наиболее ярко.

Таким образом, если сама война в рамках философии христианского Средневековья занимала либо пограничное, либо маргинальное положение (как неизбежное зло), то роль и место человека на войне подвергались достаточно подробному этическому анализу в рамках христианской онтологии и сотериологии. Кроме того, не стоит забывать, что само христианское сознание отнюдь не отвергало войну в принципе. Поскольку противостояние Церкви с происками дьявола, человека с греховными страстями рассматривалось с первых веков христианства как непримиримая война. Следовательно, нравственная оценка войны зависела от ее аксиологии и телеологии.

Важно понимать, что каждая эпоха развития человечества накладывала свой отпечаток на способы осмысления феномена войны. Как менялась сама человеческая цивилизация, так менялись ее смысложизненные цели, место человека в потоке жизни и роль войны в этом потоке [Глебов, 2010, с. 94]. Действительно, от места человека в системе ценностей всего человечества зависела и доминирующая в ту или иную эпоху модель осознания и осмысления войны как части человеческого бытия [Запорожская, 2017]. И чем значимее становился сам человек, тем более сознательно мыслители подходили к пониманию феномена войны.

Заключение

Таковы некоторые характерные черты философии войны в Древности и Средневековье, которые авторы сумели выявить посредством избирательного анализа философских идей и текстов. Онтологическая неизбежность и универсальность

войны констатировалась всеми философами. Однако в Древнем мире, как следует из анализа текстов, война получала большее оправдание. Особенно если учесть, что языческие божества, согласно мифологии, воевали много и с удовольствием, то есть так задавалось метафизическое оправдание войны. Хотя в высших своих проявлениях древняя философия также склонялась к осуждению войны как онтологической и этической патологии.

В рамках христианской культуры Средневековья отношение к войне становится более нетерпимым и выводится из греховной природы человека и происков сатаны. Однако полного отрицания войны не было и здесь. Основной же акцент делался на нравственности тех, кто оказался вовлеченным в войну. И вот здесь встречается разнообразие конкретных подходов и трактовок, которые, если делать символическое обобщение, в итоге сходятся на парадоксальном концепте приоритета нравственной субстанциональности человека, фундированной Священным Писанием и Святоотеческим Преданием.

Таким образом, выводится диалектическая схема интерпретации войны:

1. Исходный тезис: война есть сублимированный грех, возникший в силу грехопадения и происков дьявола.

2. Антитезис: человек может стремиться к избавлению от греха и проявлению добродетели в силу свободы воли.

3. Синтез: домостроительство Божие осуществляется через преодоление греховного в человеке, следовательно, война, будучи видимым злом, вписывается в план мироздания и служит добру.

Подобные идейные течения ознаменовали философскую мысль к концу Средневековья. Языческая интенциональность апологии войны с ее воспеванием силы и власти была, казалось, преодолена на фундаментальном уровне. Однако с началом Ренессанса и Нового времени в философском осмыслении войны произошли существенные метаморфозы, которые отразились на дальнейших исследованиях рассматриваемого феномена.

Список источников

1. Августин Блаженный. О граде Божием // Августин Блаженный. Творения. СПб.: Алетейя, 1998. 595 с.

2. Владимир Мономах. Поучение / ред. и примеч. В. А. Воскресенского. Санкт-Петербург: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1893. 49 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Monomah/pouchenie/ (дата обращения: 05.06.2023).

3. Гефнер О. В. Феномен войны в осмыслении античной философии [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-voyny-v-osmyslenii-antichnoy-filosofii> (дата обращения: 05.06.2023).

4. Гефнер О. В. Феномен войны в осмыслении христианской философии эпохи Средневековья // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 1 (16). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-voyny-v-osmyslenii-hristianskoy-filosofii-epohi-srednevekovya> (дата обращения: 05.06.2023).

5. Глебов Е. В. Тема войны в западной философской традиции от античности до Гегеля // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8. № 2. С. 89–95.
6. Гулевский А. Н., Гулевская Н. А. Апология войны в западной средневековой христианской философии // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. № 9. С. 23–27.
7. Запорожская К. О. Понимание войны: от античности до наших дней // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 (66). С. 278–286.
8. Дамаскин И. Точное изложение Православной веры. 6-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 591 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera2_30.html (дата обращения: 05.06.2023).
9. Ионайтис О. Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии. СПб.: Алетейя, 2017. 252 с.
10. Каптен Г. Ю. Проблема сакрализации войны в византийском богословии и историографии. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 263 с.
11. Кениспаев Ж. К., Давлатмуродов Ш. Ш. Тема войны в античной философии // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 4. С. 364–368.
12. Колесников С. А. Духовное осмысление войны в древнерусской книжной культуре // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2021. № 11. С. 259–265.
13. Лихачев Д. С. Литература-реальность-литература. Л.: Сов. писатель, 1984. 271 с.
14. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М.: Соцэкгиз, 1934. 680 с.
15. Мартыанов Н. В., Борщ А. А., Утюганов А. А. Социально-философские аспекты осмысления феноменов мира и войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 2 (3). С. 41–44.
16. Мир/Peace: альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны. Антология / отв. ред. Ч. Чэтфилд, Р. М. Илюхина. М.: Наука, 1993. 349 с.
17. Овидий. Метаморфозы. М.: Academia, 1937. 358 с.
18. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 558 с.
19. Платон. Федон. Разговор Платона / пер. с объяснительными примечаниями Д. Лебедева. 2-е изд., значительно исправ. М.: Посредник, 1896 (тип. Сытина). 156 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450190000&ysclid=li5jmefmv9905514683#66a> (дата обращения: 05.06.2023).
20. Приходько С. В. Феномен свободы в философии экзистенциализма // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2013. №16 (159). Вып. 25. С. 276–279.
21. Прокофьев А. В. Идея справедливой войны в западной этической традиции (от античности до середины XVIII века) // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 112–127.
22. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII веков). М.: Наука, 1980. 336 с.
23. Серова Н. С. Понятие индивидуальности в античной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10. С. 160–162.
24. Сунь Цзы. Искусство войны / пер. с китайского В. В. Башкеева. Москва: АСТ, сор. 2019. 223 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html?ysclid=li5kpmi4us656270980> (дата обращения: 05.06.2023).

25. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопр. 1–43. / пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. М.: Элькор-МК, 2002. 559 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40> (дата обращения: 05.06.2023).
26. Шан Ян. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу) / пер. с китайского, вступ. статья [с. 13–136] и коммент. Л. С. Переломова. М.: Наука, 1968. 351 с. [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/I/San_Jan/vved2.php?ysclid=li5lm6rcne262608356 (дата обращения: 05.06.2023).
27. Bell P. M. H. *The Origins of the Second World War in Europe*. New York: Longman, 1987. 326 p.
28. Devezas T. C., Modelski G. *Power Law Behaviour and World System Evolution: A Millennial Learning Process // Technological Forecasting and Social Change*. 2003. Vol. 70. № 9. P. 819–859.
29. Krus D. J., Nelsen E. A., Webb J. M. *Recurrence of War in Classical East and West Civilizations // Psychological Reports*. 1998. № 83. P. 139–143.
30. Wright Q. *A Study of War*. Vol. I. Chicago: University of Chicago Press, 1942. 956 p.

References

1. Augustine the Blessed. (1998). *About the City of God*. St. Petersburg: Aletheia. 595 p. (In Russian).
2. Vladimir Monomakh. (1893). *Pouchenie [Teaching]*. (In Russian). Retrieved from https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Monomah/pouchenie/
3. Gefner, O. V. (2018). Fenomen vojny` v osmy`slenii antichnoj filosofii [The phenomenon of war in the understanding of ancient philosophy]. *Electronic scientific and methodological journal of the Omsk State Agrarian University*, 2 (13). (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomen-voyny-v-osmyslenii-antichnoy-filosofii>
4. Gefner, O. V. (2019). Fenomen vojny` v osmy`slenii xristianskoj filosofii e`poxi Srednevekov`ya [The phenomenon of war in the understanding of Christian philosophy of the Middle Ages]. *Electronic scientific and methodological journal of the Omsk State Agrarian University*, 1 (16). (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomen-voyny-v-osmyslenii-hristianskoj-filosofii-epohi-srednevekovya>
5. Glebov, E. V. (2010). Tema vojny` v zapadnoj filosofskoj tradicii ot antichnosti do Gegelya [The theme of war in the Western philosophical tradition from antiquity to Hegel]. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 8, 2, 89–95. (In Russian).
6. Gulevsky, A. N., & Gulevskaya, N. A. (2013). Apologiya vojny` v zapadnoj srednevekovoj xristianskoj filosofii [Apology of War in Western Medieval Christian Philosophy]. *Proceedings of the Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge*, 9, 23–27. (In Russian).
7. Zaporozhskaya, K. O. (2017). Ponimanie vojny`: ot antichnosti do nashix dnei [Understanding war: from antiquity to the present day]. *Humanitarian scientific research*, 2 (66), 278–286. (In Russian).
8. Damascus, J. (2019). *Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoj very` 6-e izd. [Exact presentation of the Orthodox faith. 6 publ.]*. Moscow: Publishing House of the Sretensky Monastery, 591 p. (In Russian). Retrieved from http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera2_30.html
9. Ionaitis, O. B. (2017). *Neoplatonizm v russkoj srednevekovoj filosofii [Neoplatonism in Russian Medieval Philosophy]*. St. Petersburg: Aleteya, 252 p. (In Russian).

10. Kapten, G. Yu. (2020). *Problema sakralizacii vojny` v vizantijskom bogoslovii i istoriografii* [The problem of the sacralization of war in Byzantine theology and historiography]. St. Petersburg: RKHGA Publishing House, 263 p. (In Russian).
11. Kenispaev, Zh. K., & Davlatmurodov, Sh. Sh. (2017). Tema vojny` v antichnoj filosofii [The theme of war in ancient philosophy]. *Alley of Science*, 2, 4, 364–368. (In Russian).
12. Kolesnikov, S. A. (2021). Duxovnoe osmy`slenie vojny` v drevnerusskoj knizhnoj kul`ture [Spiritual understanding of the war in ancient Russian book culture]. *Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation)*, 11, 259–265. (In Russian).
13. Likhachev, D. S. (1984). *Literatura-real`nost`-literatura* [Literature-reality-literature]. Leningrad: Soviet writer, 271 p. (In Russian).
14. Lloyd George, D. (1934). *Voenny`e memuary`. T. 1–2* [War memoirs. Vol. I–II]. Moscow: Sotsekgiz, 680 p. (In Russian).
15. Martyanov, N. V., Borshch, A. A., & Utyuganov, A. A. (2015). Social`no-filosofskie aspekty` osmy`sleniya fenomenov mira i vojny` [Socio-philosophical aspects of understanding the phenomena of peace and war]. *Humanitarian problems of military affairs*, 2 (3), 41–44. (In Russian).
16. Chatfield, R. M. (1993). *Mir/Peace: al`ternativy` vojne ot antichnosti do koncza vtoroj mirovoj vojny`*. *Antologiya* [Peace/Peace: Alternatives to War from Antiquity to the End of World War II. Anthology]. Moscow: Nauka, 349 p. (In Russian).
17. Ovid. (1937). *Metamorfozy`* [Metamorphoses]. Moscow: Academia, 358 p.
18. Panarin, A. S. (2003). *Strategicheskaya nestabil`nost` v XXI veke* [Strategic instability in the XXI century]. Moscow: Algorithm, 2003. 558 p. (In Russian).
19. Plato. Phaedo. (1896). *Fedon. Razgovor Platona* [Fedon. Plato's conversation]. Moscow: Intermediary. 156 p. (In Russian). Retrieved from <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1450190000&ysclid=li5jmfmv9905514683#66a>
20. Prikhodko, S. V. (2013). Fenomen svobody` v filosofii e`kzistencializma [The Phenomenon of Freedom in the Philosophy of Existentialism]. *Nauchnye Vedomosti. Series Philosophy. Sociology. Right*, 16 (159), 25, 276–279. (In Russian).
21. Prokofiev, A. V. (2019). Ideya spravedливой vojny` v zapadnoj e`ticheskoj tradicii (ot antichnosti do serediny` XVIII veka) [The Idea of a Just War in the Western Ethical Tradition (from Antiquity to the Middle of the 18th Century)]. *Ethical Thought*, 19, 2, 112–127. (In Russian).
22. Robinson, A. N. (1980). *Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe Srednevekov`ya (XI–XIII vekov)* [Literature of Ancient Rus' in the literary process of the Middle Ages (XI–XIII centuries)]. Moscow: Nauka. 336 p. (In Russian).
23. Serova, N. S. (2017). Ponyatie individual`nosti v antichnoj filosofii [The concept of individuality in ancient philosophy]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 10, 160–162. (In Russian).
24. Sun Tzu. (2019). *Iskusstvo vojny` / per. s kitajskogo V. V. Bashkeeva* [The art of war. Transllate from china V. V. Bashkeev]. Moscow: AST. 223 p. (In Russian). Retrieved from <http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html?ysclid=li5kpmi4us656270980>
25. Thomas Aquinas (2002). *Summa teologii. Ch. 1. Vopr. 1–43. / per. s lat. S. I. Eremeeva, A. A. Yudina* *Sum of theology. Ch. 1, Q. 1–43. Translate from latin by S. I. Eremeev, & A. A. Yudin*. Moscow: Elkor-MK. 559 p. (In Russian). Retrieved from <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40>

26. Shang Yang. (1968). *Kniga pravatelya oblasti Shan (Shan Czzyun` Shu) / per. s kitajskogo, vstup. stat`ya [s. 13–136] i komment. L. S. Perelomova [The book of the ruler of the Shang region (Shang Jun Shu). Transllate from china, start article [p. 13–16] & comments by L. S. Perelomov]*. Moscow: Nauka, 1968. 351 p. (In Russian). Retrieved from https://drevlit.ru/docs/kitay/V/San_Jan/vved2.php?ysclid=li5lm6rcne262608356

27. Bell, P. M. H. (1987). *The Origins of the Second World War in Europe*. New York: Longman. 326 p.

28. Devezas, T. C., & Modelski, G. (2003). Power Law Behavior and World System Evolution: A Millennial Learning Process. *Technological Forecasting and Social Change*, 70, 9, 819–859.

29. Krus, D. J., Nelsen, E. A., & Webb, J. M. (1998). Recurrence of War in Classical East and West Civilizations. *Psychological reports*, 83, 139–143.

30. Wright, Q. (1942). *A Study of War. Vol. I*. Chicago: University of Chicago Press. 956 p.

Информация об авторах / Information about the authors:

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

Kovalev Andrey Andreevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Ларионов Алексей Эдиславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова, г. Королев, Московская область, Россия.

Larionov Aleksey Edislavovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines of the Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A. A. Leonov, Korolev, Moscow region, Russia.

allar71@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-исследовательская

УДК 1(165)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.3

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМАЛЬНОЙ, ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИЙ И. КАНТА

Кучеренко А. В.

Курская академия государственной и муниципальной службы,

Курск, Россия,

kucherenkoav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема поиска точек пересечения методологий формальной, диалектической логик и трансцендентальной методологии И. Канта в рамках его субъективного идеализма. Данный подход обусловлен необходимостью преодоления представления об их разобщенности и исключительной самостоятельности. В рамках концепции взаимопроникновения методологий разрушается не только их замкнутость в собственных границах, но и выявляется условие, при котором каждая из них служит основанием для возможности существования двух остальных. Проведенное исследование включает в себя фиксацию устойчивой структуры методов как вполне самостоятельных значений, что одновременно не исключает возможности для их сочетания между собой в различных отношениях. Отстаивается положение, согласно которому, несмотря на специфику методов, их должно объединять общее основание не только для самой возможности существования, но и для взаимодополняемости. В статье поднимается вопрос о причине, способной породить и закрепить в сознании априорные формы, обеспечивающие процесс образования опытного знания.

Ключевые слова: формальная логика, диалектическая логика, трансцендентальная логика, противоречие, синтез

Для цитирования: Кучеренко А. В. Взаимосвязь формальной, диалектической и трансцендентальной методологий И. Канта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 38–48. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.3

© Кучеренко А. В., 2023

Scientific research

UDC 1(165)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.3

THE RELATIONSHIP OF FORMAL, DIALECTICAL
AND TRANSCENDENTAL METHODOLOGIES I. KANT

Aleksandr V. Kucherenko

Kursk Academy of State and Municipal Service,
Kursk, Russia,
kucherenkoav@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of finding points of intersection of the methodologies of formal, dialectical logic and transcendental methodology of I. Kant within the framework of his subjective idealism. This approach is conditioned by the need to overcome the idea of their disunity and exceptional independence. Within the framework of the concept of interpenetration of methodologies, not only their isolation within their own borders is destroyed, but also the condition under which each of them serves as the basis for the possibility of the existence of the other two is revealed. The conducted research includes fixing the stable structure of the methods as completely independent values, which at the same time does not exclude the possibility of their combination with each other in various ways. The position is defended, according to which, despite the specifics of the methods, they should be united by a common basis not only for the very possibility of existence, but also for complementarity. The article raises the question of the reason that can generate and consolidate in consciousness a priori forms that ensure the process of formation of experimental knowledge.

Keywords: formal logic, dialectical logic, transcendental logic, contradiction, synthesis

For citation: Kucherenko, A. V. The relationship of formal, dialectical and transcendental methodologies I. Kant. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 38–48. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.3>

Данная статья преследует своей целью нахождение соотношения трансцендентального метода познания Канта с методами формальной логики и диалектического метода (как чистой формы отражения объективной действительности). Заключение в скобках контекст не избыточен, поскольку диалектика в понимании Канта (и одной из существующей традиции в определении диалектики) всего лишь логика видимости, где сталкиваются взаимоисключающие суждения, выходящие за границу опыта.

Обычно при рассмотрении данных методологий используется метафизический подход, заключающийся в оценке их замкнутой в самих себе специфике, не выходящей за четко очерченный круг внутренней проблематики. Такой подход необходим, но недостаточен (демонстрируя разорванность и фрагментарность процесса мышления); недостаточность определяется тем, что наше сознание, выполняя самые различные задачи, способно свободно переключаться от использования одного метода к другому, что указывает на общую основу, позволяющую совершать такие переходы.

Самостоятельность указанных трех методов до определенной степени условна, поскольку обусловлена не только их взаимопроникновением, но и тем обстоятельством, что каждая из перечисленных методологий теории познания служит основанием для возможности существования двух остальных.

Так, диалектика (как форма отражения объективной действительности) присутствует в формальной логике, а создание всей совокупности представлений, как в формальной логике (изучающей формы мышления), так и диалектической (включающей в себя всеобщие законы и свойства), невозможно без использования априорной основы процесса познания. Можно утверждать, что данная априорная основа при сочетании с материей действительности, воспринимаемой нашим сознанием, в результате и породила формальную и диалектическую логики. Здесь же следует отметить то обстоятельство, согласно которому объективная диалектика органично присутствует и в самой априорности (например, априорные формы чувственности как сочетание покоя и движения; априорные формы чувственности и рассудочной деятельности; две априорные противоположности категорий и категория, возникшая в результате их синтеза). Объективная диалектика присутствует при рассмотрении форм мышления в формальной логике (абстрагирование, дихотомия, понятия и операции с ними, слишком широкое и слишком узкое определения понятия, индукция и дедукция). А сами указанные выше структуры формальной логики, в свою очередь, используются нашим мышлением при определении содержания априорной основы процесса познания.

Каждая из перечисленных логик имеет свой специфический предмет исследования.

В формальной логике рассматриваются такие формы процесса мышления, как понятие, суждение и умозаключение; четыре закона правильного мышления; способы доказательств и опровержений. Область интересов данной логики ограничена исключительно формами, используемыми в процессе мышления, но не рассмотрением содержательной стороны его основания, как в трансцендентальной логике.

По мнению Канта, его логика носит не формальный, а содержательный характер, поскольку имеет отношение к априорному и эмпирическому знанию, а также рассматривает их связь между собой, тогда как формальная логика ограничена исключительно формами мышления [Кант, 1964, с. 216].

Диалектическая логика претендует на отражение сочетания противоположностей и взаимосвязи всеобщих свойств в любой конкретике объективной реальности: безразлично, касается это какого-либо отдельного природного объекта, всевозможных явлений духовной жизни или общественных процессов. Такой подход был бы исключен без признания тождества бытия и мышления (как базового принципа), где мышление непосредственно отражает объект (во всей его совокупной универсальности) именно так, как он есть на самом деле, сам по себе. Предметом познания становится здесь мироустройство во всем его единстве, универсальности и совокупности. Но все же это не что

иное, как всего лишь чистая форма отражения объективной реальности, взятой и в самом общем значении, и относительно каждого конкретного случая ее проявления.

Иными словами, любой объект, на который направлено наше внимание, следует рассматривать с учетом наличия в нем всеобщих законов при сочетании попарно связанных противоположных всеобщих свойств.

Сама же диалектика подчиняется закону архитектоники, а именно априорной идее чистого разума, которая в формальной логике фиксируется в умении выделять главное при отвлечении от второстепенного (абстрагирование). Выдвигая на первый план закон единства и борьбы противоположностей как ядро диалектики при этом подразумевается подчинение ему не только всех связей противоположных категорий, но и двух остальных законов диалектики, органично включающих в себя единство противоположностей.

Таким образом, если попытаться найти нечто общее между формальной логикой и диалектической, рассматривающей объективную реальность (процесса мышления или объектов и явлений действительности), то они обе оказываются формальными. Однако с той лишь разницей, что формальная логика рассматривает формы мышления, а диалектическая — форму существования единой, универсальной и в каждом конкретном случае объективной реальности (для диалектического метода безразлично, будь то строение атома при сочетании положительных и отрицательных зарядов или же взаимодействие противоположных функций в сердцебиении).

Совпадение мысли с действительностью, по мнению Канта, возможно только в пределах ограниченного опыта при бесконечном процессе (а не в конечном результате) познания самой действительности, даже если это касается одного и того же объекта познания. Данное состояние момента совпадения реальности и того, что мы мыслим о ней, отражается у Канта в таком часто используемом им понятии, как достоверность; в предисловии к своему исследованию априорности он запретил себе строить рассуждения на каких-либо гипотезах [Кант, 1964, с. 77] (однако не всегда следовал этому строгому правилу). Только из сочетания чувственности и рассудка могут возникнуть «объективно значимые суждения о вещах» [Кант, 1964, с. 321].

Следовательно, свои размышления об априорной основе процесса познания Кант считал достоверным, содержащим объективную истину знанием, то есть имеющим отношение к объективной диалектике. И тем не менее это будет всего лишь явление нам априорности (если следовать Канту). Априорную основу как таковую в полной мере можно считать для нас вещью в себе, а все наши представления о ней лишь ее явление нам. Сейчас, при учете достижений в биологии, нам трудно судить о том, как широко сама по себе априорность распространена в живой природе и насколько эффективно для решения тех или иных задач ею пользуются разнообразные организмы, ведущие целенаправленную рациональную деятельность. Скорее всего, Кант всего лишь слегка приоткрыл завесу априорности, исследуя человеческое сознание, в котором

она частично присутствует. Так, он отмечал, что «нет никакой необходимости ограничивать способ созерцания в пространстве и времени чувственностью человека» [Кант, 1964, с. 152] при учете широкого распространения в природе всевозможных живых организмов в борьбе за свое существование с использованием априорных форм. Сопутствующим моментом выступает то, что созерцание во времени не может обойтись без сопровождения *ratio*. Удержание чего-либо вне друг друга предполагает установление их качественного различия в противовес тождеству в рациональной деятельности, *ratio* в пространственном созерцании присутствует и при определении совокупности однородного, тождественного (единиц в числе). Одним из вопросов, оставшимся для Канта открытым, был вопрос о едином «корне» [Кант, 1964, с. 124], из которого произрастает априорная чувственность и априорный рассудок, функционально поддерживающих друг друга. Другим нелегким вопросом выступает причина появления самой априорности. Кант лишь утверждал, что данные чистые формы не могут быть извлечены из опыта [Кант, 1964, с. 245]. Скорее всего, следуя его религиозному сознанию, он понимал их природу как данную свыше. В соотношении «опыт – априорность» априорность у него всегда служила основой опытного знания. Если стоять на научной точке зрения, то требуется исключить мистику и попытаться найти естественные причинно-следственные связи возможности появления априорности.

Принципиальный вопрос о причине зарождения априорности разрешим с позиций диалектического материализма. В. И. Ленин указал на естественный процесс образования формальной основы деятельности нашего сознания. По его убеждению, она возникла в результате бесконечной повторяемости причинно-следственных связей, в ходе контакта живой материи с действительностью, что обеспечило не только возможность образования идеальных структур сознания, но и их сохранение в разнообразных качественно отличных друг от друга чистых формах и функциях [Ленин, 1978, с. 172]. Априорные формы могли отпечататься на доопытном уровне при закреплении обобщенного результата контакта живой материи с действительностью благодаря условному рефлексу на самом примитивном уровне существования живого с опорой на раздражимость и возбудимость, что в итоге обеспечило сохранение информации о раздражителе (действительности) в идеальной форме. Тем самым В. И. Ленин с материалистических позиций обосновывает формальную сторону деятельности сознания и одновременно невольно причину возможности кантовского априоризма без какого-либо налета сверхъестественного.

Обратимся к определению конкретных точек пересечения указанных методов.

Априорная способность суждения, согласно Канту, представляет собой соотношение между особенным и общим [Кант, 1994, с. 19]. Внутри себя она содержит противоположные принципы, отражающие характер соотношения между особенным и общим. Одна из этих способностей — рефлектирующая, а другая — определяющая. Рефлектирующая способность предполагает получение нового знания при его извлечении из совокупности особенного, что

в принципе соответствует индуктивному методу (например, выявление периодического закона соотношения химических элементов Д. И. Менделеевым). Определяющая способность обеспечивает подведение частного значения под уже известное общее, что соответствует дедуктивному методу в формальной логике (например, стремление соотнести чье-либо поведение с принятыми в обществе нормами этикета).

Р. Декарт видел в математике (в частности, в геометрии) образец научного знания [Декарт], поскольку в ее основе лежат предельно простые и ясные утверждения, из которых произрастают и на которые опираются все остальные более сложные конструкции и доказательства. Выведение нового знания в индукции, в свою очередь, тоже предполагает опору на нечто общее, содержащееся в совокупности особенного. Если сказать, что дедукция находится внутри индукции, то это не будет преувеличением, — ведь с опорой на общее находится частное значение, которое затем способно стать и становится общим для определения множества особенного (выведенный закон физики справедлив для множества частных случаев его использования).

Трансцендентальный идеализм состоит из противоречий, отражающих противоречивую сущность априорности, поскольку одно из используемых Кантом понятий тут же предполагает наличие ему противоположного по содержанию, что имеет прямое отношение к объективной диалектике.

Под архитектурикой Кант понимал «искусство построения системы» [Кант, 1964, с. 680], где объем многообразного, объединенный общей идеей, предполагает вполне определенное положение частей относительно друг друга.

Априорная идея архитектурики чистого разума, регулятивная по своей сути, подчиняет себе сознание Гегеля, выстраивающего разнообразные пирамидальные конструкции систем. Его триада, состоящая из логики, философии природы и философии духа, пронизана сквозным действием от абсолютного духа как первоначала. Этот дух порождает абсолютную идею мироустройства, которая первоначально проявляется в природе, а затем отражается в духовности человечества, способной обрести тождество с абсолютной идеей мироустройства. Сама абсолютная идея внутри себя архитектурична, где на вершине всеобщие законы, под ними располагаются всеобщие свойства, далее появляется их присутствие в образах и законах природы. Следом наступает момент метаморфозы обретения общей идеальной субстанцией и всей совокупностью частных идей материальной оболочки с присутствием в этом мыслящего существа с заранее заданными свойствами духовности (волей, разумом, творчеством), способного проникнуть сквозь материальную оболочку в мир идей, на которых был изначально основан мир. Духовность тоже оказалась встроенной в систему по принципу архитектурики, где к наивысшим формам духовности он относит философию, религию и искусство, отражающих, исходя из собственной специфики, те или иные грани в восприятии абсолютной идеи.

Будучи надындивидуальной и всеобщей, идея архитектоники выполняет регулятивную функцию, располагаясь на предельной глубине рассудочной деятельности, под совокупностью априорных категорий и действуя лишь через них, а не непосредственно при контакте с материей (чистой, как в математике, или эмпирической) подчиняя себе все действия и все функции нашего сознания. Она органично включена в анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, идеализацию, аналогию, и, конечно же, индукцию и дедукцию. Сама форма объективной диалектики архитектонична. Не только закон единства и борьбы противоположностей, как отмечалось ранее, находится на вершине пирамиды, подчиняя себе два остальных закона и связки всех категорий, но и законы формальной логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего), которые как будто вытекают один из другого. Историческим курьезом можно считать запоздалое признание права на существование четвертого закона достаточно-го основания (XVIII в.), первоначально сформулированного Г. В. Лейбницем. Меж тем этот закон считается коренным, дающим право на существование трем остальным законам, сформулированным еще Аристотелем.

Понятие выступает первичной формой мышления, которую начинает рассматривать формальная логика, где в условном знаке закрепляется результат обобщения, то есть уже присутствует система по принципу нахождения общего существенного признака в совокупности отдельных значений. С другой стороны, словесная оболочка понятия содержит свою системообразующую мелодику (чередующиеся между собой интонационные подъемы и падения с организующим ее акцентом в виде ударения).

Задержимся на понятии и оценим многообразие его смысловых оттенков с позиций трех логик. Само по себе понятие содержит в себе противоречие, поскольку включает в себя особенное (как единичное во всей совокупности особенного) в виде признака, являющегося общим для множества качественно отличных друг от друга предметов.

Кант в работе «Логика. Пособие к лекциям» рассматривает понятие, не выходя за границы формальной логики (затрагивая значения: деление понятий на общие, частные и единичные; материю и форму понятия; содержание и объем понятия; признак признака понятия; родовое и видовое понятия и т. п.).

В ходе размышлений о понятии в традиционном для общей (формальной) логики смысле, небольшой крен в сторону априорности у него встречается при делении понятий на эмпирические и чистые [Кант, 2006, с. 491]. Чистое понятие не извлекается из опыта. К чистому понятию он относит идею, опережающую опыт. Это понятие разума, учитывающее опыт не действительный, а возможный, где «идеи служат для руководства рассудка разумом в отношении опыта» [Там же]. Так, идею науки он считает чистой и «архитектонической» [Там же], поскольку она включает в себя понятие целого как объема «всех относящихся к науке знаний» [Там же, с. 492], некую идеально согласованную внутри себя совокупность достоверных знаний [Там же, с. 492]. Сюда же он относит идеи совершенного общественного строя и вечного блаженства [Там же, с. 492].

По мнению Канта, общая логика исследует не начальный процесс образования восприятий и представлений, а только то, как эти уже сформировавшиеся восприятия и представления, при их сочетании между собой, способны привести к рождению понятия [Кант, 2006, с. 493]. Вполне естественно, что в формальной логике не учитывается предварительная работа априорной составляющей с материей ощущений при образовании представлений о вещах и процессах, ведущих к образованию понятия.

В общей логике Кант отмечает наличие противоречивого единства в зависимости от отношений между понятиями, — одно и то же понятие может играть роль как высшего, так и низшего порядка (подчиняющего себе низшее понятие или находится в подчинении у более высшего). А также: в абстрактном (более общем) понятии мы познаем немного во многих вещах, а в конкретных понятиях многое в немногих. Это действие закона обратного соотношения между содержанием и объемом понятия.

В формальной логике сочетание противоположностей считается необходимой и вполне естественной нормой. Здесь, если мы даже ограничимся лишь понятием, то встречаем сплошные сочетания противоположных значений, отражающих не только противоречивость нашего мышления, но и через эту противоречивость противоречивость самой действительности. Перечень таких сочетаний слишком велик для их перечисления. Лишь для примера отмечу некоторые из них: сравнимые и несравнимые понятия; признаки понятия существенные и несущественные, вид и род понятия, объемы единичных и общих понятий, понятия регистрируемые и нерегистрируемые, конкретные и абстрактные, относительные и безотносительные, положительные и отрицательные, собирательные и разделительные и т. д.

Но для того чтобы общая логика имела возможность разделять между собой противоположные значения и при этом объединять их неким общим признаком, должны были предварительно отработать априорные формы чувственности при сочетании с системой априорных категорий под руководством идей чистого разума. Без опоры на априорность формальная логика вообще не могла бы существовать, точно так же, как и диалектическая.

Фиксируя устойчивость существования отдельных значений внутри формальной и диалектических логик, отражающих устойчивость действительности, нашему сознанию недостаточно использовать только априорные формы пространства и времени с их принципами одновременности и последовательности. Ни та, ни другая форма не могут обойтись без такой третьей формы априорного созерцания во времени как постоянство, органично находящейся внутри них, поскольку удерживать одновременно составные части каких-либо значений вне друг друга или отслеживать их последовательную связь между собой невозможно без удержания этих процессов в режиме постоянства. Кант указывает на «три модуса времени — это постоянность, последовательность и одновременное существование» [Кант, 1964, с. 249]. В этих модусах присутствует один из моментов проявления триады, воспетой Гегелем.

Он видит в понятии не только субъективную предпосылку процесса его формирования, но и его абсолютную, объективную основу [Гегель, 1997, с. 259].

Понятие у Гегеля (следуя объективному идеализму) есть основа бытия и сущности (единого, общего и единичного) как их первичная идея [Гегель, 1997, с. 259]. Понятие содержит в себе субстанцию, — «абсолютное, есть в-себе-и-для-себя-сущее» [Гегель, 1997, с. 259], удерживая в себе постоянство универсальной идеи, исходящей от абсолютного духа.

Вопрос о возможности той или иной степени тождества заключенной в понятии мысли и бытия предмета (о котором мысль) остается проблематичным. Способы его решения в формальной логике, трансцендентальном идеализме Канта, объективном идеализме Гегеля и диалектическом материализме различны.

С. М. Малкина обозначает проблему: «Как возможно познание трансцендентального субъекта (разума. — А. К.) у Канта? Если он является феноменом, то мы его познаем в нашей явленности к нам, а не как таковой» [Малкина, 2021, с. 33], то есть мы имеем случай, когда субъект судит о себе как об объекте, не раскрывая самого себя таким, каков он есть на самом деле. Не впадая в эйфорию тождества субъекта и объекта, имеющую место в объективном идеализме, укажем на момент процесса бесконечного приближения к тождеству, встав на точку зрения Канта с его опорой на опыт. Конечно же, область априорных форм дана нам как явление, созданное с помощью тех же априорных форм и материи, отталкиваясь от которой мы оказались способными погружаться в бездну априорности. Осмысление данной области, обозначенной Кантом, имеет дальнейшую перспективу развития и совершенствования; свое весомое слово здесь должны еще будут сказать биологи, рассматривая с позиции априорности различные уровни живого.

В. Е. Семенов отмечает, что априорные чувственность и рассудок переплетены между собой в совместном действии, дополняя друг друга при определении некоторого значения, — «работа времени, пространства и рассудка может быть только совместной и одновременной» [Семенов, 2008, с. 61]. Известное суждение Канта, фиксирующее полярные свойства чувственности и рассудка, где рассудок ничего не может созерцать, а чувственность ничего не может мыслить [Кант, 1964, с. 155], предполагает в дальнейшем связь этих противоположностей в синтезе, обеспечивающем получение знания.

Л. И. Тетюев обратил внимание на наличие у Канта противоположности рассудка и разума. Рассудок направлен на обусловленное и конечное, а разум на безусловное и вечное [Тетюев, 2017, с. 169].

Безусловное, как представляется, в одном из своих значений, следует понимать в качестве выбора разумом точки опоры для образования причинно-следственной связи и определения исчерпывающей совокупности используемых значений, способных обеспечить достоверность полученного знания. Если мы пойдем по этому пути, то разум, начавший с исходного значения формирование цепочки причинно-следственных отношений и прервавший ее,

порождает веру в безусловную ее завершенность. А это, в свою очередь, способно породить ложное представление о замкнутом внутри себя совершенстве течения мысли.

А. Е. Черезов полагает, что «всему материальному свойственны пространственно-временные характеристики. Но идеальное как информация отражает в себе некоторую реальность, содержание, которое не подчиняется пространству и времени» [Черезов, 2022, с. 50]. Тем самым, идея впитала в себя пространственно-временные отношения, отражает их в себе и представляет собой статичность зафиксированных внутри себя противоположностей. И далее идея входит в иные, нематериальные пространственно-временные отношения с другими идеями, следуя априорным принципам одновременности их сосуществования и последовательности взаимодействия.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Книга 3. Учение о понятии. СПб.: Наука, 1997. 800 с. С. 525–772.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3698#t2>
3. Кант И. Критика способности суждения // Соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
4. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с.
5. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Трактаты. СПб.: Наука. 2006. С. 425–534.
6. Ленин В. И. Философские тетради. М.: Политиздат. 1978. 752 с.
7. Малкина С. М. От трансцендентализма Канта к идеализму Фихте // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 30–35.
8. Семенов В. Е. Трансцендентальные основы понимания (И. Кант и неокантианство). Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та. 2008. 228 с.
9. Тетюев Л. И. Трансцендентализм в теории познания: И. Кант и неокантианство // Грамота. 2017. № 10. Ч. 1. С. 167–170.
10. Черезов А. Е. Природа духа в философии Гегеля // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 47–56.

References

1. Hegel, G. V. F. (1997). *Nauka logiki. Kniga 3. Uchenie o ponyatii [The science of logic. 3d book. The Doctrine of the concept]*. St. Petersburg: Nauka, 800 p. P. 525–772. (In Russian).
2. Descartes, R. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravliat' svoi razum i otyskiivat' istinu v naukakh [Reasoning about the method to guide your mind correctly and find the truth in the sciences]*. *Humanitarian portal*. (In Russian). Retrieved from <https://gtmarket.ru/library/basis/3698#t2>
3. Kant, I. (1994). *Kritika sposobnosti suzhdeniia. Sochineniya: v 8 t. [Criticism of the ability of judgment. Works in 8 volumes]*. Vol. 5. Moscow: Choro. 414 p. (In Russian).
4. Kant, I. (1964). *Kritika chistogo razuma. Sochineniya: v 6 t. [Critique of pure reason. Works in 6 volumes]*. Vol. 3. Moscow: Mysl. 800 p. (In Russian).
5. Kant, I. (2006). *Logika. Posobie k leksiinam. Traktaty [Logic. Manual for lectures. Treatises]*. St. Petersburg: Nauka. P. 425–534. (In Russian).

6. Lenin, V. I. (1978). *Filosofskie tetradi [Philosophical notebooks]*. Moscow: Politizdat. 752 p. (In Russian).

7. Malkina, S. M. (2021). Ot transtsendentalizma Kanta k idealizmu Fikhte [From Kant's transcendentalism to Fichte's idealism]. *Society: philosophy, history, culture*, 12, 30–35. (In Russian).

8. Semenov, V. E. (2008). *Transtsendental'nye osnovy ponimaniia (I. Kant i neokantianstvo) [Transcendental foundations of understanding (I. Kant and Neo-Kantianism)]*. Vladimir: Publishing House of the Vladimir State University. 228 p. (In Russian).

9. Tetyuyev, L. I. (2017). Transtsendental'nye osnovy ponimaniia (I. Kant i neokantianstvo) [Transcendentalism in the theory of knowledge: I. Kant and neo-Kantianism]. *Gramota*, 10 (1), 167–170. (In Russian).

10. Cherezov, A. E. (2022). Priroda dukha v filosofii Gegelia [The Nature of Spirit in Hegel's Philosophy]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 47–56. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Кучеренко Александр Владимирович — доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, Россия.

Kucherenko Alexander Vladimirovich — Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Socio-Legal and Natural Sciences of the Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russia.

kucherenkoav@yandex.ru

Научно-исследовательская статья

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.4

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ФОРМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Устинов О. А.

Культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея Александра Меня,
г. Сергиев Посад, Московская область, Россия,
olustinov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Аннотация. В статье рассматривается проблема компаративистского анализа философско-антропологических концепций в русской философии советского периода на базе парадигмального подхода. Методологией указанного подхода выступает парадигмальная теория Т. Куна, ключевые методы которой адаптированы к специфике историко-философского исследования. Принимая за основу понятия парадигмы как системы идейно-мировоззренческих и теоретико-методологических оснований научного поиска, являющейся общей для представителей того или иного научного направления, автор разрабатывает идею о наличии в советской философии двух моделей решения проблем человека: религиозно-философской и философско-научной. Если религиозно-философская модель предполагает рассмотрение проблем происхождения человека, определения его сущности, свободы, смысла и назначения жизни в рамках христианской антропологии, то научно-философская модель основывается на строго материалистической интерпретации философско-антропологических проблем с опорой на максимы естественных и социальных наук. В статье выявляются и характеризуются три основные формы сосуществования и взаимодействия адептов двух данных парадигм (отрицание и конфронтация; признание частичной релевантности, переход к диалогу и критическое усвоение ряда альтернативных решений; инициатива о создании третьей парадигмы, синтез ключевых знаний религии и науки как необходимой предпосылки всестороннего изучения и понимания феномена человека. Высказывается гипотеза о том, что современный уровень отечественной философской антропологии в значительной степени обусловлен тем уровнем, которого достигла советская философская мысль, а также о том, что именно этот уровень может рассматриваться как эвристическая база для разработки проблем целостного знания о человеке в XXI веке.

Ключевые слова: философская антропология, религия, наука, парадигмальная методология, Томас Кун, философско-антропологическая парадигма, материализм, идеализм, марксизм

Для цитирования: Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода: формы сосуществования и взаимодействия // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 49–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.4

Scientific research

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.4

**ANTHROPOLOGICAL PARADIGMS
IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET PERIOD:
FORMS OF COEXISTENCE AND INTERACTION****Oleg A. Ustinov**

Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men,
Sergiev Posad, Moscow region, Russia,
olustinov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Abstract. The article deals with the problem of comparativist analysis of philosophical and anthropological concepts in Russian philosophy of the Soviet period on the basis of the paradigmatic approach. The methodology of this approach is the paradigm theory of T. Kuhn, the key methods of which are adapted to the specifics of historical and philosophical research. Taking as a basis the notion of paradigm as a system of ideological and worldview and theoretical and methodological foundations of scientific research, which is common for representatives of a particular scientific direction, the author develops the idea that there are two models of solving human problems in Soviet philosophy: religious-philosophical and philosophical-scientific. Whereas the religious-philosophical model implies the consideration of the problems of the origin of man, the definition of his essence, freedom, meaning and purpose of life within the framework of Christian anthropology, the scientific-philosophical model is based on a strictly materialistic interpretation of philosophical-anthropological problems with reliance on the maxims of natural and social sciences. The article identifies and characterizes three main forms of coexistence and interaction between the adherents of the two paradigms (denial and confrontation; recognition of partial relevance, transition to dialogue and critical assimilation of a number of alternative solutions; the initiative to create a «third paradigm», synthesis of key knowledge of religion and science as a prerequisite for a comprehensive study and understanding of the human phenomenon. It is hypothesised that the current level of Russian philosophical anthropology is largely conditioned by the level reached by Soviet philosophical thought, and that this level can be regarded as a heuristic basis for the development of problems of holistic knowledge of man in the 21st century.

Keywords: philosophical anthropology, religion, science, paradigmatic methodology, Thomas Kuhn, philosophical and anthropological paradigm, materialism, idealism, marxism

For citation: Ustinov, O. A. Anthropological paradigms in russian philosophy of the soviet period: forms of coexistence and interaction. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 49–58. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.4>

Введение

Принято считать, что идейное своеобразие русских традиций философствования с самого начала определялось особым вниманием русских мыслителей к проблемам философско-антропологического характера. Большинство из русских мыслителей либо специально посвящали свои труды научному анализу феномена человека, либо рассматривали его в контексте более общих работ. Впоследствии именно эти исследования послужили основой для формирования и развития философской антропологии в нашей стране.

Для историко-философского анализа философских проблем человека все чаще используется такая методологическая категория, как антропологическая парадигма, восходящая к парадигмальной методологии Т. Куна и широко применяемая практически во всех сферах современного научного знания [Аксенов, 2022, с. 72–82; Яковлев, Пчелко-Толстова, Андреев, 2021, с. 213–219; Anand, Larson, Mahoney, 2020, p. 1650–1657; Jabko, Schmidt, 2021, p. 565–572, Grim, Kavner, Shatkin, Trivedi, 2021, p. 301–325; Laszlo 2021, p. 328; Sciortino L., 2021, p. 128–137; Fish W., 2021, p. 23–42].

Понятие «антропологическая парадигма» означает систему методологических, идейно-теоретических и ценностных установок и схем, являющуюся для философов того или иного направления общим образцом решения философско-антропологических проблем, в рамках которого частное мнение не выходит за рамки конвенциональных мировоззренческих границ.

Применительно к отечественной философии правомерно говорить о религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигмах [Бабинцев, Кривенко, 2011, с. 30–43; Устинов, 2022, с. 343].

Основанная на представлении о человеке как создании Божьем, религиозно-философская парадигма предполагает рассмотрение проблем происхождения человека, определения его сущности, свободы, смысла и назначения жизни в рамках христианской антропологии. Научно-философская парадигма основана на строго материалистической интерпретации всего комплекса философско-антропологических проблем с обязательной опорой на максимумы естественных и социальных наук. Человек представлен в ней как разумный и самостоятельный практически-деятельный субъект истории.

Данные модели, естественно, не исчерпывают всего богатства и разнообразия философско-антропологической мысли, представляя собой в достаточной степени упрощенные исследовательские модели. Однако парадигмальный подход к анализу проблем человека позволяет определить базовый модус и логику эволюции каждой рассматриваемой концепции, дав характеристику ее ценностно-мировоззренческих констант.

Методология исследования

Методологическая база компаративистского анализа антропологических парадигм в русской философии советского периода может быть образована сочетанием методов историко-философского анализа, восходящих к парадигмальной методологии Т. Куна, а именно метода дисциплинарной матрицы, парадигмально-генетического и парадигмально-перестроечного методов. Данные методы по своей сути представляют классические философские методы. Присоединение к ним слова «парадигмальный» преследует целью лишь подчеркнуть их использование внутри специфического проблемно-тематического поля, в центре которого изучение образования и видоизменения парадигмы как главного предмета исследования.

Постановка проблемы

Философско-антропологическая мысль как часть русской философии отсчитывает свою историю с XI века. Чрезвычайно насыщенная и драматическая, она достигла своего зенита только в XX веке, сформировавшись как целостный интеллектуальный феномен, без которого невозможно представить отечественную культуру. С этой точки зрения XX век, связанный с русской философией советского периода, значит не только не меньше, но в известной степени и больше, чем все предшествующие столетия, поскольку именно в это время произошла институционализация философской антропологии как самостоятельной науки.

Дихотомия философских концепций, сводившаяся в конечном итоге к вопросу о реальности или иллюзорности метафизической основы бытия, была осознана как серьезная проблема еще в XIX веке. Неслучайно все противники сверхнатурального идентифицировали себя как новый идейный лагерь. Четкого деления разницы между словами «материалист», «атеист», «позитивист», «реалист» не проводилось. Главным было противопоставление религии и науки в познании феномена человека. В этот же период была выдвинута инициатива о создании некоего синтеза между двумя базовыми парадигмами (А. И. Галич, Н. И. Кареев), данные религии и науки должны были быть объединены в рамках третьей, целостной парадигмы. Поиск этого третьего направления и стал одним из основных латентных импульсов эволюции философского процесса в России в XX веке.

Результаты исследования

Компаративистский историко-философский анализ философско-антропологических концепций разных авторов позволяет выявить три ключевых типа или формы соотношения между ними.

Отрицание с жестким и устойчивым отторжением альтернативных решений проблем человека является первым типом взаимодействия, свойственным, как правило, самым консервативным представителям мыслителей обоих направлений.

Символом этого идейно-теоретического антагонизма между двумя парадигмами стало издание еще в начале XX века в ответ на сборник статей ведущих мыслителей религиозно-философского направления С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, П. В. Струве и других «Проблемы идеализма» (1902) аналогичного сборника теоретиков марксизма «Очерки реалистического мировоззрения» (1904), в который вошли работы А. А. Богданова, В. А. Базарова, А. В. Луначарского и других.

Тенденция к взаимному отрицанию и конфликту в обоих случаях питалась горячей убежденностью в том, что оппоненты излагают в корне неверный и потенциально опасный для развития не только науки, но и общества взгляд на реальные принципы организации универсума с последующей его экстраполяцией на все остальные аспекты бытия.

После революции 1917 года, несмотря на четко сформулированное новым правительством негативное отношение к старой профессуре как представителям эксплуататорских классов, русские религиозные философы еще могли высказывать свою позицию, публиковать свои произведения, выпускались периодические издания (журналы «Свободные голоса», «Мысль») и создавать независимые от власти философские сообщества, самыми известными среди которых были Вольная академия духовной культуры и Вольная философская ассоциация в Москве и Петрограде.

Часть из них даже рассчитывала занять определенное место в перестраиваемой системе философского знания. В советской печати появлялись в этот период отзывы партийных теоретиков на книги сторонников идеалистической антропологии, в которых тем не менее доминирующим был призыв о прекращении дискуссии с носителями откровенно спекулятивных, реакционных теорий, которые «прямохоньким путем» ведут неподготовленного читателя «к господину богу с седой бородою».

Однако в 1930 году полуполюгальное существование идеалистической антропологии вступило в противоречие с набирающей все большую силу авторитарной линией в науке, являвшейся органической частью партийно-государственного курса на монополию мысли («узды пролетарской диктатуры»). Мрачным предзнаменованием надвигающихся репрессий был арест А. Ф. Лосева, работа которого «Диалектика мифа» обсуждалась непосредственно на XVI съезде ВКП (б). Автор был назван черносотенцем и лишним элементом нового общества, который подлежит ликвидации. На съезде говорили, пусть и иронически, о необходимости физической расправы над А. Ф. Лосевым.

С начала 1930-х годов и до 1956 года легальное издание каких-либо текстов с изложением даже в самом завуалированном виде идей христианской антропологии в СССР прекратилось. Вполне естественно, что и А. Ф. Лосев сохранял

на протяжении всей жизни резко критическое отношение к идеям социализма и марксизма, которое было свойственно многим философам-идеалистам, оказавшимися в науке на положении маргиналов.

Для второго типа взаимодействия между адептами антропологических парадигм был характерен прогрессирующий интерес определенной части и тех и других к научным изысканиям оппонентов. Чрезвычайно важным было осознание философами-немарксистами изъянов религиозно-философской модели, не позволяющих выполнить всесторонний анализ таких проблем, как происхождение человека, его социально-биологическая сущность, продолжая утверждать, что религия и религиозная философия не могут иметь точек соприкосновения с материалистическим учением, в то время как отрицать очевидную валидность данных науки было уже бессмысленно. Философы-материалисты, в свою очередь, вынуждены были признать, что исключительная фиксация их исследований на приоритете материального над духовным лишила их возможности дать объективную оценку значения в объяснении феномена человека такой ее основы, как духовность, вся ценностная сфера, так или иначе, но сделали шаг в сторону идеалистической антропологии.

Наиболее ярким примером реализации этой формы сосуществования парадигм было возникновение феномена мыслителей фронтального типа из числа «ищущих марксистов», которые в процессе критического осмысления философии К. Маркса в ее сопоставлении с философией идеализма фактически перешли в противоположный лагерь (Г. С. Батищев, М. К. Мамардашвили, А. С. Арсеньев и др.). Неслучайным в академических дискуссиях было появление призывов поменять Маркса на Бердяева. В сопоставлении феноменов макрокосма и микрокосма ими угадывалось присутствие некоего высшего разума, без которого невозможно получить ответы на вопросы о происхождении и устройстве мира, общества и человека. Г. С. Батищев вводил в научный оборот термин «универсум», под которым имел в виду Бога, но рассчитывал, что непосвященная подцензурная аудитория примет его за материальную характеристику мироздания (макркосм), внутри которого человек является носителем сознания как высшей формы развития материи (микркосм). Но и в этом случае марксистская терминология неизменно сохранялась, и не только из-за опасений идеологических проблем.

Следует подчеркнуть, что даже для тех «ищущих марксистов», которые пережили духовное потрясение, признав ограниченность научно-философской парадигмы, и фактически начали разговор о необходимости пересмотра прежних мировоззренческих и теоретико-методологических границ, полный отказ от философских достижений марксизма был невозможен. Никто из них не сомневался в релевантности, например, социокультурной сущности сознания в Марксовой интерпретации.

Аналогичным, но направленным, с другой стороны, было движение в сторону материализма и ряда философов-идеалистов (М. М. Бахтин, И. Д. Левин, Б. Д. Дандарон, А. В. Мень), пришедших к выводу о необходимости дополнения

данных религии данными науки и кооптировавших в свои антропологические концепции ряд марксистских идей, в частности в сфере дарвиновского понимания антропогенеза.

Главным требованием для данной формы было частичное усвоение тех или иных идей лишь в том случае, если они не затрагивали существа базовых положений парадигмы и логически не требовали их пересмотра.

Синтезирование двух парадигмальных подходов к решению философских проблем человека в той или иной степени объединения их глубинных мировоззренческих основ, следующих за заявлениями о принципиальной близости религии и науки, в ряде исключительных случаев позволяло говорить о зарождении некоей третьей формы взаимодействия антропологических моделей. Сторонники этого интеллектуального поворота (К. С. Малевич, Б. В. Раушенбах, В. В. Налимов) полагали, что религия и наука прошли через этап конфронтации и движутся к пониманию единства цели — познания феномена человека — при разнице исходных идейно-теоретических оснований и методов. Показательным было здесь указание на то, что тайна человеческого сознания слишком сложна, чтобы ее разрешили либо религия, либо наука по отдельности, тогда как ключ к нему может быть найден только при объединении их усилий. По сути, попытка поиска третьего пути теоретически вырастала из второй формы взаимодействия парадигм, но так и осталась маргинальной. Принимать идею синтеза религии и науки дальше, политкорректного признания о том, что сотрудничество лучше конфронтации, академическое сообщество даже в период поздней перестройки не собиралось. Подспудный антагонизм между материалистами и идеалистами продолжал определять атмосферу даже самых свободных от прежнего идеологического прессинга аудиторий. Академическое сообщество неукоснительно соблюдало принцип разделения религии и науки как обязательный для объективного научного поиска. Так, в частности, не рассматривалась возможность введения в научный оборот такой категории, как душа. С подобными предложениями также могли выступать единицы (А. Д. Сахаров), но в частных беседах. В научных публикациях эту инициативу нельзя было обнаружить. Предложения о создании целостного знания о человеке на основе дальнейшего осмысления и усвоения всех имеющихся философско-антропологических решений в истории так и осталась благим пожеланием. Инициатива синтеза религии и науки реализована не была.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что именно в советский период были сделаны серьезные шаги в сторону создания некоего целостного философско-антропологического синтеза. Диалог парадигм был временно остановлен событиями 1991 года и продолжился уже на принципиально новой исследовательской базе в условиях политической и научной

свободы. Конечно, в советской философии переориентация академических исследований на радикально новое сочетание марксистских и немарксистских учений не могло быть претворено в жизнь в связи с сохранявшимся статусом марксизма как ведущей философской теории. Но завоеванием этого периода в истории России стало осознание большинством ученых не только этической, но и гносеологической ценности внимания к результатам работ адептов обеих парадигм. Современный уровень отечественной философской антропологии в значительной степени обусловлен тем уровнем, которого достигла именно советская философская мысль. И этот же уровень является до сих пор ценной эвристической базой для разработки синтезированной философско-антропологической парадигмы, дискуссия о которой продолжается [Бирич, 2003, с. 272; Гусейнов, 2010, с. 4–10].

Список источников

1. Аксенов Г. П. Идея времени и научная картина мира // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-72-82>
2. Яковлев А. А., Пчелко-Толстова Е. А., Андреев Г. П. О конкуренции научных и технических парадигм в условиях идеологического контроля науки // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 213–219. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-213-219>
3. Anand G., Larson E.C., Mahoney J. T. Thomas Kuhn on Paradigms // Production and Operations Management. 2020. Vol. 29 (7). P. 1650–1657. DOI: 10.1111/poms.13188
4. Jabko N., Schmidt S. Paradigms and Practice // International Studies Quarterly. 2021. Vol. 65 (3). P. 565–572. DOI: 10.1093/isq/sqab028
5. Grim P., Kavner J., Shatkin L., Trivedi M. Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades [Электронный ресурс] // Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application. East Lansing: University of Michigan Press, 2021. P. 301–325. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85114149711&partnerID=40&md5=2c0cf45ce78b6254d06a1d1c5d44b74f>
6. Laszlo E. Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought. London: Routledge Revivals, 2021. 356 p. DOI: 10.4324/9781003205586
7. Sciortino L. The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. Vol. 88. P. 128–137. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.06.005
8. Fish W. Perceptual Paradigms // Purpose and Procedure in Philosophy of Perception. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 23–42. DOI: 10.1093/oso/9780198853534.003.0002
9. Бабинцев В. П., Кривенко О. А. Понятие религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии [Электронный ресурс] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 8 (103). Вып. 16. С. 30–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskikh-paradigm-v-russkoy-filosofii>
10. Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917–1991 годы): историко-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 5.7.2 — история философии. М., 2022. 343 с. URL: <https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2022/06/Ustinov-OA-Dissertatsiya.pdf>

11. Бирич И. А. Философская антропология и образование: (на путях к новому педагогическому сознанию). М.: Жизнь и Мысль, 2003. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>
12. Гусейнов А. А. Философия между религией и наукой [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2010. № 8. С.4–10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=181&Itemid=52

References

1. Aksenov, G. P. (2022). Ideia vremeni i nauchnaia kartina mira [The idea of time and the scientific picture of the world]. *Questions of philosophy*, 4, 72–82. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-72-82>
2. Iakovlev, A. A., Pchelko-Tolstova, E. A., & Andreev G. P. (2021). O konkurentсии nauchnykh i tekhnicheskikh paradigm v usloviakh ideologicheskogo kontrolya nauki [On the competition of scientific and technical paradigms in the conditions of ideological control of science]. *Questions of philosophy*, 12, 213–219. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-213-219>
3. Anand, G., Larson, E.C., & Mahoney, J. T. (2020) Thomas Kuhn on Paradigms. *Production and Operations Management*, 29 (7), 1650–1657. DOI: 10.1111/poms.13188
4. Jabko, N., & Schmidt, S. (2021) Paradigms and Practice. *International Studies Quarterly*, 65 (3), 565–572. DOI: 10.1093/isq/sqab028
5. Grim, P., Kavner, J., Shatkin, L., & Trivedi, M. (2021). *Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades. Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application*. East Lansing: University of Michigan Press, P. 301–325. Retrieved from <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85114149711&partnerID=40&md5=2c0cf45ce78b6254d06a1d1c5d44b74f>
6. Laszlo, E. (2021). *Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought*. London: Routledge Revivals. 356 p. DOI: 10.4324/9781003205586
7. Sciortino, L. (2021). The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking. *Studies in History and Philosophy of Science*, 88, 128–137. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.06.005
8. Fish, W. (2021). *Perceptual Paradigms. Purpose and Procedure in Philosophy of Perception*. Oxford: Oxford University Press. P. 23–42. DOI: 10.1093/oso/9780198853534.003.0002
9. Babintsev, V. P., & Krivenko, O. A. (2011). Poniatie religiozno-filosofskoi i filosofsko-nauchnoi antropologicheskikh paradigm v russkoi filosofii [The concept of religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms in Russian philosophy]. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology*, 8 (103), 16, 30–43. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskikh-paradigm-v-russkoy-filosofii>
10. Ustinov, O. A. (2022). Antropologicheskie paradigmy v russkoi filosofii sovetskogo perioda (1917–1991 gody): istoriko-filosofskii analiz [Anthropological Paradigms in Russian Philosophy of the Soviet Period (1917–1991 years): Historical and Philosophical Analysis]. Doctoral Dissertation of Philosophical Sciences: 5.7.2 — History of Philosophy. Moscow. 343 p.(In Russian). Retrieved from <https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2022/06/Ustinov-OA-Dissertatsiya.pdf>
11. Birich, I. A. (2003). *Filosofskaia antropologiya i obrazovanie: (na putiakh k novomu pedagogicheskomu soznaniyu) [Philosophical anthropology and education: (on the way to a new pedagogical consciousness)]*. Moscow: Life and Thought. 272 p. (In Russian). Retrieved from <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>

12. Guseinov, A. A. (2010). *Filosofia mezhdu religiei i naukoj* [Philosophy between religion and science]. *Questions of philosophy*, 8, 4–10. (In Russian). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=181&Itemid=52

Информация об авторе / Information about the author:

Устинов Олег Александрович — доктор философских наук, руководитель литературно-драматической части, культурно-просветительский центр «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня, г. Сергиев Посад, Московская область, Россия.

Ustinov Oleg Aleksandrovich — Dr. Sci. (Philosophy), head of the literary and dramatic part of the Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Moscow region, Russia.

olustinov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Научно-теоретическая статья

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.5

МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. МАКЛЮЭНА И Н. ПОСТМАНА

Черненькая С. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

ChernenkayaSV@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Аннотация. Автор статьи выделяет, что теории медиа канадского мыслителя М. Маклюэна и его последователя Н. Постмана содержат достаточный интерпретативный потенциал и могут быть использованы в медиафилософии. М. Маклюэн первым обратил внимание философов, лингвистов, социологов на проблему культурных и социальных последствий массового появления новых медиа в обществе.

Главная тема в работах М. Маклюэна и Н. Постмана — как и какие образы действительности формируются под влиянием медиа, как меняется познание под влиянием медиа, как целесообразно использовать медиа в образовании и других сферах — не теряет своей актуальности. В статье ставится задача — рассмотреть подходы М. Маклюэна и Н. Постмана к медиакоммуникации как к форме познания и показать, что их теории медиа должны рассматриваться не исключительно ради самих себя, но в систематически-реконструктивном аспекте как модели, позволяющие использовать их при разработке теории коммуникации как формы познания.

Ключевые слова: коммуникация, познание, теория медиа, медиаконцепт, медиакоммуникация

Для цитирования: Черненькая С. В. Медиакоммуникация как форма познания в исследованиях М. Маклюэна и Н. Постмана // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 59–67. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.5

Scientific and theoretical article

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.5

MEDIA COMMUNICATION AS A FORM OF COGNITION IN THE RESEARCH OF M. MCMILAN AND N. POSTMAN

Svetlana V. Chernenkaya

Moscow City University,

Moscow, Russia,

ChernenkayaSV@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Abstract. The author of the article highlights that the media theories of the Canadian thinker M. McLuhan and his follower N. Postman contain sufficient interpretative potential and can be used in media philosophy. M. McLuhan was the first to draw the attention of philosophers, linguists, sociologists to the problem of cultural and social consequences of the mass appearance of new media in society.

The main topic in the works of M. McLuhan and N. Postman — how and what images of reality are formed under the influence of media, how cognition changes under the influence of media, how it is advisable to use media in education and other spheres — does not lose its relevance. The article aims to consider the approaches of M. McLuhan and N. Postman's approach to media communication as a form of cognition and show that their media theories should be considered not solely for their own sake, but in a systematic and reconstructive aspect as models that allow them to be used in the development of communication theory as a form of cognition.

Keywords: communication, cognition, media theory, media concept, media communication

For citation: Chernenkaya, S. V. Media communication as a form of cognition in the research of M. McLuhan and N. Postman. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 59–67. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.5>

Введение

Имя канадского исследователя Г. М. Маклюэна, одного из представителей Торонтской школы коммуникации, хорошо известно в медиалогии. Он считается классиком, хотя оценка его исследований противоречива. Его теория медиа чаще других служила объектом дискуссий и критики. Работы Маклюэна тематизировали и критиковали с самых разных точек зрения. Я приведу основания критиков и последователей Маклюэна и затем более подробно остановлюсь на последних, выделяя эвристический потенциал теории медиа М. Маклюэна и его последователя Н. Постмана. Согласно позиции таких теоретиков коммуникации, как П. Лазерфельд, Г. Д. Лассуэл и др., игнорировавших исследования М. Маклюэна, они не являются академическими. Маклюэна обвиняли в том, что в его работах вопросов больше, чем ответов, что он позволяет себе вторгаться на территорию других

научных дисциплин и т. д. М. Маклюэн сравнивал себя с Луи Пастером, объясняющим врачам, что их злейший враг невидим и неизвестен. Современное общество, писал он, находится в состоянии «нарциссического» самогипноза, при котором человек не замечает духовных и социальных последствий новых технологий. В момент, когда новое мировосприятие, созданное средствами массовой коммуникации, становится всеобъемлющим и меняет наш сенсорный баланс, оно также становится для нас невидимым, естественным, на что многочисленные критики М. Маклюэна отвечали, что Л. Пастер в конечном счете предоставил объективные доказательства своей микробной теории, в отличие от М. Маклюэна, использовавшего часто художественную литературу как доказательную базу в своих исследованиях медиа.

Маклюэн был одним из первых академических преподавателей, появившимся в прессе и на телевидении и снискавшим огромную популярность в том числе благодаря своим запоминающимся афоризмам и метафорам среди молодежной аудитории. Это даст дополнительный стимул его научным оппонентам для жесткой критики и отрицания «маклюэнства».

Согласно позиции его последователей, и в их числе Н. Постман, противоречия в теории М. Маклюэна, метафоричность утверждений не отменяют его вклад в современные исследования медиа и становление теории коммуникации как науки. Междисциплинарность, в которой упрекали М. Маклюэна, выделяется сегодня как один из признаков современной науки. Свойственный ему междисциплинарный подход является ключом к пониманию не только теории самого канадского ученого, но и современных исследований в области медиа.

М. Маклюэн первым обратил внимание философов, лингвистов, социологов на проблему культурных и социальных последствий массового появления новых медиа в обществе. Свою теорию медиа он называл трансформационной в отличие от трансмиссионных теорий медиа, исследовавших медиа как канал, передающий сообщения, но не изменяющий их.

При всей неоднозначности прочтений и оценки работ М. Маклюэна нельзя не признать, что теория медиа канадского мыслителя содержит достаточный интерпретативный потенциал и вместе с работами его последователей, Н. Постмана и др., может быть использована в философии, в частности при изучении коммуникации как формы познания.

Постановка проблемы

Среди современных медиаисследователей общепринятой является точка зрения, согласно которой медиа не только транслируют образы окружающей действительности, но и конструируют их [Архангельская, 2008, с. 228–232; Архангельская, 2010, 291 с.; Чумакова, 2015, 12 с.; Черненькая, 2019, с. 90–95; Чканикова, 2009, с. 132–141]. Но теоретические и эмпирические исследования

медиа, как правило, являлись и являются внутридисциплинарными, осуществляющимися отдельными социально-гуманитарными дисциплинами (лингвистикой, социологией, психологией и др.) в сфере языка и речевых актов. Коммуникация (медиакоммуникация) не рассматривается как эпистемологическая проблема. Выделение коммуникации (медиакоммуникации) как определенной формы познания требует исследования медиа как среды, транслирующей и генерирующей новые смыслы. Безусловно, М. Маклюэн, а позже — и его последователь Н. Постман — были первыми, кто выделял медиа как среду, влияющую и трансформирующую сознание коммуникантов, и писал о необходимости понимания медиа как формы познания.

В статье ставится задача — рассмотреть подходы М. Маклюэна и Н. Постмана к медиакоммуникации как форме познания и показать, что их теории медиа должны рассматриваться не исключительно ради самих себя, но в систематически-реконструктивном аспекте как модели, позволяющие использовать их при разработке теории коммуникации как формы познания.

Методология исследования

Работа была проведена с учетом опыта отечественных и зарубежных социально-философских исследований медиа, на основе компаративного анализа теорий медиа М. Маклюэна и Н. Постмана. Особо следует отметить идею медиасознания, которая становится, с точки зрения автора, одной из ключевой в современных медиаисследованиях.

Результаты исследования

Выделяя основные тенденции в исследованиях медиакоммуникации М. Маклюэна и Н. Постмана, начнем со знаменитой формулы канадского исследователя — *Medium is the message* — «средство коммуникации само является сообщением» [Маклюэн, 2007, с. 6]. Как отмечал М. Маклюэн, мы отвлекаемся на содержание сообщения (*content*), упуская, что средство коммуникации также несет информацию и влияет на наше восприятие сообщения. В схеме М. Маклюэна выделяется не столько передача сообщения от адресанта к адресату в процессе коммуникации, сколько их одновременная трансформация в процессе коммуникации [Маклюэн, 2005, 495 с.; Маклюэн, 2007, 462 с.]. Вопрос, следовательно, состоит не только в том, что передается медиа, но и в том, как, в каком культурном контексте и какое медиа передает сообщение.

Постман, принимая данную формулу Маклюэна и продолжая его линию исследований, применяет телеологический подход к медиа. Изучая медиа, следует четко выделять цель, которая ставится в процессе распространения информации. В современном обществе, согласно Постману, целью медиа

является не трансляция содержательной информации, а обеспечение быстрого доступа к любой информации. Как отмечает Н. Постман, средства массовой информации несут неупорядоченную, фрагментарную, вырванную из контекста, никому конкретно не предназначенную информацию (в современной культуре можно говорить не только о «смерти автора», но и о «смерти читателя»), которая фактически выступает как дезинформация. Отбор сообщений осуществляется на основе таких критериев, как сенсационность, тривиальность, новизна, зрелищность. Таким образом, происходит отделение содержания от информации и элиминация смысла.

Вопрос о трансформации миропонимания под воздействием медиа поднимал и Г. М. Маклюэн, отмечая нежелание современных исследователей изучать данный вопрос, предпочитающих, по его словам, входить в будущее спиной. Медиа, писал он, не только стали второй природой человека, но им присущ мидасов эффект: как только в культуре происходит усиление какого-либо медиа, начинают меняться все социальные институты, стараясь встроить в себя эту технологию. Электронные медиа обеспечивают практически непрерывные изменения культуры, ценностей и мировоззрений, приводя к потере идентификации, стрессам, апатии и т. д. Понимать революционные перемены в культуре и социуме, происходящие благодаря медиа, предвосхищать их и управлять ими невозможно без осознания их воздействия на культуру и социум. Понимая медиа, изучая трансформацию нашего познания под влиянием медиа, мы получаем возможность контролировать их [Маклюэн, 2007, 462 с.; Маклюэн, 2012, 221 с.].

Н. Постман, как и М. Маклюэн, отмечает, что современные медиа, прежде всего телевидение и Интернет, манипулируют нашим сознанием [Postman, 1970, p. 160–168; Postman, 1985, p. 27–34.]. Книжный текст требовал умения следовать за мыслью автора, различать аргументы, утверждения и личную позицию автора. Современные медиа действуют иначе: преподносимая информация, как правило обладающая суггестивным эффектом, исчезает, прежде чем зритель/пользователь успевает рационально осмыслить ее содержание. Электронные медиа могут не только навязывать интерпретацию определенного содержания, но и не отделять факты от интерпретации, демонстрировать несуществующие события, вырывать сообщение из контекста и т. д., притупляя критическую рефлексию. Поток разнородной информации не позволяет выстроить ее в линейно-последовательной, рациональной перспективе.

Один из манипулятивных эффектов медиа Н. Постман демонстрирует на примере концептов «детство» и «взрослость», которые, по мнению исследователя, благодаря медиа размываются и исчезают в современной культуре. Определяя концепты, Н. Постман опирается на известную схему истории культуры М. Маклюэна, связавшего определенные этапы в культуре с появлением новых технологий. Согласно позиции Н. Постмана, распространение грамотности повлияло на концептуализацию детства. В устной культуре ребенок, имея доступ ко всем источникам информации и формам поведения,

практически не отличался от взрослого. Возникновение печати создало новый мир символов, отделивший мир взрослого от мира ребенка. Для детей были закрыты такие сферы жизни, как экономика, политика, секс и др., и не только по причине неграмотности, но и по инициативе взрослых, выделявших взрослость как некую привилегированность, связанную с возможностью и умением рассуждать, высказать собственное мнение, принимать решения. Подобное разделение проявлялось и внешне: существовали детские модели поведения, речь, литература, одежда, пища, игры и т. д.

Информационный переворот в культуре, связанный с массовым распространением радио и телевидения, способствовал, согласно Н. Постману, стиранию границ между миром взрослых и детей. Телевидение, писал он, предпочитает население, состоящее из трех возрастных групп: с одной стороны, младенчество, с другой — старость, а между ними — группа неопределенного возраста, где всем между 20 и 30 годами и они остаются в таком состоянии, пока не наступает пенсия [Postman, 1985, p. 30]. Исследуя телевидение, Постман отмечал, что оно формирует новый тип мышления — мышление взрослого ребенка, отличающееся конкретностью, образностью, фрагментарностью и мозаичностью. Поясняя произошедшую модификацию сознания, Постман приводит пример из сказки Л. Кэрролла. Алиса, обнаружив, что в книге ее сестры нет ни картинок, ни историй, спрашивает: «А какой в книге смысл, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?» Интерпретируя эту цитату из Кэрролла, Постман пишет: «Иллюстративный и нарративный жанр ниже по уровню сложности и зрелости, чем представление. Картинки и истории — естественная форма познания мира для детей, абстрактные и обобщающие суждения — для взрослых» [Postman, 1994, p. 43]. Потребность в визуальных образах и нарративе, заключает он, — это последствие распространения «образной политики» телевидения.

Анализируя многочисленные примеры телерекламы, в частности косметических средств, в которых показывают мать и дочь, и затем просят угадать, кто из них кто, Постман пишет, что в нашей культуре считается желанным, чтобы мать не выглядела старше дочери, или чтобы дочь не выглядела младше матери. Другими словами, поведение, привычки, желания и даже внешний вид взрослых и детей становятся неотличимыми. «... 11-летние носят тройки на вечеринке в честь дня рождения, 61-летние носят джинсы на вечеринке в честь дня рождения. 12-летние девочки ходят на шпильках, 52-летние носят кроссовки. <...> Язык детей и взрослых также трансформировался. <...> С таким беспощадным раскрывателем секретов как телевидение, секреты языка трудно хранить, и для меня вполне вообразимо, что в ближайшем будущем мы вернемся к ситуации XIII–XIV веков, когда никакие слова не считались неподходящими для детских ушей» [Postman, 1994, p. 45].

На примере политических телепередач Постман демонстрирует трансформацию политического сознания. Данную тему — образ политика в телешоу — поднимал и М. Маклюэн. Телезрителям предлагают не идеи политиков

и их обоснование, подтверждение или опровержение фактов, используемых ими (формат телепередачи не позволяет это сделать), а яркие и запоминающиеся зрительные образы. Зрители не соглашаются или полемизируют с политиками, а либо любят, либо не любят их. В эпоху визуальных медиа политическая грамотность означает набор картинок в сознании потребителя вместо словесных конструкций в ней. Политику, появляющемуся на экране, писал он, необходима не тщательно артикулированная и снабженная доказательной базой позиция по самым разным вопросам, подкрепленная исторической справкой, экономическим, социологическим и политическим анализом, а серия тридцатисекундных телереклам, создающая определенный образ.

Большинство новостных телепередач строится по принципу «А теперь... о другом», способствуя фрагментаризации получаемой информации. Посредством этой фразы, отмечает Постман, фиксируется и закрепляется в сознании зрителя, что мир, предложенный медиа, не имеет порядка или смысла. После сюжета о землетрясении дается информация о спортивном матче или прогноз погоды. То, что было только что услышано или просмотрено, не имеет отношение к тому, что будет далее. Соответственно, предыдущие сюжеты должны быть стерты из нашего сознания посредством произнесения диктором фразы: «А теперь... о другом». Презентизм, фрагментарность, избыточность информации, транслируемой медиа, блокируют, по утверждению Постмана, способность современного человека адекватно реагировать на нее. Сообщение, информация, понимание оказались не связанными между собой элементами коммуникации [Черненко, 2015, с. 49].

Возможный способ изменить ситуацию Постман видит, как в свое время М. Маклюэн, в формировании медиасознания как общества в целом, так и личности в частности. Медиасознание означает способность критически контролировать информацию, выделяя в ее потоке действительно важные по последствиям для жизни личности и общества данные. В настоящее время, пишет Постман, медиаграмотность, которой обучают в школе и других учебных заведениях, направлена на то, чтобы использовать информационные технологии в обучении, тогда как необходимо использовать обучение для развития личности, способной контролировать информацию, получаемую посредством медиа.

Заключение

Главные темы в работах М. Маклюэна и Н. Постмана — как и какие образы действительности формируются под влиянием медиа, как меняется познание под влиянием медиа, как целесообразно применять медиа в образовании и других сферах, — не теряют своей актуальности. Их идеи могут быть использованы в современных философских исследованиях, рассматривающих коммуникацию, в том числе медиакоммуникацию, как форму познания.

Список источников

1. Архангельская И. Б. Г. М. Маклюэн и его книга «Понимание средств коммуникации: продолжение человека» // Филология. Искусствоведение Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 228–232.
2. Архангельская И. Б. Маршалл Маклюэн. Нижний Новгород: Нижегород. коммерч. ин-т, 2010. 291 с.
3. Чумакова В. П. Роль Герберта Маршалла Маклюэна в социологии медиа и формировании научного направления «медиаэкологии» // Медиаскоп. 2015. № 1. 12 с.
4. Черненко С. В. Гермeneвтические практики в современном образовательном пространстве // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 2 (30). С. 90–95.
5. Черненко С. В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в вузе // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии. Тезисы докладов. М.: Инженер, 2015. С. 48–51.
6. Чканикова А. А. Размышление над книгой Н. Постмана «Исчезновение детства» // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 132–141.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. 2-е изд. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 462 с.
8. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М.: Акад. Проект; Мир, 2005. 495 с.
9. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ; Астрель, 2012. 221 с.
10. Postman N. The Reformed English Curriculum / ed. A. C. Eurich. High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education, Pitman. New York, 1970. P. 160–168.
11. Postman, N. Amusing Ourselves to Death. Penguin Books. 1985. In: Vermeer Jan. P. In «Media» Res: Readings in Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw-Hill, Inc. 1995. P. 27–34.

References

1. Arkhangel'skaya, I. B. (2008). G. M. Makliuen i ego kniga «Ponimanie sredstv kommunikatsii: prodolzhenie cheloveka» [G. M. McLuhan and his book "Understanding the means of communication: the continuation of man"]. *Philology. Art History Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 4, 228–232. (In Russian).
2. Arkhangel'skaya, I. B. (2010). *Marshall Makliuen [Marshall McLuhan]*. Nizhny Novgorod: Nizhegorodsky commercial institute. 291 p. (In Russian).
3. Chumakova, V. P. (2015). Rol' Gerberta Marshalla Makliuena v sotsiologii media i formirovaniy nauchnogo napravleniya «mediaekologii» [The role of Herbert Marshall McLuhan in the sociology of media and the formation of the scientific direction of "media ecology"]. *Mediascope*, 1, 12 p. (In Russian).
4. Chernenkaya, S. V. (2019). Hermenevticheskie praktiki v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Hermeneutical practices in the modern educational space]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (30), 90–95. (In Russian).
5. Chernenkaya, S. V. (2015). Nekotorye voprosy prepodavaniia kursa po filosofii nauki v vuze [Some questions of teaching a course on the philosophy of science at a university]. *III All-Russian Conference on Science and Scientometry. Abstracts of reports*. P. 48–51. (In Russian).

6. Chkanikova, A. A. (2009). Razmyshlenie nad knigoi N. Postmana «Ischeznovenie detstva» [Reflection on N. Postman's book "The Disappearance of childhood"]. *Applied Legal Psychology*, 2, 132–141. (In Russian).

7. McLuhan, G. M. (2007). *Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding media: external human extensions]. 2nd ed. Moscow: Hyperborea; Kuchkovo field. 462 p. (In Russian).

8. McLuhan, G. M. (2005). *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechataiu-shchego* [Gutenberg Galaxy: the Formation of a printing man]. Moscow: Akad. Project; Mir. 495 p. (In Russian).

9. McLuhan M., & Fiore K. (2012). *Voina i mir v global'noi derevne* [War and peace in the global village]. Moscow: AST; Astrel. 221 p. (In Russian).

10. Postman, N. (1970). *The Reformed English Curriculum* [The Reformed curriculum in English]. Ed. A. S. Evrich. Secondary School 1980: The Shape of the Future in American secondary education, Pitman. New York. P. 160–168.

11. Postman, N. *Amusing Ourselves to Death*. Penguin Books. 1985. In: Vermeer Jan. P. In «Media» Res: Readings in Mass Media and American Politics. N. Y.: McGraw-Hill, Inc. 1995. P. 27–34.

Информация об авторе / Information about the author:

Черненко Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия.

Chernenkaya Svetlana Vasil'evna — PhD (Philosophy), Docent of the All-university Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Human Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

ChernenkayaSV@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Научно-исследовательская статья

УДК 323.2:372.83

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Сересова У. И.

Московский экономический институт,
Москва, Россия,

ulyana_seresova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7747-5625>

Аннотация. Обществознание в современной школе занимает особое место, так как в отличие от других предметов оно не только формирует личностные установки по отношению к политическим процессам и институтам, но и анализирует их с предметной содержательной точки зрения.

В статье на материалах экспертного опроса учителей обществознания Московской области раскрывается потенциал школьного обществознания как агента политической социализации. Школа как агент политической социализации обеспечивает трансляцию всех трех слагаемых политической культуры: знаний, чувств и оценочных суждений. Уроки обществознания можно рассматривать как агента прямой политической социализации школьников. Непреднамеренную передачу политических норм в рамках скрытого учебного плана следует признать косвенной политической социализацией.

В статье продемонстрированы потенциал и трудности, с которыми сталкиваются учителя при формировании на уроках обществознания знаний, ценностей и оценочных суждений о политике. Темы, связанные с ретрансляцией теоретических знаний, маркируются как простые, а темы, требующие рефлексии собственных чувств о политике и формулирования собственных оценок политического процесса, а также развития критического мышления, обозначаются как трудные. Исследование показало, что потенциал школьного обществознания в формировании политических ценностей и оценок выше, чем в ретрансляции знаний о политике. Урочная и внеурочная деятельность по обществознанию позволяет сформировать чувство патриотизма у обучающихся.

Среди вопросов блока «Политика» наиболее проблемной оказывается тема «Политический процесс в современной России», так как требует особой рефлексии собственных чувств о политике и формулирования собственных оценок политического процесса.

Внеурочная деятельность ориентирует обучающихся на получение опыта конвенционального конформного политического участия. Учителя отмечают возникновение трудностей в случае противоречия тезисов из учебной литературы примерам из социальной реальности.

Ключевые слова: политическая социализация, политическая культура, политическое поведение, образование, скрытый учебный план

Для цитирования: Сересова У. И. Политическая социализация на уроках общественно-научных дисциплин // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 68–77. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.6

Scientific Research

UDC 323.2:372.83

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.6

POLITICAL SOCIALIZATION AT SCHOOL LESSONS OF SOCIAL STUDIES

Uliana I. Seresova

Moscow Economic Institute,

Moscow, Russia,

ulyana_seresova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7747-5625>

Abstract. Social Studies lessons at school differ from the other subjects as it doesn't only shape personal attitudes towards political processes and institutes, but also analyze their essence and content. The potential of the school course of social studies as an agent of political socialization is revealed in the article based on the results of an expert survey of schoolteachers of social studies. School as an agent of political socialization provides the transmission of all three components of political culture: knowledge, values and opinions. Social Studies lessons may be regarded as an agent of direct political socialization of schoolchildren. Unintended transmission of political norms due to the 'hidden curriculum' should be regarded as indirect political socialization.

Both the potential and the difficulties of the teachers in developing political knowledge, values, and opinions in schoolchildren at social studies lessons are revealed in the article. The themes which transmit the theoretical knowledge of politics are marked as simple by the schoolteachers while the ones demanding personal reflection of emotions and opinions on politics, and critical thinking, on the contrary, are described as complicated. According to the empirical data, the potential of Social Studies school course in the formation of political values and attitudes is higher than in transmission of political knowledge. Both in-class and extracurricular activities can construct the patriotic feeling in schoolchildren.

The theme "Political processes in the contemporary Russia" appears to be the most problematic topic of the political block of Social Studies lessons, as it presumes that the schoolchildren should form their own attitudes and estimations of the current political process.

Extracurricular activities at school is majorly aimed at establishing the experience of conventional and conformal political participation. The contradictions between the examples

from the textbooks and the experienced social reality are the main causes of difficulties in schoolchildren, according to the schoolteachers.

Keywords: political socialization, political culture, political behavior, education, hidden curriculum

For citation: Seresova, U. I. (2023). Political socialization in the lessons of social science. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 68–77. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.6>

Введение

Политическая теория в качестве ведущих агентов политической социализации называет семью, группы равных, систему образования, политические институты, СМИ и т. п. Обзор классических теорий политической социализации показывает, что наиболее значимыми признаются семья и ранний детский опыт [Преснякова, 2002, с. 26]. Поскольку политическую социализацию можно рассматривать как процесс усвоения норм политического поведения, знаний о политике и идеологических ценностей, мы можем утверждать, что школа, обеспечивая первый опыт политического участия (через школьное самоуправление) и транслируя знания об истории, обществознании и географии, может быть значимым агентом политической социализации. Органы исполнительной власти, ответственные за реализацию образовательной политики, также можно считать основными агентами политической социализации, поскольку они разрабатывают и реализуют государственные программы по патриотическому воспитанию¹. Результатами такого рода программ государство видит формирование ценностей российской гражданской идентичности, духовности, принятие духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Обществознание в современной школе занимает особое место как агент политической социализации, так как в отличие от других предметов оно не только формирует личностные установки по отношению к политическим процессам, институтам, элитам и т. п., но и анализирует их с предметно-содержательной точки зрения. Тому, как происходит политическая социализация в ходе изучения школьного обществознания, и посвящено это исследование.

¹ См., например, подпроект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» Национального проекта «Образование» на 01.01.2021–31.12.2024 [Электронный ресурс]. URL: <http://dodfsc.lub.obr55.ru/wp-content/uploads/2021/02/2-информация-о-федеральном-проекте.pdf>

Методология и методы

Методологически статья построена на теориях политической культуры, политического участия и политической социализации, а также концепции скрытого учебного плана, разработанного, с одной стороны, в социологии образования, и критической педагогике, с другой стороны.

Г. Алмонд и Дж. Пауэлл под политической социализацией имеют в виду «пути формирования политических ценностей и передачи политической культуры от одного поколения к другому» [Сравнительная политология сегодня, 2002, с. 105].

Классическое исследование Г. Алмонда и С. Вербы определяет политическую культуру как совокупность когнитивных (знания), эмоциональных (чувства) и оценочных (мнения и суждения) отношений индивидов к политической системе в целом, ее отдельным объектам, а также к себе как к объекту политической системы [Алмонд, Верба, 2014, с. 33].

Школа как агент политической социализации обеспечивает трансляцию всех трех слагаемых политической культуры. Во-первых, это знания о том, как устроено государство и общество. Во-вторых, это «эмоциональную преданность [политической] системе» [Сравнительная политология сегодня, 2002, с. 109], то есть то, что в государственных документах называется *патриотизмом*. Наконец, в-третьих, школа формирует ценности и установки относительно формальных и неформальных правил политической игры.

Также отмечается, что политическая социализация может быть прямой и косвенной. Прямая социализация предполагает непосредственную передачу знаний и оценочных суждений о политике. Таким образом, уроки обществознания можно рассматривать как агента прямой политической социализации школьников. Если же формирование политических взглядов осуществляется непреднамеренно, под влиянием опыта взаимодействия с учителями, то можно говорить о косвенной политической социализации. Понятие косвенной социализации применительно к системе образования пересекается с концептом скрытого учебного плана, используемого в теории критической педагогики и социологии образования [Сересова, 2021, с. 16]. В рамках скрытого учебного плана ученики усваивают неявные социальные нормы, связанные с представлениями о политической системе, власти, политических режимах, партиях, идеологиях, типах политических культур и способах политического поведения, которые (ре)транслирует система образования как институт социализации.

Политическое участие как логическая связка между политической культурой и политической социализацией, с точки зрения М. Каазе и А. Марша, может быть в следующих формах: неактивной, конформной, реформистской, активистской, протестной [Kaase, Marsh, 1979, p. 153–155]; также они выделяли конвенциональное (связанное с поддержкой действующей политической системы) и неконвенциональное (несанкционированные действия,

направленные против существующей политической системы) политическое поведение.

Внеурочная деятельность по обществознанию дает возможность получить первый опыт конвенционального политического участия разной степени активности — как активного (через школьное самоуправление), так и пассивного (через участие в массовых мероприятиях гражданско-патриотической направленности) [Васильева, Зерчанинова, 2021, с. 59].

Эмпирическое исследование проведено с помощью экспертного опроса учителей истории и обществознания, работающих в школах Московской области (в том числе экспертов ЕГЭ по обществознанию). В разработанной нами анкете вопросы были сгруппированы в тематические блоки, соответствующие основным элементам политической культуры: знаниям, чувствам и оценкам. Кроме того, в анкету был включен ряд вопросов, призванных «измерить» прямую и косвенную социализацию. Методической основой для разработки анкеты также стал ФГОС среднего общего образования² в части предметных и личностных результатов изучения обществознания. Опрос проведен в ноябре – декабре 2022 года ($N = 70$ человек).

Результаты

Знания о политике

Для того чтобы выявить, какие темы из блока «Политика» кажутся учителям обществознания наиболее проблемными с точки зрения преподавания и восприятия обучающимися, были сформулированы вопросы на основе кодификатора ЕГЭ по обществознанию. Наиболее трудоемкой для подготовки к занятиям была названа тема «Политический процесс в современной России» (48,6 %). К наиболее легким для понимания и объяснения респонденты отнесли темы про политическую власть, политическое лидерство и элиты, государство как институт политической системы. Также тема «Политический процесс в современной России» была обозначена как наиболее сложная для обучающихся (42,9 %), на втором месте — «Гражданское общество и правовое государство» (37 %). Основными причинами учителя называют следующие:

- *противоречия между реальностью и учебником;*
- *противоречивость официальной политики, отсутствие опыта [политического участия у обучающихся];*
- *реальность не совпадает с теорией;*

² Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 года № 413) в ред. от 12 августа 2022 года [Электронный ресурс] // Контур.Норматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=432227>

– *недостаточно материала в учебнике, приходится задействовать дополнительные источники.*

Представляется, что темы, связанные с ретрансляцией теоретических знаний, маркируются как простые, а темы, требующие рефлексии собственных чувств о политике и формулирования собственных оценок политического процесса, а также развития критического мышления, обозначаются как трудные.

Политическое поведение

Внеурочная деятельность, связанная с курсом обществознания, предлагает обучающимся и опыт активного (квази)политического участия. Это реализуется в виде членства в «Юнармии» (44,4 %), школьном самоуправлении (38,9 %), участия в массовых мероприятиях, организуемых органами публичной власти (27,8 %).

Учителя также стимулируют обсуждение текущих политических процессов в России с учениками: 20 % педагогов это делают всегда и 60 % — если это связано с изучаемой темой.

Обучающимся также рекомендуют в качестве дополнительных источников информации просмотр телепередач (42,9 %), блоги в Интернете (52 %), первоисточники и законодательство (28,6 %). Среди дополнительных источников чаще всего учителя называли новостные передачи 1-го канала, каналов «Россия», Russia Today, «Спас», официальные сайты Президента, Правительства и Государственной думы Российской Федерации. В качестве первоисточников указаны работы и выступления В. В. Путина, работы В. И. Ленина, мемуары политических деятелей.

Таким образом, политическое поведение, основы которого закладываются в рамках внеурочной деятельности, связанной с преподаванием обществознания, ориентировано на закрепление конвенциональных конформистских форм политического участия.

Политические ценности

По мнению учителей, современные подростки скорее интересуются политикой, чем нет (45,7 %); их нельзя назвать аполитичными. При этом большинство школьников, с точки зрения учителей обществознания, поддерживают политический курс президента В. В. Путина (60 %), что можно интерпретировать как «преданность политической системе», в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы.

Из данных опроса следует, что учителя Московской области не видят активного политического протеста или явного абсентеизма, проявленных в поведении или в артикулировании идей и ценностей подростками.

Обществознание в школе как агент политической социализации

77 % респондентов полагают, что школьное обществознание может быть самостоятельным агентом политической социализации детей и подростков.

Были сформулированы вопросы, направленные на оценку потенциала школьного обществознания:

1) сформировать знания о том, как устроена политика, умения классифицировать, сравнивать, объяснять взаимосвязи между политическими процессами и явлениями, умения понимать и интерпретировать политические тексты;

2) внести вклад в формирование российской гражданской идентичности, патриотизма, принятия традиционных национальных ценностей.

Результаты по отдельным компонентам политической социализации обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Оценка учителями возможностей школьного обществознания в политической социализации обучающихся

Компоненты политической социализации	Среднее значение (по шкале от 1 до 5)
Знания о том, как устроена политика в России	4,2
Умения классифицировать, сравнивать, объяснять взаимосвязи между политическими явлениями	4,0
Умения понимать и интерпретировать различные тексты о политике	3,8
Патриотизм	4,7
Поддержка деятельности федеральных и региональных органов власти	3,9
Традиционные ценности российского общества	4,3
Ценности правового государства и гражданского общества	4,4
опыт участия в общественных организациях	3,5
Объединение граждан для решения местных проблем	3,6
Критическое мышление	4,0
Умение осознать собственные политические взгляды	3,8
Умение вести диалог с людьми противоположных политических взглядов	3,9

Представленные в таблице 1 данные позволяют сказать, что влияние школьного обществознания в наибольшей степени выражено в формировании политических ценностей (чувство патриотизма). На знания о политике и оценку политической реальности уроки обществознания воздействуют в меньшей степени.

Можно предположить, что цели государственной политики в области воспитания (личностные результаты, в терминологии ФГОС) средствами школьного обществознания достигаются — патриотизм, российская гражданская идентичность, формируются традиционные ценности.

При этом необходимо обратить внимание на следующие проблемные зоны в области знаний, умений и навыков. Учителя считают, что умения классифицировать, сравнивать, объяснять взаимосвязи между политическими явлениями, понимать и интерпретировать различные тексты о политике на уроках обществознания формируются сложнее, чем просто знания о политике. Еще ниже оцениваются возможности внеурочной деятельности по получению опыта *политического участия* — в общественных организациях, объединениях граждан для решения локальных проблем. Также проблемным оказывается получение опыта рефлексии собственных политических взглядов и умение вести диалог с людьми противоположных политических взглядов.

Учителя отмечают влияние реального политического процесса на преподавание обществознания (65,7 %). В частности, возникают трудности с формированием предметных знаний:

– *многие положения теории не находят реального отражения в повседневной жизни...;*

– *попробуйте совместить и объяснить ученикам теорию рыночной экономики, демократический выбор народа, плюрализм мнений, равенство всех перед законом и прочее...;*

– *[политический процесс] не должен противоречить тем идеалам, которыми мы учим молодежь.*

Также отмечается и ценностный компонент в преподавании: *кроме теории, предмет включает и оценочные суждения, которые фактически зависят от текущего момента, степень свободы высказывания мнения зависит от реалий политического процесса.* В то же время несовпадение теории из учебника с реальным политическим процессом *заставляет заинтересованных политикой обучающихся преломлять материал, полученный на уроке, через призму современных политических событий* и таким образом формировать критическое мышление.

Заключение

Школа в целом и преподавание обществознания в частности могут быть значимыми агентами политической социализации.

Исследование показало, что потенциал школьного обществознания в формировании политических ценностей и оценок как процесса политической социализации выше, чем в ретрансляции знаний о политике. Урочная и внеурочная деятельность по обществознанию в состоянии сформировать чувство патриотизма у обучающихся, что соответствует требованиям ФГОС.

Среди вопросов блока «Политика» наиболее проблемной оказывается тема «Политический процесс в современной России», как с точки зрения трудностей в подготовке к занятиям у учителей, так и с точки зрения ее понимания обучающимися. Эта тема требует особой рефлексии собственных чувств о политике

и формулирования собственных оценок политического процесса, которые также являются компонентами политической культуры, усваиваемой в процессе политической социализации.

Внеурочная деятельность ориентирует обучающихся на получение опыта конвенционального конформного политического участия. Ученики такую модель, скорее всего, воспринимают и социализируют как нормальное политическое поведение. Как следствие, учителя не видят активного политического протеста или явного абсентеизма у подростков, но фиксируют слабую или среднюю политическую активность с поддержкой действующей политической системы.

Учителя отмечают влияние текущей ситуации политической турбулентности на трудности в преподавании обществознания, акцентируя внимание на противоречии тезисов из учебной литературы с примерами из социальной реальности. Однако эти противоречия можно использовать и в учебных целях, и предлагать ученикам дополнительные задания, направленные на интерпретацию политической теории сквозь призму актуальных политических событий.

Список источников

1. Сравнительная политология сегодня = Comparative Politics Today: мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.]; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; науч. ред. перевода М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. М.: Аспект Пресс, 2002. 535 с. ISBN 5-7567-0261-X

2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 499 с. ISBN 978-5-244-01171-5

3. Kaase M., Marsh A. Political Action Repertory // Political action: Mass Participation in Five Western Democracies / ed. by S. Barnes, & M. Kaase. Beverly Hills, London: SAGE Publications, 1979. ISBN 978-0803909571. P. 137–166.

4. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. В. Гражданское участие российских школьников // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 3. С. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6>

5. Преснякова Л. А. Теория политической социализации [Электронный ресурс] // Политическая наука. 2002. № 2. С. 25–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1232756>

6. Сересова У. И. «Hidden Curriculum»: отечественная академическая дискуссия в социологии и педагогике [Электронный ресурс] // Вестник РМАТ. 2021. № 1. С. 15–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45664887>

References

1. Almond, G. (2002), et al. *Sravnitel' naja politologija segodnja: mirovoj obzor [Comparative Politics Today: A World View]*. Moscow: Aspekt Press. 535 p. ISBN 5-7567-0261-X. (In Russian).

2. Almond, G., & Verba, S. (2014). *Grazhdanskaja kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratija v pjati stranah [The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations]*. Moscow: Mysl'. 499 p. ISBN 978-5-244-01171-5. (In Russian).

3. Kaase M., & Marsh A. (1979). Political Action Repertory. In: Barnes, S. & Kaase, M. (Eds.). *Political action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, London: SAGE Publications. P. 137–166. ISBN 978-0803909571.

4. Vasileva, E. I., & Zerchaninova, T. V. (2021). Grazhdanskoe uchastie rossijskikh shkol'nikov [Civic participation of Russian schoolchildren]. *Research Result. Sociology and Management*, 3, 55–69. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6>

5. Presnyakova, L. A. (2002). Teorija politicheskoj socializacii [The Theory of Political Socialization]. *Political Science*, 2, 25–34. (In Russian). Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=1232756>

6. Seresova, U. I. (2021). «Hidden Curriculum»: Otechestvennaja akademicheskaja diskussija v sociologii i pedagogike [«Hidden Curriculum»: Russian Academic Discussion in Sociology and Pedagogy]. *Vestnik RMAT*, 1, 15–26. (In Russian). Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=45664887>

Информация об авторе / Information about the author:

Сересова Ульяна Игоревна — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Московского экономического института, Москва, Россия.

Seresova Uliana Igorevna — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department Humanities and Natural Sciences, Moscow Economic Institute, Moscow, Russia.

ulyana_seresova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7747-5625>

Научно-теоретическая статья

УДК [37+572]:101

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.7

СРАВНЕНИЕ КАТЕГОРИЙ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Гумарова А. Н.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Москва, Россия,

anastasiya-gumarova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7016-0507>

Аннотация. В статье представлен анализ различий категорий образовательного совершенствования личности и биотехнологического улучшения природы человека. Тезис о тождественности целей образования и технологического улучшения человека используют сторонники широкого применения нейротехнологий для воздействия на когнитивные функции человека. На основе материалов биоэтики и философии образования показано, что сущность образования и сущность биотехнологического улучшения различаются по критерию ценностного содержания практик; по критерию антропологических представлений; по критерию автономии личности; по критерию отнесенности к обществу. Делается вывод о том, что обоснование допустимости и ограничений использования биотехнологического улучшения природы человека в процессе образования необходимо соотносится с целями и идеалами образования.

Ключевые слова: философия образования, биотехнологии, улучшение человека, нейрoэтика, биоэтика, социально-гуманитарная экспертиза

Для цитирования: Гумарова А. Н. Сравнение категорий улучшения человека в контексте биотехнологий и совершенствования в контексте образования // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 78–92. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.7

Scientific and theoretical article

UDC [37+572]:101

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.7

COMPARISON OF THE CATEGORIES OF HUMAN IMPROVEMENT IN THE CONTEXT OF BIO-TECHNOLOGIES AND IMPROVEMENT IN THE CONTEXT OF EDUCATION

Anastasiya N. Gumarova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

anastasiya-gumarova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7016-0507>

Abstract. The article presents an analysis of the differences between the categories of educational improvement of personality and biotechnological improvement of human nature. The thesis about the identity of the goals of education and technological improvement of a person is used by supporters of the widespread use of neurotechnologies to influence human cognitive functions. Based on the materials of bioethics and philosophy of education, it is shown that the essence of education and the essence of biotechnological improvement differ in terms of the value content of practices; according to the criterion of anthropological ideas; according to the criterion of individual autonomy; according to the criterion of belonging to society. It is concluded that the justification for the admissibility and limitations of the use of biotechnological improvement of human nature in the process of education must necessarily correlate with the goals and ideals of education.

Keywords: philosophy of education, biotechnology, human enhancement, neuroethics, bioethics, social and humanitarian expertise

For citation: Gumarova, A. N. (2023). Comparison of the categories of human improvement in the context of biotechnologies and improvement in the context of education. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 78–92. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.7>

Введение

Современные нейротехнологии разрабатываются не только в целях диагностирования и лечения заболеваний мозга, но также и для немедицинского использования в различных областях жизни человека. Такие нейротехнологии, как фармацевтические препараты, технологии нейророботической связи, нейроинтерфейсы «мозг-компьютер», технологии неинвазивной стимуляции мозга, уже внедрены в общественное пользование, например в сфере образования или досуга¹. Предполагается, что нейротехнологии обладают потенциалом улучшения природы человека, то есть расширения его способностей, выведения его функций выше за пределы естественной нормы. Считается, что они способны повысить эффективность решения

¹ Сандакова Л. Б. О специфике правовых и этических вопросов внедрения нейротехнологий в образование детей // Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докладом XIV Всероссийских Копыловских чтений. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. С. 290–301.

когнитивных задач, ускорить процесс обучения, стимулировать кратковременную и долговременную память, способствовать развитию контроля эмоциональных состояний². Чаще всего под улучшением природы человека в биоэтике понимается применение средств для усиления умственных или физических способностей. Также под улучшающими могут пониматься средства, воздействующие на эмоциональную сферу. Например, существуют препараты, способные стимулировать просоциальное поведение, улучшать настроение и препятствовать сохранению травматичных воспоминаний³.

Допустимость вмешательства в мозг человека без каких-либо клинических показаний для улучшения природы человека является предметом активного обсуждения в биоэтике и нейроэтике⁴. Проблема биотехнологического улучшения рассматривается в традиции российской биоэтики Б. Г. Юдиным, Е. В. Брызгалиной, Е. Г. Гребенщиковой, П. Д. Тищенко, О. В. Поповой⁵.

В самом общем виде обсуждение делится на две крайние позиции: позицию сторонников широкого использования биотехнологий для улучшения природы человека и его противников, которые настаивают на введении ограничений для использования нейротехнологий здоровыми людьми. В контексте проблемы улучшения рассматриваются отдельные вопросы: о границах между патологией и нормой; о том, действительно ли средства улучшения оказывают эффект на здоровых людей; о доступности средств улучшения и социально-правовой регламентации доступа к ним; о справедливости достижения успехов при помощи биотехнологий. Исследователи признают, что последствия использования технологий различных типов для расширения возможностей человека (и медикаментозных, и технологий неинвазивной стимуляции мозга) изучены недостаточно. Появляются противоречивые результаты исследований, свидетельствующие об отсутствии эффекта использования нейротехнологий, отрицательном воздействии и о побочных эффектах стимуляции⁶.

² *de Jongh R., Bolt I., Schermer M., Olivier B.* Botox for the brain: enhancement of cognition, mood and pro-social behavior and blunting of unwanted memories // *Neurosci Biobehav Rev.* 2008. № 32. P. 760–776.

³ Там же.

⁴ *Гумарова А. Н., Брызгалина Е. В.* Нейроэтика: дискуссии о предмете // *Эпистемология & философия науки = Epistemology & Philosophy of Science.* 2022. Т. 59. № 1. С. 136–153.

⁵ *Юдин Б. Г.* Человек: выход за пределы / под ред. Г. Б. Юдина. М.: ПрогрессТрадиция, 2018. 472 с.; *Брызгалина Е. В.* Технонаука и перспективы улучшения человека: «Я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» [Электронный ресурс] // *Epistemology & Philosophy of Science*, 1. 2016. № 2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnouka-i-perspektivy-uluchsheniya-cheloveka-ya-uzhe-vizhu-nash-mir-kotoryu-pokryt-pautinoy-laboratoriy>; *Гребенщикова Е. Г., Тищенко П. Д.* Социально-этические проблемы биотехнологического улучшения человека // *Человек.* 2019. Т. № 1. С. 180–183; *Попова О. В.* Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография. М.: Канон-Плюс, 2021. 336 с.

⁶ *Wurzman R., Hamilton R. H., Pascual-Leone A., Fox, M. D.* An open letter concerning do-it-yourself users of transcranial direct current stimulation [Электронный ресурс] // *Annals of Neurology* 2016. 80, P. 1–4. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27216434> (дата обращения: 20.04.2019).

Цель данного исследования — углубиться в сущность феномена улучшения природы человека через сравнительный анализ категорий биотехнологического улучшения и совершенствования человека в процессе образования.

Основная часть

Аргумент, отождествляющий биотехнологическое улучшение и образование

Сторонники широкого использования нейротехнологий улучшения природы человека приводят аргумент о том, что цели улучшения человека в самом общем смысле тождественны целям образования⁷. Представляется необходимым обозначить принципиальные различия между целями образования и целями биотехнологического вмешательства в природу человека с позиций философии образования и этического осмысления действия современных биотехнологий. Для этой цели в данной статье выявлены сущностные различия между образовательным совершенствованием и технологическим улучшением человека.

Для удобства рассмотрения мы разведем смыслы синонимичных понятий «улучшение» и «совершенствование». В отечественной традиции социально-гуманитарной экспертизы в отношении технологического воздействия на человека закрепилось понятие «улучшение человека» по аналогии с английским выражением *human enhancement*. Синонимичное понятие «совершенствование» носит более возвышенный этико-эстетический оттенок, что делает его использование подходящим для того, чтобы характеризовать развитие человека в процессе образования.

Следует оговорить, что в данной статье используется наиболее широкое из всех многочисленных определений образования. Существует множество пониманий сущности образования и подходов к его анализу. Можно найти и такую концепцию образования, для которой технологическая трансформация природы человека будет органична. В нашем исследовании мы понимаем образование, прежде всего, как антропологическую ценность, гуманистический проект, представляющий из себя единство обучения и воспитания.

Аргумент о тождественности биотехнологического улучшения и совершенствования гласит, что и образовательные практики, и биотехнологические вмешательства направлены на то, чтобы помочь человеку усовершенствовать свои способности. Американский философ А. Бьюкенен пишет об этом так: «Образование, как и наука, является институционализированным, небиеомедицинским

⁷ *Henry G., Sahakian B., Harris J., Kessler R. C., Gazzaniga M., Campbell Ph., Farah M. J. Towards Responsible Use of Cognitive-Enhancing Drugs by the Healthy // Nature 2008. № 456. P. 702–705; Buchanan A. Better than human. The promise and perils of enhancing ourselves. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 146.*

когнитивным усовершенствованием. В развитых странах это институционализированное улучшение когнитивных функций доступно всем гражданам. Учитывая, что улучшение когнитивных функций является непосредственной целью образования, удивительно, что в большом количестве литературы об этических и социальных последствиях биомедицинского улучшения мало что сказано о значении биомедицинских улучшений для образования⁸. Фактически, и образование, и технологическое улучшение рассматриваются Бьюкененом как социальные блага и ставятся в один ряд.

Немецкий теоретик образования Й. Дрерап отмечает, что сторонники расширения использования нейроулучшения намеренно избегают проведения различий между биотехнологическим воздействием и иными способами воздействия на человека (например, образовательным), акцентируя обсуждение на том, что с древних времен человек стремился к усовершенствованию себя: «это не новшество, люди всегда так поступали (использовали различные средства улучшения), поэтому это не может быть неправильным»⁹. Биотехнологии, и, в частности, нейротехнологии, при таком прочтении становятся лишь более продвинутым инструментом среди других возможных инструментов, которые помогают человеку развивать себя и более успешно справляться с интеллектуальными задачами. И образование, и биотехнологии рассматриваются в качестве ресурсов, способствующих повышению человеческого капитала личности — некоего набора свойств, полезных для человека и общества с социально-экономической точки зрения.

Различия улучшения и совершенствования относительно представления о человеке

Различия улучшения и совершенствования в первую очередь проходят по ценностному взгляду на человека. Процесс образовательного совершенствования соответствует морально-этическому измерению. Образование, в его наиболее высоком, ценностном измерении, — это гуманистический проект возвращения человека. Образование работает с самоценным «материалом» — личностью учащегося. В процессе обучения и воспитания предполагается развитие человека в пределах, заданных его природой; совершенствование возможностей, свойственных человеку как биологическому виду, его индивидуальных способностей, склонностей и талантов, присущих человеку генетически и привитых ему в социальной среде. В этом смысле совершенствование человека в процессе образования не выходит за пределы «совершенства

⁸ *Buchanan, A.* (2011). Cognitive enhancement and education // *Theory and Research in Education*, 9 (2), 145–162.

⁹ *Drerup J.* Education and the Ethics of Neuro-enhancement / S. K. Nagel (ed.) // *Shaping Children: Advances in Neuroethics*. Switzerland: Springer Nature AG, 2019. P. 125–142.

типа», в терминах, предложенных М. Уолкером¹⁰. То есть совершенствование в образовании оставляет человека человеком, тогда как крайние формы биотехнологического улучшения могут предполагать выход на пределы характеристик, присущих человеку как виду, для максимизации отдельного свойства человека. Такая трансформация относится к совершенству свойства.

В процессе образования возможна компенсаторная работа по приведению отстающих способностей к норме. Например, разрабатывается коррекция отклонения психического, когнитивного развития средствами нейропсихологических упражнений. Внимание к полному спектру человеческих характеристик в процессе образования, и в том числе к дефектам его развития, основывается на ценности человеческой природы.

Биотехнологическое улучшение скорее применимо к взгляду на человека прежде всего в экономической перспективе. В таком взгляде человек оценивается как наделенный набором биологических и социальных характеристик, которые обладают утилитарной ценностью и представляют содержание человеческого капитала. Когнитивные процессы, поведенческие проявления становятся ресурсами производства, которые можно оптимизировать и усиливать, в том числе с помощью биотехнологий. Суть управления природой человека заключается в том, что некоторые полезные проявления человека требуют максимизации, а другие, напротив, — подавления. Такое представление соответствует анализу образования как дисциплинарной системы в традиции М. Фуко: «Дисциплина увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы с точки зрения политического послушания. Короче говоря, она отделяет силы от тела: с одной стороны, превращает его в “способность”, “пригодность”, которые стремится увеличить, а с другой — меняет направление энергии, могущества, которое может быть ее результатом, и превращает его в отношении неукоснительного подчинения»¹¹.

Суть совершенствования состоит в оттачивании самоценного содержания личности. Улучшение заключается в исправлении несовершенного, доведении личности человека до заданного образца инструментальным путем¹². А. Бьюкенен, оправдывающий применение биотехнологий, в своей книге «Лучше, чем человек: обещания и опасности самосовершенствования» утверждает, что для анализа применимости и рисков технологий улучшения человека необходимо признать, что человеческая природа неоднозначна и что человек как биологический вид имеет множество «недостатков дизайна»¹³. Если говорить о возможности интеграции биотехнологических средств в решение

¹⁰ Юдин Б. Г. Человек: выход за пределы / под ред. Г. Б. Юдина. М.: ПрогрессТрадиция, 2018. 472 с. ISBN: 978-5-89826-517-5.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 201–202.

¹² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. 144 с.

¹³ Buchanan A. Better than human. The promise and perils of enhancing ourselves. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 146.

проблем образования, назревает вопрос: как установка об органическом несовершенстве природы человека соотносится с идеалами педагогической мысли о самоценности ученика? Существуют яркие примеры того, как личность ребенка изначально принимают за несовершенную. Например, здоровому, но неусидчивому ученику назначают успокаивающие медикаменты, поскольку его поведение не соответствует дисциплинарным требованиям¹⁴.

Максимальная цель биотехнологического улучшения, особенно в радикальных прочтениях трансгуманистических концепций, состоит в выведении характеристик человека за пределы человеческого. Природа человека в таких концепциях ценна как несовершенный исходный материал, взломав принципы работы которого, возможно выйти к новой совершенной форме постчеловеческого существования. Понимание совершенства в этом сценарии также специфично и имеет мало общего с обычным человеческим совершенствованием. Создается впечатление, что биотехнологическое улучшение предлагает более яркий сценарий достижения превосходного состояния человека, чем путь образовательного совершенствования. Вместе с тем, можно сделать вывод о том, что выбор пути биотехнологического улучшения не предполагает развития волевых и духовных сил человека, так как это путь облегчения и поиска комфорта, который не будет закалять человека, пробуждая его внутренние силы. Внешние средства улучшения предлагают быстрый, технологичный и удобный способ решения проблемы с минимизацией усилий самого человека.

Человек в инструментальном подходе улучшения сам становится биотехнологическим продуктом: «Дело не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека — наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и его самого»¹⁵.

Представляется, что цели образования, даже если образование признать видом улучшения человека, в любом случае будут обширнее, чем только создание человека с превосходными когнитивными показателями. Результат образования не может быть оценен исключительно как развитие интеллектуальных навыков и приобретение определенного объема знаний. Причем другой вклад образования в развитие человека, такой как воспитание, формирование ценностного мировоззрения, обучение социальным навыкам и коммуникации, введение человека в культурный код, неразрывно связан с развитием интеллекта и передачей знаний. То есть эти содержания не могут рассматриваться отдельно друг от друга, даже если на теоретическом уровне они могут аналитически разделяться. Кроме того, следует помнить, что нейроусиление не обещает сделать человека умнее или мудрее, а лишь усиливает внимание, интенсивность мыслительного процесса или увеличивает продолжительность бодрого состояния.

¹⁴ *Попова О. В.* Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография. М., 2020. С. 247.

¹⁵ *Юдин Б. Г.* Человек как объект, потребитель и мишень технонауки // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 5. С. 5–22.

Образование нацелено на поддержание и укрепление личностных характеристик человека. Нормативно задается то, что в результате образования должна быть сформирована автономная личность, способная на самостоятельные решения, постановку целей, волевую деятельность. Возвращаясь к применению нейротехнологий в дисциплинарных целях формирования подходящей личности, отметим, что важнейшим критерием образовательного совершенствования личности является возвращение ее свободы. Русский философ В. В. Зеньковский пишет: «...воспитание имеет задачу помочь ребенку стать свободным, обрести свободу»¹⁶. Реализуется ли эта цель образования, если ученику оказывается помощь в виде нейроусилителей? Будет ли человек свободен, если внутреннее усилие, которое утверждает его субъектность, заменяется внешним воздействием, урезающим свободу проявления человека? Будет ли достигаться свобода личности, если существуют риски формирования зависимости от биотехнологии, которые, например, помогают достигнуть ему концентрации внимания? Не станет ли подход к инструментальному формированию человека дорогой к подчинению его технологиями?

Й. Дрерап предлагает сравнить высказывания, которые относятся к педагогической, воспитательной практике — «подумай об этом», «я тебе объясню», — и к практикам улучшения поведения и успеваемости учеников — «ты сегодня не принимал свои таблетки, да?»¹⁷. Автономия ученика и вера в его самостоятельные силы отменяется, а роль поддерживающего взрослого редуцируется до поверхностного контроля над медицикализованными практиками. Ситуация еще более усиливается, если речь идет об образовании детей, за которых решения принимают взрослые. В перспективе биотехнологического улучшения ученик становится пассивным объектом воздействия дисциплинарных усилий и технологий. Он заранее не способен на самостоятельный образовательный поиск и утверждение своей автономии.

Развитие человека относительно общества

Совершенствование личности понимается в соотнесенности с целями общества, в котором живет и развивается человек. Улучшение же индивидуалистично. Сторонники применения биотехнологий в целях улучшения природы человека зачастую основываются на позиции утилитаризма и крайнего индивидуализма. В таком подходе вопросы о том, допустимо ли улучшение человека, нужны ли ограничения применения биотехнологий улучшения, рассматриваются из перспективы отдельного человека, его личного успеха и превосходства. Потребности коллектива и социальные проблемы, которые

¹⁶ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владим. братства, 1993. 222 с.

¹⁷ Drerup J. Education and the Ethics of Neuro-enhancement / S. K. Nagel (ed.) // Shaping Children, Advances in Neuroethics. Switzerland: Springer Nature AG, 2019. P. 125–142.

могут возникнуть из-за применения биотехнологий, не осмысляются или воспринимаются как то, что нужно преодолеть.

Американский философ М. Сэндел, известный своей консервативной позицией в отношении биотехнологий, говорит, что ключевой риск популяризации улучшения человека состоит в индивидуализации общества и, как следствие, в потере сочувствия к слабому¹⁸. Причины индивидуализации, согласно Сэнделу, коренятся в тщеславии — главной черте самого намерения улучшить человека.

О том, что биотехнологическое улучшение индивидуалистично до крайнего эгоцентризма, говорят нам причины обращения к ноотропам в образовательном процессе. К ноотропам студенты прибегают для того, чтобы сдать экзамен, чтобы стать успешнее, чем другие. Родители соглашаются на медикаментозное вмешательство для того, чтобы сделать своего ребенка «самым умным»¹⁹. Все это говорит о подходе к образованию и ко всей социальной жизни в первую очередь как к конкурентной среде. Зацикленность образовательного процесса на оценке результатов и рейтинге только усиливает напряженность конкуренции. В теоретическом осмыслении конкуренция в образовании и на уровне системного, и на уровне процессуального рассмотрения порой рассматривается как позитивный фактор повышения результативности и мотивации²⁰. Однако это уводит нас от обсуждения сути образования. Действительно ли нужна конкурентная мотивация в образовании? Есть ли различия между конкуренцией в образовании, подобной рыночной, и продуктивной состязательности в духе античного агона? Соответствует ли конкурентность процесса образования провозглашенным идеям индивидуализации образования?

О том, что в процессе становления личности принципиально важна обращенность к актуальным проблемам социума, пишут философы, для которых вопросы сущности человека неразрывны с вопросами о смыслах и целях образования. Например, И. Кант в работе «О педагогике» подчеркивает: «Основной принцип, из которого должны исходить те, кто составляют планы воспитания, такой: дети воспитываются сообразно не с настоящим, а с возможно более совершенным будущим состоянием рода человеческого, то есть в соответствии с идеей человечества и его назначения как целого. Значение этого принципа чрезвычайно велико»²¹.

¹⁸ Sandel M. The case against perfection. Ethics in the age of genetic engineering. Cambridge, MA: Belknap press, 2007. 162 p.

¹⁹ Gillies V., Edwards R., Horsley N. Brave new brains: sociology, family and the politics of knowledge // Sociological Review. 2016. № 64 (2). P. 219–237.

²⁰ Конкуренция в образовании — основа прогресса / О. А. Захарова и др., И. И. Садовая, В. В. Романов, С. О. Фатьянов // Наука в инновационном процессе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 01–02 декабря 2021 года. М.: Ин-т проблем развития науки Российской академии наук, 2021. С. 135–138.

²¹ Кант И. Трактаты и письма / Иммануил Кант; [вступ. ст. А. В. Гульги]. М.: Наука, 1980. 709 с.

Обратимся к словам русского философа С. И. Гессена, важным в контексте понимания гуманистического содержания образования: «Личность обретается только через работу над сверхличными задачами. Она создается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства, и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры»²². Требуемое в качестве необходимого акцента в современном образовании развитие индивидуальности происходит только в связи с обращенностью к общему: «...незаменимость достигается лишь через обретение своего места в совокупном действии, направленном на разрешение сверхиндивидуальной задачи. Я тем индивидуальнее, чем больше приблизил я своим действием совокупность действующих разрешению общей им всем задачи и тем самым сделал себя незаменимее»²³. Схожие идеи о том, что образование — дело, направленное прежде всего на актуальные проблемы социальной ситуации, вложены в работы одного из основателей философии образования, американского философа Дж. Дьюи, а также в работы по критической педагогике И. Иллича и П. Фрейре²⁴.

Обобщая наследие классиков теории и философии образования, можно сделать вывод, что одной из важнейших задач образования является формирование самодостаточной личности, реализующей себя в социуме. В реализации этой задачи и будет состоять образовательное совершенствование личности. В более широкой рамке в качестве задачи образования можно обозначить создание социальных групп и сообществ, которые будут способствовать сохранению единства общества: семей, профессиональных групп, проектных объединений, государства. Успешным выпускником школы и университета будем считать не просто максимально развившего свой интеллект (да и как возможен будет критерий, определяющий вершину интеллектуального развития?), накопившего как можно больше знаний, а того выпускника, который нашел свое дело в жизни, умеет соотносить личные цели с актуальной общественной повесткой и может использовать имеющиеся социальные ресурсы для достижения личных целей. Все эти характеристики недостижимы без наличия социальной ориентации в процессе обучения и без соотнесения желаемых результатов образования с тем, что происходит в мире.

Также отметим, что совершенствование личности в процессе образования и улучшение человека с помощью биотехнологий различаются по характеру взаимодействия субъектов, вовлеченных в процесс коммуникации. Как уже было отмечено в примере коммуникативных ситуаций Й. Дрерапа, учитель

²² Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 73.

²³ Там же. С. 75.

²⁴ Дьюи Д. Опыт и образование // Дьюи Д. Демократия и образование. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/document/d/1JN0MWBwC2pJy2rDjJd4e1q4sykBVZgALPuZWLNJyu8/edit>; Иллич И. Освобождение общества от школ. Пропорциональность и современный мир. Гл. 6–7. М.: Просвещение, 2006. 149 с.; Фрейре П. Педагогика угнетенных. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018. 288 с.

или родитель в контексте биотехнологического улучшения становится субъектом, контролирующим медиализированные практики. Совершенствование возможно только во взаимодействии личностей — общении ученика и наставника. Инструментальность биотехнологического воздействия проявляется в виде деантрополоизации жизни человека. Чтобы улучшить свои способности, человек может вступить в индивидуализированное взаимодействие с гаджетом. Включение другого человека возможно в роли субъекта, который обслуживает технологию или консультирует о том, как правильно использовать технологию.

В заданном нами контексте противопоставления индивидуализма улучшения и социальности совершенствования обратимся к концепции коммунитаризма, на основе которой Г. Б. Юдин предлагает рассмотреть современные биотехнологии. Согласно данной концепции, в основании которой прослеживается кантианская этика, технологии непременно должны оцениваться через свою включенность в социальную реальность: «Биотехнологическая новация никогда не является делом только того индивида, который решает опробовать ее на себе: она всегда имеет последствия для социальных отношений и должна оцениваться на предмет моральных изменений, которые она влечет за собой»²⁵. Оценка технологии с позиций коммунитаризма предполагает анализ цели деятельности, в которой используется технология; оценку того, каковы последствия применения технологии для солидарности сообщества; определение субъекта, который имеет моральное право принимать решение о допустимости применения технологии в каждой конкретной ситуации. Представляется, что подобный подход перспективен для исследования того, какое воздействие оказывают улучшающие нейротехнологии при применении их в процессе образования.

Кроме того, представляется, что критериями, которые определяют этический идеал результатов образования в мире, где доступны различные биотехнологии, станут, во-первых, способность человека к рефлексии ответственности за пределами собственного улучшения и, во-вторых, способность человека оценить, насколько возможности биотехнологического улучшения соответствуют целям совершенствования личности.

Заключение

Тезис о том, что цели совершенствования человека в образовании и улучшения природы человека можно достичь с помощью биотехнологий, является ошибочным. Следует это из того, что улучшение и совершенствование принципиально различны по своим сущным характеристикам и ценностным

²⁵ Юдин Г. Б. Коммунитаристский критерий для биоэтики // Этическая мысль. 2019. № 1. С. 36–48.

основаниям. Следовательно, данный аргумент не может применяться для подтверждения этической допустимости широкого применения технологий улучшения в общественной жизни, и в том числе в процессе образования. Обсуждение характера влияния биотехнологий в связи с соотнесением с образованием является актуальной задачей, поскольку биотехнологии предлагается применять в том числе для решения образовательных задач.

В статье показаны различия образовательного подхода и биотехнологического подхода в аспекте антропологических представлений и в социальном аспекте. Совершенствование предполагает личностный подход к человеку. Его морально-этический характер основывается на представлении самооценности человеческого существа. Биотехнологическое улучшение предполагает экономический подход к человеку. В нем отдельные конкурентные свойства личности предлагается усилить инструментальным путем. Возможность быстрого направленного инструментального, внешнего воздействия для решения определенных проблем подрывает ценности усилия, внутреннего напряжения личности и самостоятельного переживания опыта.

Совершенствование человека в процессе образования непременно предполагает гораздо более широкий спектр трансформации личности, нежели чем усиление отдельных когнитивных функций человека. Важное для образовательного совершенствования развитие воли и автономии человека игнорируется в контексте улучшения технологического. В контексте применения биотехнологий становится актуальным вопрос о сохранении свободы человека.

Различия улучшения и совершенствования также проявляются в аспекте соотнесенности развития человека с жизнью социума. Показано, что для контекста совершенствования важна обращенность к социальным задачам: личность формируется относительно окружающего ее сообщества. В этом также проявляется морально-этический характер совершенствования человека в образовании. Улучшение человека с помощью внешних биотехнологий может быть осмыслено как проявление предельной индивидуалистичности, атомизированности и конкурентности современного общества. Как одно из возможных следствий биотехнологического улучшения выявляется деантропологизация жизни человека. Для подробного анализа биотехнологий необходимо рассматривать их включенность в социальный контекст.

Список источников

1. Брызгалина Е. В. Технонаука и перспективы улучшения человека: «я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» [Электронный ресурс] // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2016. № 2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnouka-i-perspektivy-uluchsheniya-cheloveka-ya-uzhe-vizhu-nash-mir-kotoryu-pokryt-pautinoy-laboratoriy>

2. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

3. Гребенщикова Е. Г., Тищенко П. Д. Социально-этические проблемы биотехнологического улучшения человека // *Человек*. 2019. № 1. С. 180–183.

4. Гумарова А. Н., Брызгалина Е. В. Нейроэтика: дискуссии о предмете // Эпистемология & философия науки = Epistemology & Philosophy of science. 2022. Т. 59. № 1. С. 136–153. DOI: 10.5840/eps202259111
5. Дьюи Дж. Демократия и образование: пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000. 382 с.
6. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владим. братства, 1993. 222 с.
7. Иллич И. Освобождение общества от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. 160 с.
8. Кант, И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 709 с.
9. Захарова О. А., Садовая И. И., Романов В. В., Фатьянов С. О. Конкуренция в образовании — основа прогресса // Наука в инновационном процессе: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 01–02 декабря 2021 года. М.: Ин-т проблем развития науки Российской академии наук, 2021. С. 135–138.
10. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография. М.: Канон+, 2021. 336 с.
11. Сандакова Л. Б. О специфике правовых и этических вопросов внедрения нейротехнологий в образование детей // Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докладам 14 Всероссийских Копыловских чтений. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. С. 290–301. ISBN 978-5-7782-4268-5.
12. Фрейре П. Педагогика угнетенных. М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2018. 288 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
14. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. 144 с.
15. Юдин Б. Г. Человек: выход за пределы / под ред. Г. Б. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с. ISBN 978-5-89826-517-5.
16. Юдин Б. Г. Человек как объект, потребитель и мишень технонауки [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 5. С. 5–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-obekt-potrebitel-i-mishen-tehnonauki>
17. Юдин Г. Б. Коммунитаристский критерий для биоэтики // Этическая мысль. 2019. № 1. С. 36–48. DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-1-36-48
18. Buchanan A. Better than human. The promise and perils of enhancing ourselves. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 146.
19. Buchanan A. Cognitive enhancement and education // Theory and Research in Education. 2011. № 9 (2). P. 145–162. DOI: <https://doi.org/10.1177/1477878511409623>
20. De Jongh R., Bolt I., Schermer M., Olivier B. Botox for the brain: enhancement of cognition, mood and pro-social behavior and blunting of unwanted memories // Neurosci Biobehav Review. 2008. Vol. 32. P. 760–776. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2007.12.001
21. Drerup J. Education and the Ethics of Neuro-enhancement / S. K. Nagel (ed.) // Shaping Children: Advances in Neuroethics. Switzerland: Springer Nature AG, 2019. P. 125–142.
22. Gillies V., Edwards R., Horsley N. Brave new brains: sociology, family and the politics of knowledge // Sociological Review. 2016. № 64 (2). P. 219–237.
23. Henry G., Sahakian B., Harris J., Kessler R. C., Gazzaniga M., Campbell Ph., Farah M. J. Towards Responsible Use of Cognitive-Enhancing Drugs by the Healthy // Nature. 2008. № 456. P. 702–705. DOI: 10.1038/456702a

24. Sandel M. The case against perfection. Ethics in the age of genetic engineering. Cambridge, MA: Belknap press, 2007. 162 p.

25. Wurzman R., Hamilton R. H., Pascual-Leone A., Fox, M. D. An open letter concerning do-it-yourself users of transcranial direct current stimulation [Электронный ресурс] // Annals of Neurology. 2016. № 80. P. 1–4. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27216434>

References

1. Bryzgalina, E. V. (2016). Tekhnonauka i perspektivy uluchsheniya cheloveka: «ya uzhe vizhu nash mir, kotoryi pokryt pautinoi laboratorii» [Echnoscience and prospects for improving human: «I can see our world which is covered by a net of laboratories»]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2 (48). (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnonauka-i-perspektivy-uluchsheniya-cheloveka-ya-uzhe-vizhu-nash-mir-kotoryy-pokryt-pautinoy-laboratoriy>

2. Gessen, S. I. (1995). *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]*. Moscow: Shkola-Press. 448 p. (In Russian).

3. Grebenshchikova, E. G., & Tishchenko, P. D. (2019). Sotsial'no-eticheskie problemy biotekhnologicheskogo uluchsheniya cheloveka [Socio-ethical problems of biotechnological human improvement]. *Chelovek*, 1, 180–183. (In Russian).

4. Bryzgalina, E. V., & Gumarova, A. N. (2022). A. N. Neuroetika: diskussii o predmete [Neuroethics: discussions about the subject]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, 1, 136–153. (In Russian).

5. Dewey, J. (2000). *Demokratiya i obrazovanie [Democracy and Education]*. Translated from English. Moscow: Pedagogika-Press. 382 p. (In Russian).

6. Zen'kovskii, V. V. (1993). *Problemy vospitaniya v svete khristianskoi antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]*. Moscow: Izdatelstvo Svatovladimirskogo bratstva. 122 p. (In Russian).

7. Illich, I. (2006). *Osvobozhdenie obshchestva ot shkol. Proportional'nost' i sovremnyi mir [The liberation of society from schools. Proportionality and the modern world.]*. Moscow: Prosveshenie. 149 p. (In Russian).

8. Kant, I. (1980). *Traktaty i pis'ma [Treatises and letters]*. Moscow: Nauka. 709 p. (In Russian).

9. Zakharova, O. A., Sadovaya, I. I., Romanov, V. V., Fat'yanov, S. O. (2021). *Konkurentsya v obrazovanii — osnova progressa [Competition in education is the basis of progress]*. In: Science in the innovation process: Proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, 01–02 December 2021. Moscow: Institute for the Development of Science of the Russian Academy of Sciences. P. 135–138. (In Russian).

10. Popova, O. V. (2021). *Telo kak territoriya tekhnologii: ot sotsialnoy inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya [The body as a territory of technology: from social engineering to the ethics of biotechnological design]*. Monograph. Moscow: Kanon+. 336 p. (In Russian).

11. Sandakova, L. B. (2020). O spetsifike pravovykh i eticheskikh voprosov vnedreniya neirotekhnologii v obrazovanie detei [On the specifics of legal and ethical issues of introducing neurotechnologies into the education of children]. In: *Social ontology of Russia. Coll. scientific Art. according to the reports of 14 All-Russian Kopylov readings*. Novosibirsk: Publishing house of NSTU. P. 290–301. (In Russian).

12. Freire, P. (2018). *Pedagogika ugnetyennykh. [Pedagogy of the oppressed]*. Moscow. (In Russian).

13. Foucault, M. (1999). *Nadzirat`i nakazyvat`. Rozhdenie tyur`my [Supervise and punish. The birth of the prison]*. Moscow: Ad Marginem. 478 p. (In Russian).
14. Habermas, Y. (2002). *Budushchee chelovecheskoi prirody. Na puti k liberal`noi evgenike? [The future of human nature. Towards liberal eugenics?]*. Moscow: Ves` mir. 144 p. (In Russian).
15. Yudin, B. G. (2018). *Chelovek: vykhod za predely [Human: Beyond the borders]*. Ed. by G. B. Yudin. Moscow: ProgressTraditsiya. 472 p. ISBN: 978-5-89826-517-5. (In Russian).
16. Yudin, B. G. (2016). Chelovek kak ob`ekt, potrebitel` i mishen` tekhnologii [Man as an object, consumer and target of technoscience]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 5, 5–22. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-obekt-potrebitel-i-mishen-tehnologii>
17. Yudin, G. B. (2019). Kommunitaristskii kriterii dlya bioetiki [Communitarian criterion for bioethics]. *Eticheskaya mysl`*, 1, 35–48. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-1-36-48>
18. Buchanan, A. (2011). *Better than human. The promise and perils of enhancing ourselves*. Oxford University Press, Oxford. P. 146.
19. Buchanan, A. (2011). Cognitive enhancement and education. *Theory and Research in Education*, 9 (2), 145–162. <https://doi.org/10.1177/1477878511409623>
20. De Jongh, R., Bolt, I., Schermer, M., & Olivier, B. (2008). Botox for the brain: enhancement of cognition, mood and pro-social behavior and blunting of unwanted memories. *Neurosci Biobehav Rev*, 32, 760–776. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2007.12.001>
21. Drerup, J. (2019). Education and the Ethics of Neuro-enhancement (S. K. Nagel (Ed.)). *Shaping Children: Advances in Neuroethics*. Switzerland: Springer Nature AG. P. 125–142.
22. Gillies, V., Edwards, R., & Horsley, N. (2016). Brave new brains: sociology, family and the politics of knowledge. *Sociological Review*, 64 (2), 219–237.
23. Henry, G., Sahakian, B., Harris, J., Kessler, R. C., Gazzaniga, M., Campbell, Ph., & Farah, M. J. (2008). Towards Responsible Use of Cognitive-Enhancing Drugs by the Healthy. *Nature*, 456, 702–705. <https://doi.org/10.1038/456702a>
24. Sandel, M. (2007). *The case against perfection. Ethics in the age of genetic engineering*. Cambridge, MA: Belknap press, 162 p.
25. Wurzman, R., Hamilton, R. H., Pascual-Leone, A., & Fox, M. D. (2016). An open letter concerning do-it-yourself users of transcranial direct current stimulation. *Annals of Neurology*, 80, 1–4. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27216434>

Информация об авторе / Information about the author:

Гумарова Анастасия Николаевна — аспирант кафедры философии образования философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Gumarova Anastasiya Nikolaevna — PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

anastasiya-gumarova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7016-0507>

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.8

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ СОСТОЯЛСЯ ФОРУМ «НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Преображая себя, мы преобразуем общество и мир.

Девиз форума

Для цитирования: Бирич И. А. В Санкт-Петербурге состоялся форум «Народное образование» // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 93–97. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.8

For citation: Birich I. A. The Forum “Narodnoe obrazovanie” was Held in St. Petersburg. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 93–97. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.8>

Политика встраивания России в западный мир — через культуру, науку и торговые отношения — породила атмосферу отторжения отечественных нравственных основ жизни и привела к формированию космополитов, людей «гдохорошотамиродина», массовый исход которых из страны мы наблюдали совсем недавно. Совершенно очевидно, что такой «исход» вызван не столько геополитическими факторами, сколько отражает черты определенной государственной политики в области образования и отсутствия заботы о патриотическом воспитании, не проводимой в течение последних тридцати лет, а также острое противоречие между высокими темпами появления новых технологий, их внедрения в повседневную жизнь человека и культурно-нравственной системой регуляции его поведения. Это вызвало к жизни необходимость появления Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «О сохранении и укреплении традиционных российских ценностей». Данный указ оказался пусковым моментом для активизации педагогической общественности, внутри которой уже более 10 лет зреют протестные настроения. А теперь наступило время «Ч» для современных педагогов.

В апреле 2023 г. в Санкт-Петербурге, в Таврическом дворце очень торжественно, под звуки гимна был открыт Всероссийский духовно-мировоззренческий форум «Народное образование». Его инициаторами и организаторами стали: Правительство Санкт-Петербурга, Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ, известный в Питере Фонд поддержки и развития исторического наследия известного представителя русской юридической школы А. Ф. Кони, молодой Фонд возрождения и развития образования «Мосты в будущее» (под руководством С. Ю. Мороза, Краснодарский край), Международный институт профессионального развития педагога (Москва), старейший в стране журнал «Народное образование» и др.

Как заявили организаторы, **цель** форума — сформировать общественную инициативу для сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, согласно указам президента и духу нового времени. Основная **задача** форума: систематизация общественных и экспертных инициатив, лучших педагогических идей, психологических воспитательных методик в единую образовательную модель развития человека для формирования гармоничного общества и будущего страны. **Миссия** форума — содействовать воспитанию в будущих поколениях духовного мировоззрения и нравственных ценностей через синтез лучших образовательных практик и технологий (<https://www.narodobr.ru/events/>).

К участию в форуме были приглашены: представители образовательного сообщества и эксперты в области просвещения; научные деятели и разработчики инновационных образовательных методик, технологий; директора и педагоги-методисты школ, колледжей, вузов; лидеры общественных движений, родительских сообществ, ассоциаций; бизнесмены и представители госструктур; СМИ. Вел пленарные заседания все три дня Иван Кульнев — представитель общественного совета фракции Государственной Думы, партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду».

Как теперь уже написано на сайте форума: «Форум успешно состоялся!». Зарегистрированных участников 2534 человека. Выступило докладчиков на пленарных заседаниях и круглых столах 192 человека. Принято 16 резолюций по 16 круглым столам. Всего на сайт форума поступило 1425 предложений, в том числе от граждан многонациональной России. Оргкомитет продолжает работать, анализирует резолюции и предложения для запуска реформы системы образования. Общественные инициативы отправлены на рассмотрение профильных комитетов Государственной думы РФ.

Перед нами программа форума «Народное образование». Уровень выступающих очень высокий и очень разнообразный: от известного представителя Комитета ГД по науке и образованию О. Н. Смолина, ректора Медицинской академии им. И. И. Мечникова, академика РАН А. В. Шаброва, генерального директора Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса, академика РАЕН Б. Б. Леонтьева до священнослужителя РПЦ отца Николая (Скаункова), академика Международной академии

инновационных социальных технологий, директора Свято-Алексиевской гимназии А. В. Курбатова, народной артистки РФ, певицы Л. Ю. Казарновской и др. Почетного президента Международного центра гуманной педагогики, академика РАО Ш. А. Амонашвили зал встретил стоя и долгими аплодисментами. Надо признаться, что при всей своей разности все участники были единодушны в постановке плачевного диагноза современного состояния российского образования и в поддержке практического исполнения Указа Президента РФ № 809 об укреплении в обществе традиционных российских ценностей.

Общее мнение распалось, когда стали предлагать пути **практической** реализации указа на 16 круглых столах, на которые рассыпалась дружная аудитория Большого зала заседаний Таврического дворца. По прошествии времени стало понятно, что дискуссионными и актуальными были и есть следующие проблемы.

1. Какой социальный заказ должно выполнять современное образование, а именно **народное** образование? То есть речь идет о цели образования, или об идеальном образе ученика, который мы ожидаем получить через 11 лет его пребывания в школе. Уже не потребителя! А кого? Ответ может быть получен только в контексте определения, наконец, государственной идеологии, которая пока не присутствует в Конституции РФ. Вернее, присутствует в форме ее отсутствия. О необходимости выработки новой идеологии для России XXI века говорили и на пленарных встречах, и на секциях форума, потому что таковая должна служить ориентиром для воспитательной работы педагога-наставника.

2. Допустим, стремимся воспитать нравственную, умную и творческую личность. Откуда будем черпать мотивацию нравственности при господстве гаджетов, отсутствии воли к самостоятельному мышлению? Теория не разработана. Правда, директор Института нравственной культуры А. М. Сафиоллин (г. Сургут, Югра), автор концепции образования будущего, при рассказе о ней уповает исключительно в делах воспитания на интеллектуальное включение учеников: надо рассказать им, как надо и как не надо себя вести, ориентируясь на формулу «Не навреди — себе, соседу, среде», а потом тестировать и ранжировать степень нравственности. Так рождается, с его точки зрения, приоритет духовного над материальным. На форуме возникла идея о новой этике в ее светском выражении, отраженная в одной из резолюций.

А ведь нравственность без внутренней свободы осуществиться не может. Об этом очень убедительно писали наши русские философы, которые не обошли проблему взаимозависимости свободы и нравственности, оправдания добра в деятельности человека, творческой в том числе. Формирование нравственности — работа не столько умственная, сколько духовная.

3. Это нелегко принять, если ты не поменяешь взгляд на человека. Как ты можешь его воспитывать, если ты не понимаешь источник его активности? Речь идет о смене мировоззренческих основ педагогического суверенитета (об этом говорил профессор СПбГУ В. А. Ефимов). На эту тему состоялись

острые дебаты на круглом столе, посвященном как раз школьному образованию, потому что больше всего новаторства было представлено именно на нем. Известно, современная школа выхолащивает человека — и ребенка, и учителя (недаром академик РАО О. Н. Смолин свой доклад посвятил образованию души, нравственно-психологическим отношениям в учебном заведении). Поэтому талантливые учителя, новаторы делают все, чтобы гуманизировать пребывание свое и детей в средней школе. И часто это идет мимо ФГОСов, мимо контроля начальства. Бюрократы этого не приемлют, предпочитают работу по шаблону. На данном круглом столе была предложена новая антропологическая парадигма образования, в центре которой находится целостная личность ребенка, восходящая по ступеням духовного взросления, в качестве критерия оценки качества образования. Надо сказать, что дискуссия была жаркая.

4. Обсуждался также вопрос, о каких традиционных ценностях в указе идет речь: о советских или о ценностях русской цивилизации? То есть о национальной идентичности населения России, без которой не может быть патриотизма. Решительно о нравственности как основе суверенитета и национальной безопасности России выступила президент Фонда поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони, советник юстиции Л. В. Кулешова (Санкт-Петербург). А член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства В. Ю. Катасонов (Москва) посмотрел на эту проблему с другой стороны, посчитав, что в основу экономического образования в России должны лечь как раз традиционные духовно-нравственные ценности. В современном мире проблема национальной идентичности становится все более актуальной для изучения и обсуждения.

5. Стимулирование национальной идентичности во многом связано с преподаванием и статусом русского языка в современной России. На форуме русскому языку как международному языку духовности и нравственности были посвящены пленарная сессия (ведущая — кандидат филологических наук из Москвы Е. И. Шуванникова) и отдельный круглый стол. Язык служит инструментом общения между людьми и является основой культуры, так как на нем написаны государственные документы, научная литература, учебники истории, общей для всех народов России. Человек, говорящий на определенном языке, имеет связь с культурой и историей народа, который этот язык употребляет. Язык отражает ценности и менталитет народа, его традиции и обычаи. Речь шла о сбережении русского языка.

6. Заговорив о традиционных ценностях, нельзя не коснуться традиционных конфессий, существующих в РФ. Форум открылся на следующий день после празднования православной Пасхи. И одним из первых приветствовал его участников представитель РПЦ о. Николай (Скаунков). Религия всегда имела большое значение для формирования коллективной русской идентичности до XX в. За это время в России окрепли другие конфессии: и мусульман, и иудеев не меньше христиан, чуть реже встречаются буддисты — все религии в 90-е гг. XX в. были в атеистической стране легализованы. Атеистов

тоже много осталось. Сегодня мы наблюдаем очень хорошую тенденцию: религиозные институты не только учатся договариваться, но и поддерживать друг друга. Многие из богословов утверждают, что именно нравственные постулаты являются подобными во всех религиях. Свою интересную версию предложили педагог из г. Астана Г. А. Омарова и доктор исторических наук из г. Баку Ф. Т. оглы Мамедов. В своих докладах они говорили о цивилизационном кризисе культур, о необходимости смены технологической цивилизации новой гуманистической посредством нравственно-духовного образования на основе вечных ценностей.

7. Большое внимание на форуме было уделено проблеме здоровья подрастающего поколения и взрослых как на пленарных заседаниях, так и на нескольких круглых столах. Были определены понятия здоровья, здорового образа жизни, духовного здоровья, показана их глубинная связь с использованием высоких смыслов русского языка. Об этом говорила профессиональный врач, доктор педагогических наук, основатель Академии здоровья О. А. Бутакова (Нижний Новгород). А в Питере уже более 30 лет существует научная школа этической педагогики, ее лидер, доктор философии А. С. Валяевский разрабатывает этическую основу русского языка и здоровья, находя в этом крепкую взаимосвязь. В частности, он создал книгу «Азбука для стандартных и нестандартных детей, родителей и учителей» в 3 частях, где погружает читающих в самые главные звуки, слова и фразы нравственного словаря русского тезауруса.

8. И наконец, актуальная проблема подготовки педагогических кадров в свете Указа Президента № 809. Ей был посвящен специальный круглый стол, на котором присутствовало около 80 человек. Ведущий — доктор педагогических наук, директор Международного института профессионального развития педагога О. М. Коломиец (Москва). Работа шла в основном вокруг двух кардинальных тем: «Новая мировоззренческая парадигма ценностно-смыслового образования, с духовно-нравственным образом Человека в ее центре» и «Модернизация системы педагогического образования». Была проявлена высокая заинтересованность участников заседания в обсуждении данных тем. Было подано множество записок с предложениями, которые удалось сконцентрировать в резолюции круглого стола. В конце его работы было предложено создать Народный экспертный научно-методический совет по совершенствованию российского образования. Был создан сайт для связи его участников (<https://родно.рф/опросы/>).

Подытоживая данный материал, можно сказать о глубоком оптимизме педагогической общественности России, связанном с возможной перестройкой работы российского образования. Она готова включиться в эту работу.

Бирич Инна Алексеевна

Аналитическая статья

УДК 172.4: 341

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.9

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МИР ВЕЩЕЙ: ОПЫТ ВОЛОНТЕРСКОГО ПРОЕКТА

Сухов А. А.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

suhovandrei@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3722-0050>

Аннотация. В статье рассматривается мир людей и мир вещей, их соотношение, взаимодействие и взаимосвязь. Дан ретроспективный обзор мира вещей с Античности до XX века. Определена сущностная характеристика социального взаимодействия и ее роль в современном мире. В качестве примера приводится деятельность социального экологического проекта. Описывается его структура, связи, формы взаимодействия. Обосновывается значимость проекта для существования и развития общества. Предлагаются принципы разумного потребления и ответственного отношения к социуму и природе. Приводится взаимосвязь отношения человека к материальным вещам и способу его жизнедеятельности в социальной среде. Подчеркивается важность активной творческой деятельности человека. Доказывается ценность труда. Отчужденный труд описывается с позиции потребителя. Дается определение терминам «безразличное потребление» и «одноразовое общество».

Ключевые слова: общество потребления, вещи, производство, потребительское свойство продукта, экология, экосистема, ресурсы, потребности

Для цитирования: Сухов А. А. Социальное взаимодействие и мир вещей: опыт волонтерского проекта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 98–109. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.9

Analytical article

UDC 172.4: 341

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.9

**SOCIAL INTERACTION AND THE WORLD OF THINGS:
VOLUNTEER PROJECT EXPERIENCE****Andrey A. Sukhov,**

Moscow City University,

Moscow, Russia,

suhovandrei@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3722-0050>

Abstract. The article deals with the world of people and the world of things, their correlation, interaction and interconnection. A retrospective review of the world of things from Antiquity to the 20th century is given. The essential characteristic of social interaction and its role in the modern world are determined. As an example, the activity of a social environmental project is given. Its structure, connections, forms of interaction are described. The significance of the project for the existence and development of society is substantiated. The principles of reasonable consumption and responsible attitude to society and nature are proposed. The relationship between a person's attitude to material things and the way of his life in the society is given. The importance of active creative activity of a person is emphasized. The value of labor is proved. Alienated labor is described from the perspective of the consumer. The definition of the terms "indifferent consumption" and "disposable society" is given.

Keywords: consumer society, things, production, consumer property of the product, ecology, ecosystem, resources, needs

For citation: Sukhov, A. A. Social interaction and the world of things: the experience of a volunteer project. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 98–109. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.9>

Введение

Общественное устройство жизни во все времена было предметом научных дискуссий. В этой связи взаимодействие «человек – человек», «человек – природа», «человек – общество», отношение человека к вещам всегда являются актуальными для исследователей социальных процессов. Мир вещей и мир людей тесно переплетены различного рода связями (экономическими, юридическими, социальными). Производство, обмен, потребление вещей, потребности индивида и социума, коммуникация — все они представляют собой достаточно широкую и распределенную систему взаимоотношений, характеризующихся качественным изменением состояния. «Мы имеем дело с той же самой вещью, испытывающей, однако, качественные изменения, не затрагивающие, однако, ту инвариантную часть качественной определенности (или инвариантную часть совокупности свойств),

которая делает эту вещь данной вещью» [Панцхава, 1971, с. 80]. Балансирование в этой системе отношений чрезвычайно важно, как для формирования здорового социума (физически и ментально), так и устойчивого развития планеты в целом.

Методология

Междисциплинарный подход позволяет проанализировать феномен потребления в социально-экономическом, философском и историческом контекстах. Эмпирическая база исследования взята из действующего социально-экологического проекта. Исторический анализ, системный подход и метод сравнения позволяют увидеть грани отношения мира вещей и мира людей, гармонизировать эти отношения и выстроить эффективную мировоззренческую концепцию жизнеустройства.

Результаты исследования

Система отношений человека и вещей имеет многовековую историю. Вещь — одна из основных онтологических категорий в философии, объект материального мира. Способ взаимодействия человека и мира вещей закладывает основу в формировании образа жизни, понимании места и роли человека, природы и общества. Взаимодействие как философская категория есть сущностная связь всего живого. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «взаимодействие» трактуется как «взаимная связь явлений» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 79] (взаимный — общий для обеих сторон [Ожегов, Шведова, 2006, с. 79], связь — это отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-нибудь) [Ожегов, Шведова, 2006, с. 705].

В других источниках сущностное определение слова «взаимодействие» звучит как: «понятие для обозначения воздействия вещей друг на друга, для отображения взаимосвязей между различными объектами, для характеристики форм человеческого события, человеческой деятельности и познания»¹, «всеобщая диалектическая форма связи тел и явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении»², «всеобщая форма связи предметов, явлений объективной действительности» [Кондаков, 1975, с. 87].

Важнейшей составляющей жизни человека в обществе является метод (путь) познания окружающего мира. И в этом смысле взаимодействие может

¹ Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.

² Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960. Т. 1. 504 с.

выступать методологическим принципом познания природных и общественных явлений. Возможность познания материального единства мира посредством взаимодействия позволяет сделать вывод, что оно носит объективный и универсальный характер.

Еще в Античности постулировалось существование мира вещей и мира идей. Мир вещей познаваем через органы чувств (сенсуализм), мир идей — через душу. Сущность вещи есть идея вещи (стол – столность). У Платона вещи — слабое подобие идей, их тень, так как материя искажает идею (аллегория пещеры с узниками). Душа как проводник между миром идей и миром вещей способна за неподлинным увидеть подлинное, за нереальным — действительное, за материальным — идеальное (познание истинной идеи). Душа бессмертна и существует до и после человека.

В XVIII веке систему отношений «человек – вещь» Кант вводит активного деятеля — познающего субъекта. Так, идентификация вещи – в – себе (ноумена) происходит через познавательную способность человека, которому вещь является (феномен). Предмет является человеку и воздействует на его органы чувств. Мышление помещает этот предмет в пространство и время и воспринимает его внутреннюю форму, — то есть сущность (априорное знание). Затем рассудок внутри себя сопоставляет ее с теми понятиями, которые у него есть, находит сходство/различие и выносит суждение (апостериорное знание). Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из их взаимодействия возникает знание.

В XX веке активно исследовались не столько сами вещи, сколько контекст, в который они помещены. Социальный контекст вещи превращает ее в объект желания (Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр, С. Жижек). Желать то, что желают другие, «вожделеть не вещь, но опосредованность вещи чужим желанием» [Корнев, 2011, с. 19] — так, потребление вещей начинает рассматриваться не только как индивидуальный, но как социальный процесс. Функциональные вещи, по Бодрийяру, следуют моде и стремятся быть проданными (продвижение).

В товарном фетишизме Маркса наблюдается «мистическое» отношение к продукту — потребляется не вещь, а то, что обычно называется престижем, брендом, маркой (то, что оценивают на глаз) — символический признак. Бодрийяр называет это символическими отношениями (вещь есть еще и символ). Суть происходящего в обществе потребления сводится к деятельности по символическому потреблению знаков. Если человек «ест, пьет, где-то живет, воспроизводит самого себя, то лишь потому, что система нуждается в том, чтобы он воспроизводил себя, дабы самой быть воспроизведенной: она нуждается в людях. Если бы она могла функционировать при помощи рабов, не было бы никаких “свободных” рабочих. Если бы она могла функционировать посредством механических, лишенных пола рабов, не было бы полового воспроизводства. Если бы система могла функционировать, не кормя людей, не было бы даже хлеба для них. Вот в каком смысле мы все в рамках этой системы оказываемся выживающими. Ведь и инстинкт самосохранения не является

фундаментальным: он оказывается лишь терпимостью и социальным императивом — когда система того требует, она заставляет людей аннулировать этот “инстинкт” и с восторгом идти на смерть» [Бодрийяр, 2022, с. 100].

Так, субъекты в обществе потребления персонализируются в почти карикатурные персонажи: «Регистраторша, социальный работник, специалист по связям с общественностью, рекламная красотка — все эти чиновные апостолы выполняют в наших обществах миссию вознаграждения, смазывания общественных отношений институциональной улыбкой. Повсюду видно рекламу, подражающую способам близкого, интимного, личного отношения. Она пытается говорить с хозяйкой ее языком, как бы находясь перед нею; она пытается говорить с работниками или с секретарем как патрон или коллега; она пытается говорить с каждым из нас как друг, или сверх-Я, или как внутренний голос, доверительно» [Бодрийяр, 2020, с. 252]. Но вряд ли эта персонализация естественна и истинна. Обычно она наиграна и просчитана. Она условна. Она симулякр симулякра.

Здесь социальное следует понимать как всю совокупность свойств человека, которые он приобретает в процессе контакта с социумом, то есть с другими людьми, что в дальнейшем способствует его социализации и формирует способ его жизнедеятельности. Практически любое действие субъекта оценивается обществом как допустимое или недопустимое, желательное или нежелательное.

Таким образом, социальное взаимодействие есть любое значимое для общества и его членов поведение индивидов, различающихся по виду выполняемой деятельности, функциям и социальным статусам [Осипов, 2010, с. 273].

Обязательное условие для социального взаимодействия — обратная связь, говоря иначе, это обмен действиями [Волков, Нечипуренко, Самыгин, 1999, с. 189], которые сопряжены друг с другом. Именно сопряженность действий, их повторяемость, регулярность [Волков, Нечипуренко, Самыгин, 1999, с. 279] отличают социальное взаимодействие от единичных социальных контактов, делают его основой социальной жизни.

Человек социально взаимодействующий — это прежде всего человек осознающий. Он как субъект находится в состоянии переживания тех или иных событий внешнего мира и ответной реакции на них. Социальное взаимодействие имеет объективную сторону, выражающуюся в том, что рамки взаимодействия определены вне зависимости от воли участников взаимодействия, но сущность взаимодействия всегда межсубъектна.

В рамках социальных взаимодействий образуются социальные отношения, которые являются необходимой предпосылкой и устойчивым элементом образования различных социальных групп и общностей. Социальные отношения выступают как система, предполагающая определенные взаимные обязательства партнеров.

Социальные взаимодействия и отношения формируются и развиваются как в сфере государства, политики, так и в сфере гражданского общества.

Одним из примеров таких отношений является экологический волонтерский проект по раздельному сбору твердых бытовых отходов «5ПРАВИЛ». Он образовался в 2020 году по инициативе жителей г. о. Химки (Московская область) и объединяет активных людей, равнодушных к проблемам современного общества.

Проект реализуется силами волонтеров в несколько этапов:

1. Раздельный сбор твердых бытовых отходов от населения на безвозмездной основе.
2. Сортировка по фракциям и складирование.
3. Транспортировка переработчику.

Организационная структура проекта предполагает простое функциональное распределение обязанностей. Ярко выраженных уровней иерархии и подчинения нет. Управление осуществляет оргкомитет, выбранный в результате голосования (простое большинство голосов). Деятельность проекта направлена на сохранение экосистемы планеты и снижение нагрузки на окружающую среду в связи с широким распространением перепотребления.

«5ПРАВИЛ» — это сотрудничество единомышленников, где общая цель является драйвером совместной деятельности. Участники постоянной коммуникации, которая в конечном счете меняет не только качественные характеристики членов команды, но и общества в целом.

Команда проекта исходит из следующих тезисов ответственного (осознанного) потребления:

1. Refuse — откажись: не используй одноразовые предметы.
2. Reduce — сокращай: потребляй разумно и не делай импульсивных покупок, минимизируй количество отходов.
3. Reuse — используй повторно: подари новую жизнь старым вещам.
4. Recycle — сдай в переработку: используй упаковку как сырье, не покупай товары в упаковке, которую нельзя переработать.
5. Rot — компостируй: превращай органические отходы в компост.

Команда волонтеров организует и проводит акции по сбору перерабатываемых бытовых отходов от населения, организует обмен предметами быта для повторного использования, принимает вещи на благотворительность (в том числе для приютов бездомных животных). Так, продукт максимально долго потребляется (живет, используется), а затем снова попадает в процесс производства в качестве сырья для новой вещи (циклическая экономика). При должной поддержке со стороны общества и государства такой подход позволяет сохранить ресурсы планеты, за счет сокращения их добычи, и позволяет существенно снизить вредные последствия от неправильного обращения с бытовыми отходами (захоронение и сжигание). «5ПРАВИЛ» — некоммерческая организация, являющаяся связующим звеном между населением и предприятиями по переработке вторичного сырья.

Волонтеры проекта ведут просветительскую деятельность на тему осознанного потребления, бережного отношения к природе и правильного обращения

с бытовыми отходами (экоуроки, семинары). Проект — наглядный пример популяризации принципа разумного потребления как компоненты идейного потребления в обществе (форумы, выставки). Деятельность проекта направлена на реализацию ряда целей устойчивого развития³ (№ 6 — чистая вода и санитария, № 12 — ответственное потребление и производство, № 13 — борьба с изменением климата, № 14 — сохранение морских экосистем, № 15 — сохранение экосистем суши).

Также проект является частью всемирной экологической концепции «Преобразование нашего мира: повестка в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой резолюцией ООН, и вносит свой вклад в сохранение экосистемы планеты руками простых людей на местах.

Проект построен на добровольных началах и проповедует принципы свободы, уважения и ответственности. Участники проекта самостоятельно выбирают род деятельности в проекте, планируют свое время и вклад в общее дело. Практически отсутствует контроль (кроме некоторых ключевых моментов), нет принуждения, отсутствует финансовая заинтересованность.

Общая идея и разделяемые всеми участниками ценности формируют бережное и уважительное отношение друг к другу. Это проявляется в подготовке к проведению различного рода мероприятий, где критическим является соблюдение дедлайнов.

Осознание ответственности занимает центральное место в философии проекта. На семинарах, экоуроках и форумах эта фундаментальная категория является отправной точкой в презентации проекта, в понимании ее основных идей. Важно закрепить в сознании людей тезис о том, что перекладывание ответственности на другого человека, общество или государство неприемлемо и не решает проблему (контрпродуктивно). Персональная ответственность и адекватная оценка последствия принимаемых решений — вот основа разумного поведения.

В команду волонтеров входят люди разного социального статуса и возраста (подростки, молодежь, пенсионеры и пр.). Костяк проекта самоорганизовался по территориальному признаку среди активных соседей. Проблема замусоренности и нелегальных мест захоронения и сжигания бытовых отходов побудило жителей объединить усилия и решать надвигающуюся экологическую катастрофу самостоятельно. На данный момент проект развивается через соцсети. Число единомышленников растет, укрепляются связи сообщества на уровне государственных структур и коммерческих организаций.

За основу деятельности была взята модель НКО «Собиратор»⁴: на складе аккумулируется большой запас отсортированного по фракциям вторсырья

³ Sustainable Development Goals — набор из 17 взаимосвязанных целей, разработанных в 2015 году Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех».

⁴ «Собиратор» — это некоммерческая экологическая организация, которая ежедневно помогает и поддерживает тех, кому это нужно, прививает людям культуру осознанного потребления, учит бережно относиться к природе и ресурсам (www.sobirator.ru).

с минимальным засором, который раз в месяц отгружается переработчику. Затраты на транспортировку частично компенсирует розничная торговая сеть «ВкусВилл».

В рамках проекта проходят социально значимые мероприятия разного уровня и масштаба: шеринг-зона (обмен неиспользуемыми вещами); сборы для разных нужд (беженцам, приютам для бездомных животных и пр.); ярмарка, где за донат можно приобрести экологичные и полезные вещи (шоперы, компостируемые губки для посуды и мочалки, многоразовые бахилы из сломанных зонтиков); локальные развлекательные и спортивные праздники.

Современное общество все глубже погружается в одноразовое потребление по модели «употребил и выкинул», «посмотрел и забыл». Зачастую дешевле купить новое, нежели починить старое. Привычка бережно относиться к материальным вещам утрачивается, в этом нет необходимости, ведь они быстро устаревают. На этом фоне проявляется феномен безразличного потребления, при котором вещи не просто скупаются (собираются) потребителем, а недоиспользуются, складываются, в результате чего их потребительские свойства утрачиваются, ресурсы, потраченные на их производство, исчезают, вложенный труд обесценивается. Со временем такое отношение к вещам входит в привычку и начинает распространяться на социальные отношения.

Кроме того, деятельность как существенная черта социального взаимодействия утрачивает свое значение. Люди меньше преобразовывают действительность (действуют) и больше сами подстраиваются под существующий мир вещей (Э. Фромм). Так рождается пассивный человек-потребитель, не умеющий разумно пользоваться вещами. «Человек — продукт не обстоятельств и воспитания, а активной предметно-практической деятельности по изменению обстоятельств, преобразованию действительности. Лишь переделывая, изменяя их, он тем самым изменяет, формирует, образует и себя как человека» [Босенко, 2004, с. 110].

Особенно ярко это проявляется в предметной деятельности ребенка, через которую он включается в мир человеческой культуры и учится ценить материальные вещи (Э. Ильенков). Действительно, эффект от самостоятельно сделанной табуретки, отпечатывается в сознании ребенка на всю жизнь и формирует трепетно-бережное отношение к данной вещи и понимание ценности вещи, которая тоже сделана руками человека. Связующим звеном этого выступает творческая деятельность человека.

Отдельно взятый материальный продукт — это не просто предмет потребления, это определенным образом подготовленные (переработанные) ресурсы (сырье) и вложенные усилия (труд), из чего в конечном итоге получается продукт с особыми свойствами, приносящий практическую и эстетическую пользу. И если проблема ресурсов лежит в плоскости экологов, то отчужденный труд в контексте безразличного потребления — забота философов.

Здесь отчужденный труд приобретает новый окрас. Роль индустриального человека, который под гнетом капиталиста ежедневно вкладывает частичку себя в то, что он делает, совершая грубые и однотипные операции, и где результат

его деятельности ему не принадлежит, теряется на фоне новой модели потребительского поведения. Потребитель как получатель полезных свойств продукта решает как использовать продукт и использовать ли вообще. Довольно часто купленная вещь остается лежать на полке, растрачивая свою полезность (то есть свою сущность) в пустоту. Безразличное потребление заключается в том, что потребитель, вместо того чтобы использовать продукт по назначению, небрежно и безответственно подходит к его употреблению. Потребителя абсолютно не волнует, какое количество ресурсов ушло на производство и какие усилия потребовались, чтобы, скажем, добыть сырье или обеспечить транспортировку продукта на склад или прилавок магазина. Так, в обществе потребления первостепенным является присвоение (покупка) результатов труда как демонстрация статуса в обществе. Продукт в этом случае может вообще не потребляться и по истечении срока годности будет выброшен. Довольно часто такое отношение к вещам приводит к появлению феномена одноразового общества.

В основании таких отношений «человек – вещь» находится экономическая система, провоцирующая перепотребление и одноразовость. Спиралевидная схема рынка, где главенствует мотив получения прибыли, склоняет чашу весов в пользу производства и употребления одноразовых продуктов. «Прежде человек был ритмической мерой вещей, теперь же сами вещи задают человеку свой дискретный ритм — внезапно и дискретно возникают, приходят в негодность или же, еще не успев состариться, уступают место другим» [Бодрийяр, 2022, с. 180].

У Бодрийяра в книге «Система вещей» показано отношение кредита и вещи: когда товар, оплачиваемый частями (растянутая во времени покупка), не возмещает вложенный в него труд и потраченные ресурсы. Так, вещь фактически не существует, но уже потребляется. Принимая во внимание то, что деньги (средство обмена, денежная коммуникация), которыми расплачиваются за вещи, тоже товар со специфическими свойствами (обеспеченность), выходит, что и они не существуют. Таким образом, пользование вещью также превращается в гиперреальный процесс. «Сегодня же вещи появляются у нас, еще не будучи заработаны, предваряя собой воплощенную в них сумму трудовых усилий, их потребление как бы опережает их производство» [Бодрийяр, 2022, с. 180].

Термин «одноразовое общество» был позаимствован из журнала *LIFE*, где в августе 1955 года была опубликована статья «Одноразовая жизнь» (*Throwaway Living*). Там шла речь об удобной одноразовой посуде, которую более не нужно было мыть, ее можно было просто выбросить, а свободное время предлагалось потратить на что-либо более приятное, чем уборка. Спустя более полувека человечество столкнулось с последствиями этого необдуманного выбора — свалки бытовых отходов.

До начала XX века проблемы мусора практически не существовало: большинство вещей были многоразовыми — их берегли и по возможности ремонтировали. Повсеместное внедрение пластика изменило общество. Люди

научились выбрасывать вещи. Бумажный стаканчик компании Dixie — хрестоматийный пример одноразовой продукции и, как оказалось, самый коварный. Он был изобретен в 1907 году как способ борьбы с угрозой для здоровья, которую, как считалось, несли многоразовые стаканы в общественных точках питьевой воды. Однако смесовый материал (бумага и пластик), используемый для изготовления такого стаканчика, не поддается эффективной переработке (отрицательное соотношение затрат и результатов): пластик из такого стакана невозможно извлечь. Впоследствии он разлагается в природе на микропластик, отравляя продуктами разложения почву, грунтовые воды и воздух.

Запуск подобных товаров в массовое производство, а также рост сетей быстрого питания изменило представление людей о быте. Модели поведения «поел – выбросил» и «ты заслужил отдых сегодня»⁵ набирало популярность и прочно засело в сознании людей как правильные и единственно возможные. Забота о гигиене и здоровье человека подтолкнула медицинские организации перейти на одноразовые предметы. Ведь стоимость дезинфекции медицинских инструментов достаточно высока, но даже она не исключает риск перекрестного заражения. На сегодняшний день к списку одноразовых товаров можно добавить одежду, которая после нескольких стирок теряет надлежащий вид; технику, которая выходит из строя после истечения срока гарантии, и пр.

Массовое распространение одноразовых товаров в быту взращивает одноразовое отношение к жизни (бытие определяет сознание). Человек, не задумываясь, продолжает безразлично потреблять большее количество вещей, и в конечном счете такой поверхностный подход находит отражение во взаимодействии с другими людьми: употребление человека человеком, превращение его в вещь. В диалектике «раба и господина» Гегеля⁶ такая ситуация возможна, когда раб самостоятельно на ментальном уровне принимает культурные модели господина, оценивает свое рабское положение как должное и не видит ничего зазорного в том, чтобы быть вещью. Только тогда происходит объективация в массовом сознании этой модели поведения, и она становится идеалом. Так социальная система работает исправно, производительные силы растут, многие вещи производятся фабрично с помощью роботов и необходимость в тяжелом, подневольном труде отсутствует. Однако теперь возникает необходимость в тяжелом, подневольном потреблении.

Заключение

Перенасыщение событиями укоряет социальное время и толкает человека жить в ритме здесь и сейчас, что также подкрепляет феномен одноразовости.

⁵ Лозунг McDonald's, который подразумевал не только избавление от приготовления блюд, но и последующего мытья посуды и уборки.

⁶ Глава в книге «Феноменология духа».

То, что не вписывается в этот принцип, выбрасывается за рамки жизнедеятельности как ненужное. Это позволяет экономить (сохранять) самый ценный и невозполнимый ресурс — время. Люди не обременяют себя материальными вещами, которые в своей сущности кажутся им тяжелыми и неудобными (вопросы быта и приспособлений). Они готовы заплатить тем, кто решит эти вопросы за них, развивая тем самым легкую промышленность и сферу услуг.

Таким образом, в глобальном экономико-социальном пространстве проблемы загрязнения окружающей среды и осознанного отношения к вещам выходят на первый план. Ряд стран Евросоюза на законодательном уровне уже запретили производство и продажу одноразовой продукции (полиэтиленовые пакеты, пластиковые трубочки). Россия также предложила ряд инициатив по запрету производства изделий из перерабатываемого пластика. Однако решающий фактор в борьбе за благополучие людей — это осознание человечеством надвигающейся угрозы одноразового общества в массовом сознании и, как следствие, поиск путей переориентирования социального бытия.

Список источников

1. Панцхава И. Д. Диалектический материализм в свете современной науки. М.: Мысль, 1971. 262 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1975. 717 с.
4. Жбанкова И. И. Проблема взаимодействия (философский очерк). Минск: Звезда, 1971. 142 с.
5. Корнев В. В. К критике категории «Потребление» [Электронный ресурс] // Вестник томского государственного университета. 2005. № 287. С. 37–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12000850>
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: AST Publishers, 2020. 320 с.
7. Осипов Г. В. Введение в социологическую науку. М.: Наука, Вече, 2010. 332 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19672898>
8. Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И. Социология: история и современность. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 672 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23322051>
9. Босенко В. А. Воспитать воспитателя. Киев: ВСР, 2004. 352 с.
10. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Рипол Классик, 2022. 329 с.
11. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рипол Классик, 2022. 263 с.
12. Корнев В. В. Философия повседневных вещей. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 253 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19672606>

References

1. Panckhava, I. D. (1971). *Dialekticheskij materializm v svete sovremennoj nauki* [*Dialectical materialism in the light of modern science*]. Moscow: Mysl'. 262 p. (In Russian).

2. Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow: A TEMP. 944 p. (In Russian).
3. Kondakov, N. I. (1975). *Logicheskij slovar' [Logic dictionary]*. Moscow: Nauka. 711 p. (In Russian).
4. Zhbankova, I. I. (1971). *Problema vzaimodejstviya (filosofskij ocherk) [The problem of interaction (philosophical essay)]*. Minsk: Zvezda. (In Russian).
5. Kornev, V. V. (2005). К критике категории «Потребление» [To criticism of the category "Consumption"]. *Bulletin of Tomsk State University*, 287, 37–40. (In Russian). Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12000850>
6. Bodrijar, Zh. (2020). *Obshchestvo potrebleniya [Consumer society]*. Moscow: AST Publishers. 142 p. (In Russian).
7. Osipov, G. V. (2010). Vvedenie v sociologicheskuyu nauku [Introduction to sociological science]. Moscow: Nauka, Veche. 332 p. (In Russian). Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19672898>
8. Volkov, Yu. G., Nechipurenko, V. N., & Samygin, S. I. (1999). *Sociologiya: istoriya i sovremennost' [Sociology: history and modernity]*. Rostov n/D: Feniks. 672 p. (In Russian). Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23322051>
9. Bosenko, V. A. (2004). *Vospitat' vospitatelya [Educate a tutor]*. Kiev: VSR. 352 p. (In Russian).
10. Bodrijar, Zh. (2022). *K kritike politicheskoy ekonomii znaka [Toward a critique of the political economy of the sign]*. Moscow: Ripol Klassik. 329 p. (In Russian).
11. Bodrijar, Zh. (2022). *Sistema veshchej [System of things]*. Moscow: Ripol Klassik. 263 p. (In Russian).
12. Kornev, V. V. (2011). *Filosofiya povsednevnyh veshchej [Philosophy of everyday things]*. Moscow: Yunajted Press. 253 p. (In Russian). Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19672606>

Информация об авторе / Information about the author:

Сухов Андрей Алексеевич — ассистент Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Sukhov A. Alekseevich — assistant at the Institute for the Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

suhovandrei@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3722-0050>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;
- шрифт — 14, Times New Roman;
- интервал — полуторный;
- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);
- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа

используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК — <https://teacode.com/online/udc/>);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID — <https://orcid.org>) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, — в соответствии со стилем APA (7th edition) (<https://apastyle.apa.org>). В *References* необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в *References* должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи **подстрочными ссылками** (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черенькой* (ChernenkayaSV@mgpu.ru).

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философия».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2023, № 3 (47)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:
А. В. Лященко

Корректор:
К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:
А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 20.10.2023 г.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.
Объем: 7 печ. л. Тираж: 1000 экз.